КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

64

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны. — Арест думской „пятерки" в 1914 г. — Из истории рабочего движения накануне мировой войны. — Солдатские настроения накануне мировой войны. — К вопросу о подготовке мировой войны. Николай Романов в первые дни мировой войны. — Борьба за рабочую печать накануне мировой войны. — Неизданное письмо В. М. Гаршина.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1934

ОГИЗ * СОЦЭКГИЗ * КОГИЗ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
следующие книги:

ПОКРОВСКИЙ М. Н.

Историческая наука и борьба классов.

(Историографические очерки, критические статьи и заметки). Сборник подготовлен к печати Институтом истории Комакадемии. Соцэкгиз. 1933. (Коммунистическая академия). Выпуск I. Стр. 327, вкл. портрет. Ц. 4 р., в пер. 5 р. Выпуск II. Стр. 450. Ц. 4 р., в пер. 5 р.

ПОКРОВСКИЙ М. Н.

Русская история с древнейших времен.

В четырех томах. Соцэкгиз. 1933 г. (Институт истории Коммунистической академии).

Том I.

Стр. 272. 3 карты. 1 портрет. Ц. 2 р. 75 к. в пер. 4 р.

Том II.

Стр. 327. 10 карт. Ц. 3 р. 95 к., в пер. 4 р. 50 к.

Том III.

Стр. 276. 10 карт. Ц. 3 р. 50 к., в пер. 4 р. 75 к.

Том IV.

Объем 28 л. Ц. 4 р. (печ.)

Продажа во всех магазинах, отделениях и киосках Когиза

Почтовые заказы направлять „Книга почтой" во все областные (краевые) отделения Когиза.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

ОГЛАВЛЕНИЕ

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны. С предисловием **Н. Ванага** 3

Арест думской „пятерки" в 1914 г. С предисловием **А. Бадаева** . . 31

Из истории рабочего движения накануне мировой войны. С предисловием **А. Спировой** 52

Солдатские настроения накануне мировой войны. С предисловием **Ф. Нотовича** 73

К вопросу о подготовке мировой войны. С предисловием **Е. Адамова** . 85

Из записной книжки архивиста

Николай Романов в первые дни мировой войны. С предисловием **Д. Заславского** 130

Борьба за рабочую печать накануне мировой войны. С предисловием **В. Далаго** 139

Неизданное письмо В. М. Гаршина. Сообщил **Г. Ф. Лаппо** 143

Сдано в произв. 16/V — 19/VII 1934 г. Подписано в печать 7/VIII 1934 г.
Статфор. $Б_5$ 176 × 250 9 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 21. Зак. 407
Уполн. Главлита Б—39141 Тираж 2850

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны

(Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Госуд. думы 20 июня 1916 г.).

Публикуемые ниже речь Шингарева и прения в заседании Военно-морской комиссии Государственной думы 20 июня 1916 г. представляют собой непосредственное продолжение публикации «Красного архива», в которой был дан доклад Милюкова, сделанный им в заседании той же комиссии 19 июня 1916 г.[1]).

Не внося ничего принципиально нового в освещение политического содержания поездки «парламентской» делегации за границу летом 1916 г., настоящая публикация тем не менее представляет значительный самостоятельный интерес. Она ярко отражает первые практические шаги сговорившихся англо-французских и русских империалистов в деле совместного продолжения империалистической бойни в интересах грабежа и разгрома намечавшегося революционного выхода из войны.

Затронутый в заседании 19 июня Милюковым вопрос о необходимости «сохранить духовное единство наше с нашими союзниками, сохранить мобилизацию общего народного настроения»[2]) стал, в связи с сообщением Шингарева о перспективах заключения займа в странах союзников, центральным вопросом заседания 20 июня 1916 г.

Излагая содержание бесед «парламентской» делегации с английским и французским министрами финансов, с лордом и с бароном Ротшильдами, речь Шингарева дает яркое представление о том, что первоначальная тактика сговаривавшихся англо-французских империалистов и представителей русского «парламента» против царизма, серьезно ориентировавшегося в результате поражений и роста революционного движения на заключение грабительского мира с Германией, не выходила из рамок финансового давления. Эта тактика нашла свое выражение в настойчивых требованиях Мак Кенна (английский министр финансов) о дальнейшей высылке русского золота, в своеобразном ослаблении памяти у французского министра финансов Рибо, будто бы «забывшего» о соглашении на получение Россией по 300 млн. франков ежегодно на строительство стратегических железных дорог в течение 5 лет, и, наконец, в прямых упреках лорда и барона Ротшильдов в том, что «наш общий кредит подрывается в Америке вами». О силе финансового давления свидетельствует тщетность всех попыток добиться к лету 1916 г. каких бы то ни было официальных кредитов у союзников, аргументировавших отказ тем, что «мы издержали огромную сумму денег, вычерпали все, что есть». Были использованы все возможности, обращались даже к Италии, Норвегии, Швеции, а в перспективе оказались лишь обещания директора Кредито-итальяно «устроить заем в размере 100 млн. лир».

---

[1]) См. „Красный архив" том LVIII, стр. 3—23.
[2]) Там же, стр. 13.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны. С предисловием **Н. Ванага** 3

Арест думской „пятерки" в 1914 г. С предисловием **А. Бадаева** . . 31

Из истории рабочего движения накануне мировой войны. С предисловием **А. Спировой** 52

Солдатские настроения накануне мировой войны. С предисловием **Ф. Нотовича** 73

К вопросу о подготовке мировой войны. С предисловием **Е. Адамова** . 85

Из записной книжки архивиста

Николай Романов в первые дни мировой войны. С предисловием **Д. Заславского** 130

Борьба за рабочую печать накануне мировой войны. С предисловием **В. Далаго** 139

Неизданное письмо В. М. Гаршина. Сообщил **Г. Ф. Лаппо** 143

Сдано в произв. 16/V — 19/VII 1934 г. Подписано в печать 7/VIII 1934 г.
Статфор. Б$_6$ 176 × 250 9 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 21. Зак. 407
Уполн. Главлита Б—39141 Тираж 2850

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны

(Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Госуд. думы 20 июня 1916 г.).

Публикуемые ниже речь Шингарева и прения в заседании Военно-морской комиссии Государственной думы 20 июня 1916 г. представляют собой непосредственное продолжение публикации «Красного архива», в которой был дан доклад Милюкова, сделанный им в заседании той же комиссии 19 июня 1916 г. [1]).

Не внося ничего принципиально нового в освещение политического содержания поездки «парламентской» делегации за границу летом 1916 г., настоящая публикация тем не менее представляет значительный самостоятельный интерес. Она ярко отражает первые практические шаги сговорившихся англо-французских и русских империалистов в деле совместного продолжения империалистической бойни в интересах грабежа и разгрома намечавшегося революционного выхода из войны.

Затронутый в заседании 19 июня Милюковым вопрос о необходимости «сохранить духовное единство наше с нашими союзниками, сохранить мобилизацию общего народного настроения» [2]) стал, в связи с сообщением Шингарева о перспективах заключения займа в странах союзников, центральным вопросом заседания 20 июня 1916 г.

Излагая содержание бесед «парламентской» делегации с английским и французским министрами финансов, с лордом и с бароном Ротшильдами, речь Шингарева дает яркое представление о том, что первоначальная тактика сговаривавшихся англо-французских империалистов и представителей русского «парламента» против царизма, серьезно ориентировавшегося в результате поражений и роста революционного движения на заключение грабительского мира с Германией, не выходила из рамок финансового давления. Эта тактика нашла свое выражение в настойчивых требованиях Мак Кенна (английский министр финансов) о дальнейшей высылке русского золота, в своеобразном ослаблении памяти у французского министра финансов Рибо, будто бы «забывшего» о соглашении на получение Россией по 300 млн. франков ежегодно на строительство стратегических железных дорог в течение 5 лет, и, наконец, в прямых упреках лорда и барона Ротшильдов в том, что «наш общий кредит подрывается в Америке вами». О силе финансового давления свидетельствует тщетность всех попыток добиться к лету 1916 г. каких бы то ни было официальных кредитов у союзников, аргументировавших отказ тем, что «мы издержали огромную сумму денег, вычерпали все, что есть». Были использованы все возможности, обращались даже к Италии, Норвегии, Швеции, а в перспективе оказались лишь обещания директора Кредито-итальяно «устроить заем в размере 100 млн. лир».

---

[1]) См. „Красный архив“ том LVIII, стр. 3—23.
[2]) Там же, стр. 13.

В то время как официальное кредитование было фактически прекращено, «все последнее время,— по словам докладчика,— шли частые займы: каждый день, сегодня на медикаменты — 100 тыс. фунтов, завтра — 60 тыс. фунтов, послезавтра ходят, например, несчастные фигуры батюшек и просят воск купить. Через день еще идут люди, которые говорят, что нам надо стали инструментальной, через день с обувью вопрос. Каждый день происходят бесконечные просьбы отдельных ведомств, частных лиц и учреждений. Дают им понемножку, дают им, по сколько можно».

Даже синод, не в пример царскому министерству финансов, удостоился кредита в 60 тыс. фунтов. Правда, «святые отцы» не удовлетворились 600 тыс. рублей. «Двое батюшек из синода» приходили во время пребывания делегации за границей к Милюкову и Гурко с просьбой помочь им в получении более солидного кредита. Это обращение батюшек к Милюкову — мелкий, но яркий штрих в докладе Шингарева, характеризующий возросшую политическую силу Милюковых со времени их принципиального сговора с англо-французскими империалистами.

Путем финансового давления англо-французские империалисты при помощи Милюковых и Шингаревых добивались той политической цели, которая впоследствии толкала русскую буржуазию к непосредственному захвату власти.

Заполнивший почти все заседание комиссии 20 июня еврейский вопрос с этой точки зрения имел лишь служебное, подчиненное основному вопросу, значение.

В основе складывавшегося летом 1916 г. заговора лежал вопрос, по которому Шингареву в его беседах за границей «приходилось испытывать чувство величайшего смущения и стыда». Что таким вопросом было бессилие царизма до конца бороться за «разрешение и нашего национального вопроса и национальных вопросов союзников», не приходится долго доказывать. Это подчеркивается неоднократными ссылками Шингарева на «собственное внутреннее управление», ссылкой Милюкова на авторитетное заявление французского профессора Баша о том, «что в России имеются значительные общественные силы, представленные либеральным блоком Государственной думы» и готовые на ряд либеральных реформ. Наконец, оно подтверждается рассуждениями Родичева «о нравственном авторитете», которым должна пользоваться государственная власть, и разглагольствованиями «социалистического Иванушки» — Керенского, заявившего, что «современное государственное положение страны требует, чтобы в России создалась новая власть, чтобы в России ушли с министерских мест сторонники Маркова 2-го».

С наибольшей отчетливостью политическая сторона финансового давления сговаривавшейся англо-французской и русской империалистической буржуазии, а также смысл «прений» по еврейскому вопросу нашли свое выражение в «споре» между Милюковым и Марковым 2-м. Отвечая на реплику Маркова о том, что «еврейские банкиры с помощью либералов хотят уничтожить Россию как самостоятельное государство», Милюков в нескольких словах вскрыл истинное содержание перебранки между «милыми дружками» в заседании комиссии по отчетным докладам делегации.

«Если Америка скандализована,— говорил Милюков,— если наши союзники стыдятся и конфузятся, то... это вызвано тем, что среди культурно-цивилизованных народов находится товарищ, который ведет себя немножко не в рамках условных приличий. Происходит нечто объективно неприличное... ведут себя неприлично специфические элементы, и против них должен быть обращен упрек, и их надо устранить с нашей дороги, если вы хотите итти дальше».

Комментируя далее слова о неприличном поведении «специфических элементов», Милюков вплотную подходит и к сути вопроса, прикрытого словами о еврейском равноправии.

«Кому полезно, что в России существует такое отношение к евреям? — вопрошает кадетский лидер. — Очевидно, германцам... Да, это есть сознательная или бессознательная работа на германцев... Да, господа, поскольку эта работа делается, мы

имеем дело с большой национальной опасностью. Никогда она так ярко не предстояла перед нами, как теперь она обнаружилась и, препарированная, показана всем нам в свете исключительных обстоятельств... Теперь, когда урок предстал в такой яркости, такой объективности, не отворачивайтесь, поймите его смысл хорошенько и запомните, где находится национальная опасность».

В словах, разъясняющих, «где находится национальная опасность», произнесенных в заседании думской комиссии, продемонстрирована сущность спора двух контрреволюционных империалистических лагерей, из которых один пытается решить империалистические цели войны путем дальнейшего сохранения верности в данной войне финансовой фирме «Англия и Франция», а другой, с нарастанием революционных событий, все более и более ориентируется на немедленное заключение грабительского мира с Германией и на поворот от борьбы против Германии к борьбе против Англии.

«Спор» между дружками так и не был решен. Удар, нанесенный пролетариатом и под его руководством многомиллионным крестьянством по царизму, разрушил планы империалистов как из лагеря Пуришкевичей и Марковых, так и из лагеря кадетско-октябристской буржуазии.

Н. Ванаг.

Печатаемая ниже стенограмма доклада А. И. Шингарева 20 июня 1916 г. в Военно-морской комиссии Государственной думы и прений по докладу непосредственно примыкает к опубликованным в LIV—LV и LVIII томах «Красного архива» «Дневнику П. Н. Милюкова» и докладу Милюкова в Военно-морской комиссии 19 июня 1916 г. о поездке русской «парламентской» делегации (в составе 6 членов Госуд. совета и 10 членов Госуд. думы) за границу в апреле—июне 1916 г. По возвращении домой участники этой поездки, организованной представителями российского октябристско-кадетского капитала в целях сговора с англо-французскими империалистами об основах дальнейшего продолжения мировой бойни, выступили с отчетными докладами. Доклады делегатов-думцев состоялись в специально назначенных заседаниях Военно-морской комиссии Госуд. думы 19 и 20 июня, накануне закрытия сессии Думы. 19 июня выступили: А. И. Шингарев с общим докладом о военно-технической работе Антанты, посещении депутатами Западного фронта, об истощении Германии и т. д., В. Я. Демченко — с докладом о мобилизации союзниками промышленности на нужды войны и авиации, П. Н. Милюков — с политическим докладом (см. LVIII т. «Красного архива»), Б. А. Энгельгардт — с докладом, главным образом, о военных организациях союзников. Прения по докладам, начавшиеся 19 июня, были перенесены в утреннее заседание комиссии 20 числа. Это заседание началось ответами Шингарева на вопросы о состоянии итальянского и французского флотов, о взаимоотношениях рабочих с предпринимателями в Англии, о возможности заключения займа в союзных странах, валютном вопросе и вывозе русского золота за границу. Ниже печатается речь Шингарева, посвященная вопросу о золоте, а также стенограмма прений, последовавших за его сообщением. Конец стенограммы о поручении Шингареву сделать в пленарном заседании Госуд. думы резюме сообщений членов делегации в Военно-морской комиссии здесь не воспроизводится.

Стенограмма печатается по подлиннику, хранящемуся в фонде Госуд. думы, отдел законодат., 1916 г., арх. № 4357, «Наряд журналам Комиссии по военным и морским делам», ч. II, лл. 350—394 (ЛОЦИА). — Текст подготовил к печати А. А. Сергеев.

Заседание Военно-морской комиссии Госуд. думы 20 июня 1916 г.

Шингарев. — Есть ли надежда на заключение займа в союзных странах? В каком положении находится валютный вопрос и настаивают ли за границей на высылке золота? Этот вопрос предложен отцом Трегу-

бовым. Может быть, вам угодно дополнить его или угодно раньше выслушать ответ? Я несколько затрудняюсь в Военно-морской комиссии давать разъяснения по чисто финансовым и экономическим вопросам. Вы припомните, что в качестве председателя Комиссии по военным и морским делам я имел честь попасть в состав нашей делегации, и в своем сообщении вам вчера я ни одним звуком не обмолвился о финансово-экономических вопросах. Я надеялся, что удастся добиться возможности хотя бы на несколько дней отсрочить конец сессии Государственной думы с тем, чтобы собрать Финансово-экономическую комиссию и сделать в ней соответствующий доклад. Но если угодно комиссии выслушать и этот ответ, я к услугам членов комиссии... (*Голоса:* «Просим»).

Мне пришлось заниматься, господа, этими вопросами и пришлось, насколько только я мог в качестве члена делегации, не имея никаких официальных полномочий от нашего правительства, выяснить для себя и для гг. членов финансовой и бюджетной комиссии, которые оказали мне честь, выбрав меня докладчиком по эмиссионному праву, выяснить те вопросы, которые нас тревожат и беспокоят. Должен я сказать, — я очень прошу разрешения потом в стенограмме целый ряд моих сообщений исключить, потому что они не предназначены для широкого распространения, — я должен сказать: насколько мои взгляды в области вопросов военных и технических оптимистичны, насколько я глубоко убежден в грядущей победе союзников и нас над общим врагом, настолько в области финансово-экономических вопросов за границей мне пришлось встретиться с целым рядом тяжелых осложнений, причина которых лежит, к сожалению, в нас самих, во внутреннем нашем положении.

В Англии я отправился прежде всего к министру финансов, Мак Кенна, просил его разрешения принять меня. Не считая возможным беседовать с ним по вопросам, которые будут затронуты наедине, я просил представителя нашей кредитной канцелярии фон-Заммена быть вместе со мной. Я считал, что наш официальный представитель должен знать, о чем я буду беседовать с министром финансов.

Эти разговоры начались таким образом: я спросил[1]) Мак Кенна, что меня интересуют два основных вопроса в нашем финансовом положении, которые я прошу его разрешения ему задать. Мак Кенна сказал: «Пожалуйста, я к вашим услугам». Прежде всего я его спросил: «Разрешите мне мой недоуменный вопрос, почему вы так настойчиво и так упорно и в соглашениях и дальше просите высылки нашего золота. Чем это вызывается? Почему вы требуете, чтобы мы высылали золото? Я должен не скрыть от вас, что это вызывает большое недовольство в России среди общественных кругов, широких кругов, а также среди членов законодательных учреждений, которые неоднократно в финансовой комиссии подчеркивали невозможность такой отправки золота и опасность для нас такой отправки. Я должен вам сказать, что дальнейшая отправка золота может подорвать единственный серьезный источник наших средств, внутреннюю эмиссию государственного банка и тем самым вызвать осложнения внутри, так как у нас дороговизна растет отчасти уже на этой почве. Как ни мало я лично придаю значение этому последнему фактору, но дело в том, что психологическое настроение

[1]) Так в подлиннике.

среди публики и некоторых наших финансовых кругов склоняется к этому мнению, и поэтому я лично просил бы мне разъяснить, почему вы так настойчиво требуете высылки золота».

Он на это мне сказал следующее: «Я не понимаю, прежде всего, позвольте мне разъяснить ваше внутреннее финансовое положение. Вы жалуетесь на то, что у вас нет средств. Но разве вы сделали все, чтобы их получить? Скажите, пожалуйста, какое у вас прямое обложение, как вы облагаете ваши доходы?» Я ему сказал, что теперь проведен подоходный налог, что у нас есть промысловый налог, подомовый, обложение земельное.— «А как облагает ваш подоходный налог ваши доходы?» Я ему сказал: «От 0,6 до 12% максимум». — «Но вы приняли его только теперь, и вступит он у вас в действие через 2½ года после начала войны, и вы облагаетесь максимум в 12%, а мы с начала войны, с первого дня, удвоили наше обложение доходов, и они у нас обложены 25%, а если вы прибавите обложение военной прибыли и всех тех излишков, которые теперь получаются некоторыми, то наше обложение доходит до 48%. Мы берем в пользу государства почти половину доходов, и когда вы дойдете до такого обложения, тогда вы можете говорить, что средства у вас исчерпаны, а пока вы облагаете себя несравненно легче и надеетесь на нашу помощь». Я ему сказал, что наша точка зрения с этой не расходится, но что это дело нашего финансового управления представлять соответствующие проекты, что дело здесь несколько замедлено, но те проекты, которые финансовое управление нам представило, получают одобрение законодательных учреждений, и в самих законодательных учреждениях раздаются голоса о дальнейшем обложении военной прибыли, и в самых законодательных учреждениях есть внесенные проекты об этом обложении, так что это дело времени. Затем я ему сказал, что разве можно считать обложение российское соответствующим обложению английскому. «Вы знаете наши народные доходы; вы знаете, что вы по нашим народным доходам берете не больше 10% всего народного дохода, у нас же существует огромное косвенное обложение, и мы берем до 20% всего дохода». И поэтому рассчеты его неправильны; мы должны считать, что тяжесть русского обложения значительнее, чем тяжесть обложения английского по отношению к широким массам населения. Что касается обложения состоятельных наших классов, то оно, конечно, ниже, чем в Англии, но их у нас вообще не так много, и даже если бы мы довели обложение до английского размера, мы получили бы одну двадцатую того, что нам нужно втечение года.

Конечно, эти мои возражения его не убедили, и тогда он сказал: «А золото мы требуем потому, что от нас его требуют. Каждую неделю я должен вывозить от 2—3 миллионов фунтов золота в Оттаву в канадский банк для рассчетов с Северо-Американскими Штатами. Вы знаете, 20—30 [1]) миллионов золота каждую неделю, как мы ни богаты, но тем не менее это продолжается второй год, и вы сами понимаете, что наши рессурсы весьма ограничены. Если мы не будем получать поддержки с вашей стороны, со стороны Франции и Италии, то что же получится? В настоящее время все союзные державы имеют нашу помощь. Франция у нас берет деньги, вы берете у нас деньги. Италия берет деньги, Бельгия и Сербия берут деньги. В конце концов, мы ведь одни, что

[1]) Так в подлиннике.

же вы хотите, чтобы мы прекратили платежи золотом в Америке? Ведь тогда не только мы, но и все вы начнете страдать. Получится общее финансовое расстройство, и ответственности за это я брать на себя не могу».

Тогда я говорю: «Г. министр, я не понимаю, почему от вас Америка требует золото. Это для меня совершенно непонятно. Если бы в первые месяцы Америка требовала золотом, это — естественно: неизвестность дальнейших действий, неналаженные / рассчеты, необходимость, быть может, пополнить собственный золотой запас, но в конце второго года, когда платежи достигли нескольких миллиардов рублей, золото для Америки совершенно не нужно. Это уже не золото, это балласт, это камни, которые лежат в банках, требуют охраны и дорогого транспорта и не приносят никаких процентов. Несравненно выгоднее для Америки было бы получать уплату процентными бумагами, потому что за все продолжительное время войны они получили бы 5—6% и больше. Что касается золота, то, в конце концов, Америка начнет страдать от него, как это было уже в ее финансовой истории несколько лет тому назад». Он говорит: «Да, вы совершенно правы, я также им все время говорю и я также не понимаю, почему они от меня требуют золота». То, что непонятно было ему, и то, что не хотел он мне сказать, в дальнейшем вскрылось во Франции, в моих беседах. Я ему тогда сказал, что «может быть, вы все-таки не будете очень настаивать на том, чтобы высылка золота у нас продолжалась, вы же имеете огромный приток золота по всем вашим платежам». Он говорит: «Разве вы не знаете, что я сделал все в этом направлении, я скупил все бумаги американские, какие есть в Америке. Я плачу постоянно этими бумагами. Если бы я не платил этими бумагами, мы бы давно все наше золото отдали, но я все время покупаю процентные бумаги американские железнодорожные, промышленных предприятий, банков, которые обращаются в Англии, и этими бумагами оплачиваю наши долги в Америке. Но их становится на рынке все меньше и меньше. Как ни богаты мы этими бумагами, но за два года войны мы значительную часть вычерпали. Наконец, мы обложили специально американские бумаги, с тем, чтобы их было выгоднее нам отдавать. Мы покупаем их по высокой цене, но бывает время, когда я не могу купить на рынке бумаг: их нет, тогда нужно везти золото, и так как приток золота в данный момент очень слаб, так как все страны, которые нам его платят, до известной степени задерживают или не присылают его вовсе, тогда наступает острая необходимость оплаты золотом. На этот случай я держу обязательство ваше, французское, итальянское, чтоб иметь это золото для расплаты». «Но вы,— сказал он,— еще не заплатили и половины, мы не получили по соглашению с вами и половины того, что вы обязаны дать». Так что оказалось, что наш министр финансов еще не совсем исполнил свои обязательства.

Затем второй вопрос, который я ему предложил, заключался в следующем. Я сказал, что существует большое недовольство тем соглашением, которое было заключено,— я не позволю себе его критиковать, но должен передать мнение и настроение законодательных учреждений, моих товарищей, что это соглашение наложило на нас довольно тяжелые обязательства, — и спросил, насколько он мог бы мне ответить, что в будущих переговорах о новом соглашении эти пункты будут изменены или отменены, и в каком виде он представляет себе наше новое соглашение. На этот второй вопрос он ответил так: «Вопрос о новом со-

глашении поручен британским правительством лорду Китченеру, который приедет специально к вам в Россию и все условия о новом соглашении ему известны». Иначе говоря, он мне сказал, что «я давать вам объяснения не уполномочен, да и вы не уполномочены вести переговоры». Мне оставалось только встать и раскланяться.

Что касается дальнейшего, то вопрос о выяснении положения нашего дела таков[1]), хотя в Англии в этом смысле больше говорить было не с кем.— Ллойд Джордж занят другими вопросами, финансов теперь не касается, и только в области крупных банков необходимо было спросить лорда Ротшильда, у которого мы были — был Протопопов, я, был Милюков. Лорд Ротшильд ответил очень просто: «Вы стесняете наш кредит в Америке. В Америке мы страшно стеснены». Я забыл сказать, гг., что Мак Кенна на мой вопрос: «Отчего же, раз у вас нехватает бумаг, и вы не желаете вывозить золото, вы не заключаете в Америке займы, которые Америке выгоднее, чем простое золото?» сказал: «Скажите, пожалуйста, что же, вы думаете, я этого не понимаю, что же, я этого не делал? Разве вы не знаете, что наш англо-французский заем в Америке был неудачен и нам этот заем не удалось покрыть?» Лорд же Ротшильд сказал: «Вы мешаете нашему кредиту в Америке». Больше я не мог ничего от него добиться: вероятно, не хотелось ему говорить мне неприятных вещей, и он ограничился этим.

Во Франции я отправился к министру финансов Рибо и имел с ним разговор довольно продолжительный. Первый визит не удался: меня задержали в сенате, а он приглашал меня в министерство. На другой день, когда я выяснил по телефону, что был задержан в сенате с делегацией, он был очень любезен и пригласил меня завтракать к себе, так что я пробыл у него часов около двух и во время завтрака вел с ним беседу по поводу финансового положения. Начал я беседу о положении бумажного обращения и спросил, каково его мнение о дальнейшем выпуске бумажных денег и как он намерен их потом ликвидировать. Он сказал: «Да, у нас выпуска почти столько же, сколько у вас. У нас выпущено почти 15½ миллиардов, у вас около 16 миллиардов франков бумажек». Я сказал: «Да, но Франция значительно меньше. В России на голову населения, на площадь приходится неизмеримо меньше, чем у вас. У нас 16 миллиардов франков на 170 миллионов населения, а у вас на 35 миллионов, затем пространство Франции ничтожно по сравнению с пространством России, и наше бумажное денежное обращение требует несомненно больше бумажек, ибо и медленность его больше». «Да, верно,— сказал Рибо,— но это нас не тревожит, потому что население прячет как и всякие деньги, на всякий случай: оно привыкло сберегать, часть несет в сберегательные кассы, в банки, а часть прячет. Мы знаем, что огромная масса бумажек спрятана, ибо циркуляция немногим превышает то, что было до войны».

Он спросил далее мое мнение, насколько у нас тяжело отражается обращение бумажек, и я ответил то, что говорил в докладе Думе, что масса бумажных денег задерживается кредитными учреждениями, сберегательными кассами, мелкими крестьянскими кредитными товариществами, коммерческими банками, что все это значительно парализует вред от бумажек, что выпуск внутренних займов, который дошел до 5 миллиардов, поглощает бумажки, и что эта циркуляция в известной сте-

[1]) Так в подлиннике.

пени у нас налажена, но тем не менее уже начинает чувствоваться давление бумажек на внутренние цены, начинает появляться нежелание населения отчуждать свои главные продукты, в особенности сельскохозяйственные, отчего начинают страдать города, ибо они должны оплачивать дорогие продукты. Тем не менее лично я думаю, что этот процесс только начинается, что мы не зашли далеко вперед, но требуется огромная осторожность, а главное, требуется ваша помощь, чтобы наше золото не уплывало за границу. Он говорит: «Какая моя помощь, причем моя помощь?» Я сказал: «Видите, Мак Кенна говорил, что Италия и вы даете легко ваше золото, ставит вас в пример и не понимает, почему мы упираемся. Но ведь для вас это просто, а у нас тяжело, у нас хотя серьезного финансового значения золото, быть может, и не имеет, но психологическое значение больше; если население узнает, что золото уходит, а бумажки растут, это опасно, и если вам важно настроение единое, цельное настроение империи, конечно, необходимо, чтобы и вы помогли нам в том смысле, чтобы не давать Англии большого количества золота». Я ему повторил то, что мне сказал Мак Кенна, и прибавил: «Раз он ссылается на вас, помогайте нам не давать, и вы не давайте так легко вашего золота. Конечно, вам легче это сделать, так как у вас 2 миллиарда имеется в обращении, а у нас золота в обращении почти нет, может быть, всего 100 миллионов рублей — не больше. То, что вы делаете охотно, дает право Англии требовать от нас выпуска золота».

Рибо рассмеялся и говорит: «Может быть, Англия хитрит, ссылаясь на Америку, но их положение трудное; действительно, как ни богаты мы и они, но и Англия и мы в достаточной мере задолжали Америке, а Америка не желает считаться с нашими желаниями. Что касается того, что ваш выпуск бумажек начинает удорожать продукты и что у вас он шел не совсем так, это, конечно, верно, и это я все говорил г. Барку» [1]).

Затем я ему сказал: «Мне хотелось бы, г. министр, предложить вам еще один вопрос: до войны у нас было соглашение с Францией о получении по 300 миллионов франков ежегодно на стратегические железные дороги втечение 5 лет. Текст этого соглашения есть у меня, и в бюджетной комиссии им очень заинтересовались, а потому я хотел бы просить вас дать мне ответ, считаете ли вы, что это соглашение действует и теперь». Он улыбнулся и говорит: «Я, признаться, совершенно о нем забыл, и вы ставите меня в слишком тяжелое положение. Конечно, мы от нашего соглашения не отказываемся, но оно имеет совершенно другую цель — стратегические железные дороги. Ведь теперь все изменилось». А я ему ответил: «Как! А постройку 2 тысяч верст на нашем фронте вы не считаете стратегическими дорогами? Вы думаете, что они строились без денег? Мы платим и за рельсы, и за паровозы, и за американские вагоны. Разве Франции не помощь, что мы строим стратегические дороги на нашем фронте?» Он тогда говорит: «Да, конечно, вы очень ловко ставите вопрос, но, признаться, я совсем об этом соглашении забыл». Ну, после некоторых разговоров он, тем не менее, сказал, что переговоры об этом возможны, что он подумает, что он должен принять во внимание необходимость учесть и эту нашу нужду и что, во всяком случае, при новых разговорах он не отказывается от того, чтобы обсудить и этот вопрос. «Это,— говорит,— поставит меня в необходимость

[1]) Барк, П. Л., министр финансов с 30 января 1914 г. до Февр. революции.

в мои рассчеты вставить новый фактор. Вы застали меня врасплох, я ничего не могу сказать вам сразу». Тут он обратился к своему помощнику: «Как вы думаете?» Тот засмеялся, пожал плечами и ничего мне не ответил. Тем не менее, когда я уходил от него и сказал, что этот вопрос для нас очень серьезен, он сказал: «Вы знаете, как для Франции серьезен вопрос о людях. Вы знаете, что Франция всегда вам поможет теми средствами, которые у нее есть; если у нас есть эти деньги, мы вам дадим, но скажите вашим товарищам, что Франция страшно нуждается в людях, и что самое главное для нас — помогите вы нам, чем вы богаты, помогите вы нам людьми». На этом мы с ним и расстались.

Затем в разговорах с бароном Ротшильдом французским тот же вопрос стал в другую плоскость. Как вы знаете, Ротшильд французский занимает официальное положение, он директор Французского банка, и он сказал то, что не договорил Мак Кенна и чего не хотел, вероятно, сказать лорд Ротшильд в Англии. Барон Ротшильд сказал мне следующее: «Вы знаете, что как ни богата Франция, как ни богата Англия, тем не менее за время войны наши средства почти истощены, нам приходится кредитоваться в Америке и мы, — говорит, — всячески искали и для себя и для вас денег, но наш кредит в Америке подрываете вы: г. Барк нам обещал здесь все возможное, чтобы смягчить положение еврейского вопроса — в Америке огромная масса еврейских деятелей, они имеют большое влияние в Америке, и там настроение создалось враждебное для вас. Мы всячески пытались это изменить, потому что это и наши французские интересы, и нам нужны деньги; мы посылали туда депутата парламента Баша, посылали туда отдельных делегатов уяснить положение и нам прямо сказали, если в России будет какое-нибудь изменение в области еврейского вопроса, мы вам обеспечиваем успех займа, иначе мы с вами не разговариваем. Таким образом, не только ваше положение, — говорит, — там плохо, но и наше чрезвычайно плохо, ибо за 2 года мы издержали огромную сумму денег, вычерпали все, что есть, и наш общий кредит подрывается в Америке вами. А Барк говорил... (Я прошу это не записывать в стенограмму). Он сказал, что это изменение будет сделано — и ничего не сделал. Вот, — говорит, — как же нам теперь с ним разговаривать? Мы заявили, что это будет сделано, и мы теперь сами поставлены в положение тех людей, которым не верят. В Америке,— об этом упомянул Павел Николаевич в своем докладе, — живет банкир Яков Шифф[1]), который сказал, когда посылали туда депутата французского парламента Баша, сказал Башу: «Да, мы дадим Англии и Франции кредит, если мы будем знать, что Россия что-нибудь сделает по еврейскому вопросу, а то вы занимаете деньги для России, а мы России давать не желаем». Так что, говорит, положение нас самих чрезвычайно тяжелое. Мы обладали огромными средствами, но вы знаете, какая это война, вы знаете, что до 100 миллионов франков в день расхода, что мы все теперь покупаем. Наши промышленные департаменты заняты германцами, угольные копи, сталелитейные заводы, у нас нет ни сахару, ни угля, ни стали, мы все должны покупать, и как ни богата Франция, но мы стали в такое положение, что даже мы зависим от американского рынка».

---

[1]) См. доклад П. Н. Милюкова в Военно-морской комиссии 19 июня 1916 г., напеч. в LVIII т. «Красного архива», стр. 14.

Когда я сказал Ротшильду, что «я не думаю, чтобы Барк говорил неправду, потому, что Барк был ведь у вас, когда был в августе месяце 1914 г.; внутренняя политика зависит не от одного Барка, — тогда был министр внутренних дел Щербатов, был льготный циркуляр об евреях,— вероятно, они и дальше намеревались вести отмену еврейских ограничений, но Барк возвратился в Россию, когда Щербатова уже не было, Дума была распущена и когда был новый министр Хвостов, когда политика изменилась, и, вероятно, Барк не думал уклониться от своих слов, — вероятно, он сам был поставлен в такое положение. Тогда Ротшильд сказал еще более резко... (прошу не записывать этого)... которые он дал. Словом сказать, господа, в области финансового вопроса положение наше не из важных, и те попытки мои всячески этот вопрос уяснить и помочь финансовому ведомству, я должен сказать, стоили мне больших усилий, и не раз мне приходилось испытывать чувство величайшего смущения и стыда за собственное внутреннее управление. Там этот вопрос стоит чрезвычайно тяжело. Нет слов для того, чтобы оправдать то, что делается здесь, ибо они говорят, что не только мы себе мешаем, но и им мешаем.

Затем, я пытался в Италии поднять вопрос о возможности расширения русского кредита. Посланник познакомил меня с представителем крупнейшего банка «Кредито-итальяно», одним из немногих банков, не находящихся под германским влиянием. Наши заказы в Италии, как вы знаете, могут дойти до 300 000 000 лир. В настоящее время они превышают 100 000 000 лир. Мне хотелось попытаться хотя бы выяснить вопрос: можно ли оплатить наши заказы в Италии, не прибегая к английскому кредиту? Вот это отношение русского правительства к Америке, этот факт, что Барк так долго не ехал и остались неурегулированными некоторые вопросы, остались некоторые недомолвки и недоумения по отношению его поведения, это настроение в Париже создало такое впечатление, что трудно будет нашему министру финансов получить по этому вопросу благоприятное отношение. Мне хотелось в Италии попытаться говорить о том, нет ли возможности там что-нибудь сделать. Я должен сказать, что один из наших французских агентов — Рафалович [1]) — был по этому поводу в Италии, беседовал с представителями банков. Директор банка «Кредито-итальяно» мне сказал: «Я готов устроить здесь с синдикатами банков заем для вас в размере 100 000 000 лир. Об условиях этого займа мы можем поговорить».

Таким образом, в Италии есть надежда оплатить часть наших кредитов, которые мы там должны за наши заказы. Надежда эта, по-моему, очень серьезная. По мнению посла, этот представитель банка человек очень солидный. Тогда я спросил: «Не можете ли вы значительно увеличить эту цифру, так как нужно оплатить наши заказы в большей сумме?» Он мне сказал: «Италия бедна, и 100 000 000 лир для нее крупная сумма. Но я подумаю, поговорю с другими моими коллегами по банку, может быть, на 50 000 000 лир мы можем увеличить». Я это все передал послу и все передал Н. Н. Покровскому [2]), которого я видел в Париже и который, вероятно, будет помогать нашему министру финансов в его финансовых делах, передал это во Франции и всячески просил

---

[1]) Рафалович, А. Г., с 1889 г. агент министерства финансов в Париже.

[2]) Покровский, Н. Н., министр иностр. дел с 30 ноября 1916 г. до Февр. революции.

их использовать этот случай возможности занять в Италии довольно крупную сумму денег для платежей по нашим заказам. Повидимому, есть такая возможность и в Норвегии, а может быть, и в Швеции.

К сожалению, в Норвегии мне не пришлось видеться с некоторыми представителями, с которыми посол хотел меня познакомить. Я видел только одного представителя банка, который, к сожалению, начал те же самые разговоры. «Мы кредитуемся тоже в Америке, ибо мы зависим от них во многих рассчетах, и тут мы чувствуем некоторое стеснение опять-таки для кредита вам, а мы сами не очень богаты, но, во всяком случае, несколько десятков миллионов крон, может быть, можно у нас найти». Я думаю, что и этот случай нам следует использовать.

Что касается Швеции, то Швеция упорно отказывает в кредите Германии и не желает учитывать ее обязательств. Поэтому шведские банки и стесняются учитывать обязательства нам, не желая нарушать своих отношений к Германии. Но я узнал, что Швеция и Дания заключили какие-то сделки с Францией и что Франция учитывает свои обязательства в шведских банках. Если только возможно будет, на эту комбинацию также следует обратить внимание. По этому поводу мне пришлось высказать [1]), иметь несколько бесед с нашим представителем там. Если возможно будет, то, быть может, Франция разрешит нам продолжение этого учета под наши обязательства, если это окажется возможным.

Вот, господа, в общих чертах, в области финансовых вопросов то, что мне приходилось слышать, то, что мне пришлось там говорить. Конечно, во всех этих разговорах, во всех этих встречах я самым определенным образом всегда заявлял, что таково мое личное мнение, что на это я никем не уполномочен, но что я передаю настроение моих товарищей по отношению к вывозу золота, что наши [1]) неоднократно и определенно по поводу тех соглашений, которые были заключены нами, высказывали, но что я, с своей стороны, должен буду сообщить здесь своим товарищам об этих вопросах.

Кроме официальных представителей мне пришлось беседовать во Франции с целым рядом экономистов, которых я могу назвать: Леруа-Болье, Ива Гюйо, председателя бюджетной комиссии, бывшего министра финансов Клотца, которые интересовались нашими вопросами. Я должен сказать, что эти разговоры, главным образом, были чисто теоретические, экономические; мы касались бумажно-денежного обращения. Я с радостью должен отметить, что мои взгляды, высказанные в Государственной думе ранее, находят там полное сочувствие и подтверждение в области бумажно-денежного обращения. И мы, по крайней мере, в тех размерах, в которых это идет теперь, еще не вышли из пределов осторожности, по их мнению. И таким образом в этом смысле там я встречал везде определенное отношение к нашим делам, которое меня до известной степени успокаивало. Но я думаю, продолжаю думать, что мое впечатление сводится к тому, что наше финансовое и экономическое положение в связи к нашей внутренней политике [2]) остаются чрезвычайно тревожными, и, как справится министр финансов, я не знаю. Я знаю, что мы уже много должны по нашим заказам. Как покроет государство эти

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Тоже.

суммы заказов, каковы будут новые условия соглашения, не наложит ли Англия на нас новые тяжелые обязательства, этого я не знаю, — этот вопрос о новом соглашении, его детали и подробности мне неизвестны. Знаю только, что наш товарищ председателя Думы был оставлен в Лондоне по просьбе министра финансов; знаю, что Н. Н. Покровский дожидается приезда Барка и, в свою очередь, имеет во Франции целый ряд финансовых поручений в области валютного вопроса, но и только. Самые же подробности техники, условий, сумм, размеров, — все это я не знаю, это оставалось мне неизвестным. Я не знаю, ответил ли я достаточно полно, но, повидимому, я сказал вам все то, что я знаю. Может быть, гг. членам комиссии угодно будет задавать в дальнейшем вопросы, которых я не коснулся. Если вопросов нет больше, тогда позвольте считать, что эта область нами исчерпана. Я повторяю, что я рассказывал по просьбе гг. членов комиссии, считая, что это следовало бы сделать более подробно в Финансово-бюджетной комиссии. К сожалению, у нас нет времени для этого; занятия Государственной думы не могут, к несчастью, продолжаться, ибо сегодня официально состоится роспуск вне нашего желания. Я думаю, что эти вопросы должны быть подробно освещены в соответствующих органах, но члены комиссии заявили желание выслушать их вкратце здесь.

Львов 1-й.— Андрей Иванович, вам известно отношение Антлии к специальному займу министерства торговли и на специальный предмет — на станки?

Председатель. — Нет, мне неизвестно.

Львов. — Заем такой сделан.

Председатель. — Это, вероятно, заем для частных лиц.

Львов. — Нет; часть для частных, а часть для казенных.

Председатель.— Там все последнее время шли частные займы: каждый день, сегодня на медикаменты — 100 000 фунтов, завтра — 60 000 фунтов, послезавтра ходят, например, несчастные фигуры наших двух батюшек, посланных от синода, и просят воск купить. Через день еще идут люди, которые говорят, что нам надо стали инструментальной, через день с обувью вопрос. Каждый день происходят бесконечные просьбы отдельных ведомств, частных лиц и учреждений. Дают им понемножку, дают им поскольку можно. Например, представителям синода оказали кредит в 60 тысяч фунтов, т. е. 600 тысяч рублей, и больше не давали. Они приходили к нам, к Милюкову, к Гурко с просьбой помочь им. Мы помочь им, конечно, не могли, потому что это — дело соглашения официальных лиц, а не нас, представителей парламента, приехавших туда с другой определенной целью и не имеющих никаких официальных полномочий. Так что займы идут каждый день, но они совершенно бесформенного характера.

Львов 1-й.—Скажите, пожалуйста,—заем, который сделали Англия и Франция в Америке при посредстве Моргана, ведь он упал в цене? И вот это условие, оно, кажется, является самым главным тормазом для заключения этих новых займов в Америке?

Председатель. — Морган относится очень хорошо к державам Согласия, он пытался всячески этот заем осуществить. Это заем в 1 миллиард долларов, около 3 миллиардов рублей по теперешнему курсу. Он прошел с большими затруднениями. Целому ряду банкирских домов, которые его реализовали, был объявлен крупнейшими фирмами бойкот, потому что это отчасти идет и на нужды России.

Марков 2-й. — Вам приходилось, Андрей Иванович [1]), указывать всем тем «милостивым государям», которые ссылались на необходимость вмешательства в русские внутренние дела, указывать на то, что это все вздор, что в Америке денег нет для предложения, что Англия и Франция могли только очень немного получить, а внутреннее положение Англии и Франции, конечно, не беспокоит американских евреев, ибо они имеют все, что желают ввести в России, и тем не менее ни Англия, ни Франция не могли получить больших количеств золота, ибо такового в Америке нет, потому что вообще это шантаж американских евреев? Вы этого не указывали?

Председатель. — Я таких соображений и не мог указывать, ибо они очень далеки от того, что я считаю правильным. В Америке имеется в настоящее время, судя по рассчетному балансу, несколько миллиардов долларов, эти миллиарды могли пойти для европейского кредита. Франция, Англия, Италия, Россия и отчасти Германия заплатили во время войны Америке колоссальные суммы. Французские экономисты имеют точный подсчет. Говорить о том, что американские евреи шантажируют их, я считаю невозможным, потому, что этот вопрос нам задавали и просили выяснить не только «милостивые государи», о которых говорит Николай Евгениевич, но, между прочим, и президент французской республики, которого мы, к сожалению, считать «милостивым государем» никак не могли.

Марков 2-й.— В словах «милостивый государь» я не вижу ничего оскорбительного, я просто не знаю этих людей, но что касается Пуанкаре, то прежде, до президентства, он был на службе у Ротшильда, так что он близок к еврейству. Но дело не в этом. Дело в том: чем объясняется, что Англия, Франция не могли получить сколько-нибудь солидного количества золота, хотя и добивались, из Америки, если там эти миллиарды есть? *(Голоса:* «Вы опоздали, — об этом говорили»).

Председатель.—Я подробно рассказывал, начиная с разговора Мак Кенна. Это объясняется нежеланием Америки оказывать кредит России. Вы знаете, что русско-американский договор расторгнут президентом еще задолго до войны, по еврейскому вопросу. Вы знаете, что там настроение в этом смысле очень определенное. К сожалению, это настроение не рассеивается ни нашими словами, ни нашим настроением. Так что здесь мы были бессильны, мы должны были слушать то, что нам говорится, тем более, что мое личное внутреннее убеждение, которое было высказано здесь, когда ни о какой поездке не было слышно, когда Барк поехал туда в прошлом году, оно было такое же: я указывал Барку — вы едете за границу, вы встретитесь с этим настроением.

Марков 2-й. — Я спрашиваю не о русском займе, а об английском.

Председатель.— Они все отвечали одно: этот заем даст средства России. Они отвечали — и Пуанкаре, и Рибо, и Мак Кенна, и Ротшильд они то же самое говорили: вы не только себе, но и нам этим мешаете.

Марков 2-й.— Значит, весь свет ответственнен за русскую внутреннюю политику?

Председатель.— Не весь свет, а союзники. В Америке 20 миллионов германцев, как говорят.

Милюков (с места). — 12 миллионов.

---

[1]) В подлиннике: «Андреевич».

Председатель. — 12 миллионов. Конечно, они используют слабость России во-всю, в этом отношении американское общественное мнение, В руках их пресса, банки. Также волнуют [1]) — и еврейское мнение очень сильно в Америке, и понятно, что мы с этим встречались везде. Павел Николаевич, вы желаете сделать заявление?

Милюков. — В ответ на вопрос, поставленный Н. Е. Марковым 2-м, я хотел бы огласить часть одного интересного документа. Документ этот может быть использован в разных смыслах, но людям, беспристрастно относящимся к делу, я думаю, будет понятно его значение. Андрей Иванович упомянул профессора Баша, который был послан французским правительством, ввиду тревожных слухов о настроении Америки, ввиду сопротивления займам вследствие настроения американских еврейских кругов, специально в Америку для изучения этого вопроса. Виктор Баш исполнил свое поручение, вернулся во Францию и сделал доклад французскому правительству о результатах своего посещения Америки. Я позволю себе огласить заключительную часть доклада Баша, представленного французскому правительству и, очевидно, не считавшегося с мнением некоторых наших партий. «Наконец,— говорит Баш,— преследования русских евреев имеют глубокое влияние на финансовое положение союзников в Соединенных Штатах. Известно, каково значение еврейских банков в Нью-Йорке. Со времени заключения англо-французского займа те из еврейских банкиров, которые участвовали в нем, поставили условием своего участия, чтобы Россия не фигурировала в числе стран, которые воспользуются займом. А руководитель самого влиятельного банкирского дома в Нью-Йорке, соперничающего с домом Моргана, Яков Шифф заявил публично, что если дом Куна, Леба и К° отказал в своем согласии на заем, то это было следствием преследования евреев в России. До тех пор, пока русский еврей не получит прав гражданина, он, Яков Шифф, не будет помогать союзникам. Все эти трудности, на которые наталкивается русское правительство при получении американских денег, прежде всего вытекают из положения русского правительства, занятого по отношению к русским евреям». Дальше Баш заявляет, что он старался противодействовать этому настроению и приводил разные доводы. Вот как он об этом говорит: «Пропаганда, которую я делал, как видно из прилагаемого документа, заключалась в том, что я, с одной стороны, доказывал, что антисемитизм — германского происхождения, что торжество германцев было бы торжеством всех доктрин реакции и, следовательно, торжеством антисемитизма. С другой стороны, что в России имеются значительные общественные силы, представленные либеральным блоком Государственной Думы, которые решили потребовать после войны целый ряд либеральных реформ, из которых первой будет дарование евреям прав граждан. Эти аргументы, без сомнения, произвели некоторое впечатление на наиболее просвещенных из моих собеседников. Но глубокие массы, группирующиеся в могучую федерацию еврейских синдикалистов...[2]) и американизированные евреи, представленные...[3]), с которыми я мог войти в сношение, одни на больших митингах, другие в собраниях, в которых участвовали самые выдающиеся евреи Америки, не скрыли от меня, что американские евреи для того, чтобы прекрати-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Пропуск в подлиннике.
[3]) Тоже.

лась их оппозиция России, не могут удовлетвориться ни философскими аргументами, ни даже обещаниями, исходящими из союзных правительств с дальними и проблематичными сроками, но что им нужны действия. Я добавлю конфиденциально, что дом Кун, Леб и К° объявляет себя готовым принять на себя инициативу русского займа и примет в этом займе участие в значительной сумме, если серьезные реформы будут осуществлены в пользу евреев. Я не имею надобности говорить о том впечатлении, которое произвело бы в нью-йоркском банковском мире известие, что Яков Шифф, самый могущественный банкир Соединенных Штатов, человек германского происхождения, известный своими германскими симпатиями, выпустил бы русский займ. Серьезные реформы в пользу русских евреев не только открыли бы союзникам кассы всех еврейских банков, но они были бы приняты с громадным чувством облегчения всеми друзьями союзников, ибо они отняли бы у прогерманцев самый обычный их аргумент, и Россия этим оказала бы делу союзников неоценимые услуги». Господа, как я вам сказал, это цитата из официального донесения человека, посланного французским правительством в Америку для осведомления о действительном положении дела. Конечно, автор не предполагал, что часть этого документа будет опубликована в закрытом заседании одной из комиссий русской Думы, не для этого предназначался данный документ. Но ввиду громадного интереса той цитаты, которую я имел честь привести, я позволил себе совершить эту нескромность, познакомив вас с чрезвычайно важным материалом, который, по-моему, делает излишними все соображения, которые мы только что слышали и которые мы, к сожалению, всегда слышим от представителей некоторой части Государственной думы, не находящей себе аналогии ни в одном из европейских парламентов.

Марков 2-й. — Я могу приводить свои соображения или только задавать вопросы?

Председатель. — Нет, пожалуйста, у нас идет обсуждение, идут прения, для этого назначено специальное заседание.

Марков 2-й. — Я вполне согласен с достопочтенным Павлом Николаевичем, что мои соображения, пожалуй, излишни. Вопрос ясен. Его величество еврейское, его величество Яков Шифф приказывает всем союзникам заставить Россию внутри своего государства провести желательные его величеству реформы. Часть Государственной думы считает это настолько неопровержимым фактом, что обратное соображение уже излишне. Нам приказывают. Хорошо, если эти реформы вам нравятся, но они ведь могут приказать и в дальнейшем провести реформы, которые вам не нравятся. Аргументировать так, как вы, господа, аргументируете,— тогда вы должны исполнять всякий приказ Якова Шиффа, какового бы содержания он ни был. Вы ведь не говорите, что он прав, а вы говорите, что иначе вам не дадут денег. Значит, вам приказывают, иначе вас заставят. Вот ваша аргументация, аргументация реального соотношения сил. Это тот старый принцип, который 10 лет тому назад выдвигался: не потому делаем, что это правильно, законно, хорошо или нравственно, а потому, что сила требует. И вот, господа, все то, о чем мы говорим, все то, что указывали, вы сами блестящим образом подтверждаете. Создалось международное еврейское правительство, которое приказывает России, Англии и Франции поступать так, как желает это международное, сильнейшее еврейское правительство; я вас поздравляю с тем, что вы здесь радуетесь, целый сектор хихикал радостно: на-

конец-то разбили Маркова 2-го. Не Маркова 2-го разбиваете, а хотят уничтожить Россию как самостоятельное государство, и вы не смейтесь.

Председатель. — Я просил бы в прениях касаться того вопроса, который нас интересует. Меня просили выяснить наше финансовое международное положение. Я его подробно рассказал. Конечно, не еврейское какое-то правительство затеяло эту войну и нас в нее втянуло, и не для еврейского правительства нужны те деньги, которые мы требуем; для этого выступают жизненные интересы России, и мы говорим о том, как их разрешить.

Родичев. — Я буду очень краток и отвечу на предыдущее заявление. Обстоятельства и условия займа не в нашей власти; они стихийны, эти условия, количество денег на рынке и место, в котором можно занимать. Я это три дня тому назад говорил здесь. В нашей власти только одна функция—это нравственный кредит России. Вопрос о достоинстве русской государственной власти, вопрос об уважении к праву, господствующему в России, насколько в глазах цивилизованного человечества русская власть может пользоваться нравственным авторитетом, вот что изменить мы можем и, следовательно, должны. При создавшемся положении для русского правительства есть только один выход, с соблюдением его достоинства, этот выход с соблюдением русского достоинства — он дан нами. Дан нами, которые заявляют о необходимости прав гражданина для еврея ради соблюдения справедливости, ради достоинства, ради национального достоинства России, ради уважения к правде и справедливости, ради сохранения того чувства, которое составляет нашу главную силу в войне. Мы боремся за правду и справедливость, и ослабить это сознание значит уничтожить залог нашего успеха. Эту точку зрения мы давно проповедуем, и русская власть, вступив на путь признания прав за евреями, вступит на тот путь, на который мы давно зовем и звали не ради денег, а ради правды, и вступить на путь правды и справедливости всегда для власти только достойно. Господа, по отношению к Польше десятки лет у нас господствовало то же чувство ненависти,— те же обвинения, которые теперь раздаются по адресу евреев, раздавались тогда по адресу поляков, и, когда это чувство исчезло, до какой степени вам всем стало легче! Когда вы отмените еврейское бесправие, вам сделается много легче. Это единственный способ вытравить из своего сердца недостойную ненависть, потому что нет ненависти хуже, чем та, которую чувствует обидчик к обиженному, и нет любви больше, как к тому, кому оказали правду и помощь. Нас судьба приводит к тому; тут нет ничего недостойного — уступить требованиям справедливости. Шаг этот сделался необходимым шагом. Что же нам упираться, что же нам говорить: пусть остается Россия без денег, пусть остается Россия без того нравственного авторитета, который необходим для нее, лишь бы только нам не быть справедливыми по отношению к евреям!

Шульгин.—Я должен сказать, что то ,что сказал Николай Евгениевич, может относиться именно только к нему и к тем взглядам, которые он исповедует. Действительно, Николай Евгениевич, если вы когда-нибудь придете к необходимости сделать уступку по еврейскому вопросу, то вы сделаете это из-за денег, вы поклонитесь евреям из-за денег. Вы скажете: да, я даю, потому что мне нужны ваши деньги, и вы будете совершенно правы. Вот потому-то те люди, которые это предвидели, которые были несколько дальновиднее, чем вы, они предпочли сказать

следующее: мы делаем известные уступки потому, что считаем их необходимыми. И вот теперь вы можете судить о выгодах нашего положения по сравнению с вашим положением. Теперь, если нам говорят: давайте, иначе не получите денег, мы можем сказать: мы пошли на то, чтобы дать вам без всякой зависимости от того, дадут деньги или нет. И, действительно, это было так, и это очень просто объясняется. Вы помните японскую войну—во время японской войны еврейство выступило определенно в революционной плоскости, во время войны, и мы говорили: прочь руки, вы заплатите за это страшно, какими вы поведете себя во время войны, как поймет вас русское общество [1]). Они нам не поверили. Совершенно другое дело теперь. Руководящее еврейство в самом начале этой войны,—это совершенно верно, этого отрицать нельзя,—стало всеми силами работать в пользу войны, именно руководящее еврейство, то, которое вело еврейскую войну. Если теперь не удалось это провести, [то] потому, что они натолкнулись на косность своих масс, на такую же, на какую мы натолкнулись до известной степени. Мы кричим: все для победы, а тем не менее от наших взяточников, казнокрадов и всяких негодяев, которые в нашей среде, отвязаться не могли. Среди евреев этого элемента отрицательного, именно в отношении всяких темных поползновений на экономической почве, гораздо больше, и они не сумели с ним справиться — руководящее еврейство, оно может сколько угодно твердить свою мысль, а темные гешефтмахеры эту мысль компрометируют, и вы этим пользуетесь, когда вы говорите о шпионах и т. д. Может быть, вы и правы, что они есть, но вы ведь берете подонки еврейства, на них оперируете, точно так же с их гешефтмахерством и т. п., что они проделывают, то это неправильно, это несправедливо, потому что еврейская мысль, руководящая, работает в другом направлении. Когда мы это увидели, а мы это видим по печати, не вы ли говорили сколько раз с этой кафедры, что три четверти печати в еврейских руках — это правда, а какой она держит тон? Несомненно, бодрящий: война, война! Кто это делает? Эти самые еврейчики, о которых так часто приходилось говорить здесь. Вот, следовательно, доказательство налицо. Если вы хотите, так мы платим им, и когда мы говорим, что мы идем на известные уступки, которые мы совместно обсудили и приняли, они остались, как были, так и есть, вне зависимости от денежных вопросов. Мы расплачиваемся, мы говорим, что мы хотим сделать что-нибудь по отношению к евреям, потому что они изменили свою точку зрения, и это мы делаем вне зависимости от всякого золота. Предупреждаю вас, если вы теперь, Николай Евгениевич, станете на нашу точку зрения, теперь есть еще время, а потом это будет уже позорное положение, в которое вы сами себя ставите.

Аджемов. — Дело в том, что в истории был один случай, когда Ротшильд одолжил Герцену несколько сот тысяч франков, имея в виду его имение в России. Между тем, так как он был эмигрант, то Николай Павлович предполагал конфисковать его имущество, но в этом споре, ввиду пользы России, он отказался от этой конфискации. Таким образом, в этом споре историческом мы имеем такой пример, который вас смущает, а Николай Павлович был адептом самодержавия и всех принципов, которые вы исповедуете, в большей степени даже, чем вы. Это прежде всего. Затем вопрос в следующем: вы говорите, что вы не верите, вы уже вступили на этот путь, что надо дать, потому, что вы сказали, что аме-

[1]) Так в подлиннике.

риканский еврей шантажирует; когда кто-нибудь говорит «американский еврей шантажирует» — это значит, он думает: «Я дам, а он мне не даст». Значит, вы вступили на путь, что необходимо дать. *(Голос слева:* «Остроумно»). Весь вопрос в том, что можно дать и не получить, когда можно говорить о форме займа, может быть, депозитно надо внести для вас этот заем, но я вижу проблески сознания и в ваших мыслях, и я очень рад этому. *(Смех, голос слева:* «Напрасно».)

Демченко. — Во время нашего посещения Англии, Франции и Италии, действительно, отдельные парламентские деятели и отдельные деятели финансового мира указывали нам на ненормальное, по их мнению, положение всего еврейского вопроса в том виде, как он существует у нас, указывали, что в то время, как у нас нет никаких прав, а притеснения и т. п., у союзников евреи пользуются всеми правами. Мне кажется, нельзя ставить вопрос относительно того, дать права или не дать, так—что нужно дать потому, что нам не дают денег. В таком виде ставить вопрос недостойно Государственной думы и России. Вопрос о расширении прав евреев нужно ставить с более практической точки зрения, с точки развития промышленности и с точки зрения известной помощи значительной части разорившегося населения, как русского, так и еврейского. Вопрос об уничтожении черты оседлости, вопрос о предоставлении евреям самостоятельных учебных заведений с правами, мне кажется, не мог бы вызывать особых возражений, и в то же время он мог бы удовлетворить и лиц, заинтересованных в том, давать или не давать деньги, но, конечно, не в таком виде, что мы дадим деньги, когда вы дадите права, а иначе мы не дадим. Я считаю, что в таком остром виде вопрос сейчас ставить нельзя, но что-нибудь дать можно, пойти на известные уступки. Мы сами видели отчаянное положение промышленности и знаем, что в этом отношении евреи в смысле развития промышленности более настойчивы и энергичны. По поводу вчерашнего замечания относительно впечатления моего о деятельности наших банков за границей П. Н. Крупенский привел данные, как будто бы опровергающие сообщение, которое я сделал относительно деятельности отделения Русского для внешней торговли банка в Генуе [1]). Это впечатление было получено не только мною, но и моими товарищами, но лично я более подробно ознакомился с этим вопросом. П. Н. Крупенский указал, что подробное расследование, которое было там сделано, указало, что деятельность банка была вполне хорошая, и даже французское правительство одобрило ее и благодарило директора генуэзского банка, что министр иностранных дел также присоединяется к тому, что все в порядке и обстоит благополучно; я вам процитирую некоторые пункты письма французского генерального консула в Генуе. Все эти разоблачения, все дело было поднято не английским посланником и консулом, как говорил

[1]) В своем докладе Демченко сообщал о спекулятивной деятельности отделения Русского для внешней торговли банка в Генуе, продавшего в Германию в октябре 1914 г. пароход с пшеницей из Таганрога, спекулировавшего русской валютой и т. д. Ревизовавший банк председатель правления Давыдов признал деятельность его правильной, но директор Генуэзского отделения Веккерлей (по словам Демченко) «швейцарский немец, безусловный германофил был как бы устранен и уехал в Париж... но и по настоящее время командует этим отделением в Генуе!» В прениях член комиссии П. Н. Крупенский выступил с протестом против сообщения Демченко, заявив, что обвинения Веккерлея в злоупотреблениях идут из английского источника, но что и французское правительство и российское министерство финансов, произведшие расследование, и Сазонов считают Веккерлея «абсолютно ни в чем невиным».

Крупенский, а главным образом французским генеральным консулом. В письме, которое он послал в Париж в ноябре 1914 года, он подробно описывает всю спекуляцию по продаже хлеба, пришедшего из России, из Таганрога, упоминает, на каком это было пароходе, и даже в этом письме председателю комиссии указывается лицо, которое приехало для его приемки. В этом письме указывается, что продажа и русского хлеба, и другого шла через русский банк в Германию, шла она, конечно, не из-за прекрасных глаз, а шла за довольно хорошие комиссионные проценты. Так что здесь, конечно, и банк наживал хорошие деньги, и здесь это, в письме генерального консула, все описано. Вся история была в прошлом году, в 1915 году; наконец, теперь опять, в июне текущего года, французский генеральный консул в Генуе пишет своему министру иностранных дел в Париж, опять о ненормальном положении деятельности русского банка и указывает... [1]). Этот самый Веккерлей, как я вам говорил и как подтвердит Крупенский, должен был покинуть Италию, и поселиться во Франции, где и руководил деятельностью этого отделения. И вот, на основании всех сведений, которые имелись у союзных консулов, французский консул пишет своему министру, что он считает, что пребывание этого самого Веккерлея во Франции он находит безусловно вредным и нежелательным.

Это, как видите, совершенно расходится с теми сведениями, которые приводил Крупенский, что французское правительство преклоняется перед этим самым Веккерлеем, считает весьма деятельным, полезным и т. д. Я этот факт огласил потому что, когда мы были в Генуе, то консулы, и наш русский консул, и французский, и английский, и бельгийский, единогласно указали, что деятельность банка невозможная, и мне прямо было неловко: как же, отделение русского банка, а все консула союзников протестуют и говорят, что он занимается спекуляцией, перепродажей, — все время, пока Италия не объявила войну, занимался перепродажею и русского и иного, пришедшего в Геную хлеба. Я уже указывал, что из 35 человек служащих — 33 швейцарских немца, которые говорят только на немецком языке; и вот здесь консул пишет, что между собою они всегда говорят по-немецки, бранят все итальянское и только, если кто-нибудь придет, стараются говорить по-итальянски или по-французски. Вот видите, какое положение. Я считаю, что здесь должна быть ревизия, но не ревизия такая, так сказать, домашняя, какая была в прошлом году. В прошлом году на ревизию поехал председатель правления Давыдов, бывший директор кредитной канцелярии, и с ним чиновник той же канцелярии. Приехал чиновник этот, — как пишет мне в письме русский консул, — подробно осмотрел все эти книги, но разве в книгах будет записано, что этот хлеб продан немцам! Там в книгах записано, — вот у меня есть перечисление фирм, которые брали, — тут записано, что продали такой-то фирме, и даже указывается, что эта фирма заведомо австро-германская; фирма говорит, что этот хлеб поехал в Швейцарию — нужно не в книгах проверить, а нужно более детально, и раз навсегда искоренить такое безобразие.

Я еще должен сказать несколько слов о деятельности другого нашего банка, досье о котором было передано помощнику военного агента во Франции, это о деятельности Международного банка. Отделение его есть в Париже и в Брюсселе. Как видно из этого досье, которое было по-

[1]) Пропуск в подлиннике.

слано 19 февраля—3 марта 1916 года в отделение генерал-квартирмейстерской части, о чем я вчера беседовал с товарищем министра финансов — он тоже ничего не знает; вероятно, и министр иностранных дел ничего не знает, где все эти сведения. Но из этого досье мы видим, что штат служащих этого Международного банка в значительной степени состоял из германских офицеров, которые за несколько дней до войны все удалились восвояси, и дальше наблюдается следующая картина: часть из них устроила свои квартиры в Женеве и на имя подставных лиц ведет переписку и получает телеграммы; другая часть находится в Голландии и то же самое делает. Ведь, господа, при таких условиях мне кажется, что престиж наш и доброе имя безусловно будут страдать, поэтому я это оглашаю, я это передам и для того, чтобы действительно никто из иностранных послов, из иностранцев не послал нам упрека, что наши банки не на высоте. Это должно быть расследовано широко, всесторонне, гласно, а не так келейно, как это было сделано. *(Голос:* «Председатель этого банка?»). Я не знаю.

Председатель. — Слово принадлежит Н. Е. Маркову.

Марков 2-й. — Господа, когда я слушал Ф. И. Родичева, — нашего политического противника, вероятно, до конца наших дней, — то мне было жалко: ведь, вот, человек — либерал, человек убежденный, человек всегда говорил по еврейскому вопросу одно и то же; в его искренности невозможно сомневаться, что он сторонник еврейского равноправия, но все, что он говорил, — повторял свои постоянные мысли, всегдашние, что значит, когда вы знаете, что в Америке сидит Яков Шифф, который говорит: я на ваше обещание плюю, а вы мне давайте реальный факт, иначе не даю вам денег. В каком положении вот эти искренние сторонники еврейского равноправия? Вы говорите с нравственности, о справедливости, о праве, а Яков Шифф, — ведь вы знаете, все американские миллиардеры, почти все — с уголовным прошлым, это общее правило, только небольшой процент из них не имел этого прошлого. Это люди, которые о праве и справедливости менее всего интересуются [1]), это люди исключительно реального, материального образа мышления и чувств, — он чувствует свою силу, — с моей точки зрения, эта сила фиктивная, но он считает, что он в силе и нагло говорит: ни Италии, ни Франции, ни Англии, где всякие равноправия имеются, не дадим денег, пока вы свою союзницу Россию не заставите сделать то, что я хочу, Яков Шифф. Ведь вот постановка вопроса. Андрей Иванович и Павел Николаевич ведь они, собственно, привезли нам эту постановку вопроса. Никто не проводит доказательств, что несправедливо или нарушает мораль, этого они не говорят, они говорят: мы знать этого не хотим, что вы, господа либералы, утверждаете или обещаете, а мы вам приказываем: или не получите ни одного доллара или давайте то, что нам угодно. Ведь вот постановка, которая должна показаться мало приемлемой, не только, господа, нам, сторонникам самодержавия, — не в самодержавии здесь дело, самодержавие — это внутреннее дело России, — но даже и сторонникам идеи конституционного монархизма и даже республиканцу. Это все-таки люди, которые признают русское государство, господство русского народа у себя дома. Ведь вы все признаете это, кроме, может быть, ничтожного количества людей, о которых я не буду распространяться. Так тут идет покушение не на самодержавие русское, тут речь

[1]) Так в подлиннике.

идет о господстве русского народа у себя дома, а господствовать кто хочет? Яков Шифф. Яков Шифф лезет в самодержцы. Вы тут самодержавие хотите уничтожить, а из Америки идет самодержец, самодержец, о котором вы и понятия не имели до сих пор. Вот я обращаю ваше внимание, ведь вы в рабство идете, если только станете на эту покатую плоскость. Вот Василий Витальевич [1]) говорит: вы чувствуете, что Яков Шифф забежит, а вы сами заблаговременно забегите вперед и вильните хвостиком и дайте. Господа, Яков Шифф все равно забежит вперед, он прав будет, когда скажет: я приказал России ввести равноправие, и она ввела равноправие, это так и будет. Хотя есть люди, правда, хитроумные люди, которые предвидели все это вперед и раскланялись, а люди упорные, бестолковые, вроде Маркова 2-го, говорят: не давай. Но все равно, по приказу дали. Но, господа, на это не становитесь, никто не может становиться, кто стоит на точке зрения, что русский народ должен быть у себя хозяином. Вот почему меня взволновало, что Андрей Иванович и Павел Николаевич так это аргументировали. Итак, все время говорят нам, что денег не дадут. Без денег войны нельзя кончить победоносно, значит надо исполнить приказ. Ведь это было совершенно ясно в речах вчерашней и сегодняшней Шингарева и Милюкова. И вот, господа, почему нельзя. Прав Демченко, когда говорил, что нельзя так ставить вопрос именно потому, что Яков Шифф так поставил. Даже убежденные сторонники еврейского равноправия теперь не могут о нем говорить, пока Яков Шифф не успокоится. Нельзя давать, господа, теперь вам равноправия; еще, может быть, два дня тому назад это было можно, теперь нельзя, ибо теперь вам Яков Шифф приказал, господа, исполнить то, что ему угодно. Это невозможная точка зрения. Невозможно на этой позиции стоять, если вы хотите стоять с русским народом. Вот почему я думаю, вовсе не говоря о шантаже американских евреев, я вовсе не разумел, что надо уступить, как это очень остроумно объяснил М. С. Аджемов. Я считаю, что никоим образом нельзя уступить, тем более, что мы противники, мы не потому говорим: не давайте прав, что не хотим давать права, а потому, что мы понимаем, что, давая права новым элементам, вы отнимаете права у старых элементов. То, что вы называете новыми правами евреев, — это есть отнятие известных прав у русских вообще и не-евреев. Я просил бы не вдаваться в область принципиальных споров. Я понимаю, что я вас убедить не могу и не стараюсь убедить, и вы меня не убеждайте,— к чему эти убеждения? Ведь Яков Шифф убеждать не желает, он вам кулак показал, кулак, закованный в золотую перчатку; он вас не убеждает, он приказывает, и приказывает всему свету, даже тем, которые в отдаленном союзе. В каком мы союзе с Англией? В соглашении исключительно военном, а никакого союза нет, но так как мы вместе, то Шифф и Англии не дает. Притом он врет, он дает деньги, миллиардные заказы сделаны. Все это вздор, господа, все это не так. В действительности, без всяких миллиардов, воображаемых, Якова Шиффа, Россия отлично обойдется с помощью Англии и Франции, которые у нее золота не требуют и которые дадут все-таки то, что нужно России. Исход есть: кончим войну, господа, тогда будем опять спорить, принципиально вопрос поставим и разрешим. И вот, если большинство выскажется за равноправие, значит, тогда и быть равноправию. Но сейчас, господа, это делать, — во-

[1]) Шульгин.

ля ваша, от Российской империи, от Российского государства, даже думая, что это будущая республика, — останется мокрое место.

Керенский.— Господа, я вообще с чувством очень тяжелым слушал доклады вчерашнего и сегодняшнего дня. Перед вами одна за другой проходили колоссальные проблемы, поставленные на разрешение Европы: и национальные вопросы, и вопросы финансовые, и вопросы международные. Во вчерашнем докладе Павла Николаевича это был, так сказать, уголок Европы, европейских точек зрения, разговоры европейских людей между собою, и, конечно, Павел Николаевич, когда он был в Европе, забыл, что он из России, он почувствовал себя в Европе и говорил, как европеец, а вот, когда мы слышали его доклад, — пережив только что этот месяц сессии 4-й Государственной думы при прогрессивном блоке, вот мы себя европейцами не чувствовали, а чувствовали себя азиатами, и вот сейчас возник еврейский вопрос, и депутат Марков, ведь он в значительной степени может теперь говорить то, что он говорил, потому что, господа, ведь время уже пропущено. Когда началась война в 1914 г. 19 июля, меня спросил М. В. Родзянко, перед своей поездкой к государю: «Как, по вашему мнению, нужно сказать?» Я ему ответил: «Скажите, Михаил Владимирович, что такую войну мы без освобождения общественных сил для организации обороны, без автономии Польши, без восстановления конституции Финляндии, без равноправия вести победно не можем». И тогда казалось это просто бредом доктринера. Теперь, слава богу, к этому пришло большинство Государственной думы, а Павел Николаевич Милюков, как представитель прогрессивного блока, даже утверждал, что эта опора либерализма в России сумеет создать эту новую Россию. Он не был во время этой сессии. Но теперь, когда нам говорят—не давайте еврейского равноправия потому, что теперь требует от нас,— как он сказал,— бронированный золотом кулак, я должен вам сказать, что скоро такое же положение будет и по польскому вопросу. Скоро возникнет такое же положение о равноправии и свободе культурного самоопределения национальностей. Ведь Федор Измайлович Родичев, все остальные, господа, вы все время говорите с трибуны, что вы ведете войну за право и справедливость, за право малых народностей, за равноправие. Но Европа привыкла не к словам, а к делам. Если вы хотите вести войну за свободу малых народностей, как во время самой войны [1]), эти малые народности должны почувствовать себя действительными гражданами страны. Нам говорят, — и вчера это говорил Павел Николаевич Милюков, что начинается новое настроение среди польского общества [2]). Я вам должен сказать, господа, и это я недавно говорил, не выслушав доклада наших европейских людей, говорил в сеньорен-конвенте перед открытием Думы: господа, ведь это обращение меньшинств народностей к Вильсону это не есть доказательство изменения политических позиций этих народностей, но это есть симптом, это есть угрожающий русской государственности симптом, и мы с ним должны считаться. Как же мы считались за это время? Теперь, когда в 2 часа дня нам объявят о разъезде на каникулы, вот эти европейские речи, они к чему? Когда то самое большинство, которое в Европе уже теперь выставляется за оппозицию, не могло даже этого сделать, не

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. LVIII т. «Красного архива», стр. 10—13 и т. LIV—LV («Дневник П. Н. Милюкова»), стр. 18—20.

могло исполнить элементарную нашу просьбу или требование, которые мы предъявляли в сеньорен-конвенте перед открытием Думы, — добиться возможности работать в продолжение всего лета над неотложными вопросами русской государственности и спасения государства (*Шингарев:* «Надо было поменьше говорить, может быть, добились бы»...)... поменьше говорить нужно было бы... *Шингарев:* «А то целый месяц болтали»)... Вы знаете, почему болтали и кто устроил роспуск Думы? Мы потом об этом поговорим. В отношении того, что говорилось по еврейскому вопросу, я тоже согласен, что для меня и для Павла Николаевича эта аргументировка в том, что не дают денег еврейские банки, она для нас никакого значения не имеет. Ведь мы, господа, стояли за еврейское равноправие, за полную свободу, за свободу самоопределения всех народностей не потому, что мы фантазеры, а потому, что мы знаем, на чем основывается государство в XX веке, потому что мы понимаем, что в XX веке не может быть сильного государства, построенного на принципе Московского или, предположим, средневекового немецкого или французского. В XX веке государство это есть организм, это есть механизм, требующий при известных условиях известного совершенствования организации. Как трезвые политики, как люди реальной жизни, мы говорим: ваш аппарат управления, ваш государственный организм настолько не соответствует элементам жизни XX века, что вы погибнете вместе с этим государством. И когда мы требовали этого равноправия, то мы можем так сказать: вот вы дождались, дождались того, что ваше невежество, ваше непонимание основ государственной жизни, а иногда и злостное нежелание его знать, довело Российское государство до величайшего унижения, до величайшего позора, что вся Европа говорит, что война, которую вы начали во имя свободы и права, может не дойти до конца из-за того, что ваш государственный организм построен не на современных началах. И вывод простой: те, кто говорят, что теперь неудобно и недостойно давать равноправие и свободу, это равноправие и свободу должны дать люди, те люди, которые боролись за них свободно и по своему убеждению, а не будут давать из-под палки, т. е., другими словами, современное государственное положение страны требует, чтобы в России создалась новая власть, чтобы в России ушли с министерских мест сторонники Маркова 2-го, которым, действительно, самолюбие и достоинство не могут позволить дать под ударами кулака то, что они не давали по свободному убеждению. Но, в России, слава богу, есть много людей и политических деятелей, которые этого никогда и не думали и свободно и, подняв голову, могут сказать, что, наконец, они достигли того, что старые пережитки убраны с дороги развития России. Да разве вообще международного внешнего давления на внутреннюю жизнь государств не бывает? А вспомним 1906 год, ведь нам был дан заем в Англии [1]) только потому, что нам была дана конституция Витте с бюджетными правами Государственной думы, и это открыто говорилось и тогдашним министром-президентом английским и министром финансов. А, господа, противоположная сторона, сторона реакционная, разве она от международного давления уклоняется? Разве нам неизвестно, что в то время, когда либеральные и левые партии имели симпатии в Англии и Франции,

[1]) 5-% росс. госуд. заем 1906 г., который имел в виду Керенский, был заключен на сумму 843 750 000 р. и размещен, главным образом, среди ф р а ц у з с к и х банков, при участии также банков английских, русских, австрийских и голландских.

в это время, все это мы знаем, при известных условиях была возможность введения немецких войск в Польшу. Ведь это тоже международное давление, но только давление, идущее из кругов, враждебных русской государственности. А разве мы не знаем, что Нессельроде, министр иностранных дел при Николае I, он даже в официальных письмах писал, что внешняя политика России страдает в известной степени потому, что мы по династическим и фамильным связям слишком прислушиваемся к берлинскому двору. От международных влияний, от давления внешних сил на внутреннюю политику ни одно государство не может освободиться и никогда не было свободно во всю мировую историю, и, если мы вспомним историю, — я не буду уклоняться, так как думаю, что вы все это знаете...

Председатель. — Да у нас очень мало времени.

Керенский. — Я хочу сказать, что вы не должны слушать тех аргументов, которыми вас хотят напугать правые, но я присоединяюсь к мнению, которое высказал Ф. И. Родичев, что те, кто боролись за равноправие в стране по свободной воле, по собственному убеждению, те сейчас могут сказать только одно: вы довели Россию до этого унижения, и вы обязаны теперь сделать это, потому что иначе все последствия, которые грозят нам при теперешнем положении вещей, они не только на еврейском вопросе, но и на всех вопросах, связанных с этой войной, и на судьбе нашего государства[1]).

Председатель. — Тут еще записано 5 ораторов, разрешите прекратить запись; время ограничено, я буду просить гг. членов комиссии высказаться покороче, иначе мы не кончим: в 2 часа общее собрание.

Милюков. — Я и вчера и сегодня, собственно, излагал объективные факты. Можно против них сколько угодно спорить, но факты налицо, и я никак не думал, что мои сообщения явятся источником таких страстных прений. Я не предвидел, что мои цитаты будут использованы так скоро и так решительно. Однако же, раз это уже сделано, мне все-таки приходится сказать несколько слов по существу, а не в пределах информации. Я должен напомнить прежде всего, что еще вчера, излагая свою информацию, я употребил следующие выражения: «Я очень сожалею, что мне приходится рассказывать это. Выходит так, будто я прибегаю к такому аргументу: чтобы получить деньги, надо дать известные права евреям. Но, господа, вы сами себя до этого довели, довели до того, что наступает момент, когда идейными соображениями мы оперировать не можем, и приходится прибегнуть к простому, примитивному, зоологическому аргументу»[2]). Сегодня я только прибавлю, что не все мы в этом виноваты. Виноваты лишь те, которые являются сторонниками этого аргумента и которые никаким другим аргументам не уступают. Я должен сказать, что совершенно прав был депутат Шульгин, когда говорил, что эта аргументация — «взять за горло» — специально обращена именно к Н. Е. Маркову 2-му, потому что мы все остальные в этой аргументации не нуждаемся. Мы оперировали давно идейными соображениями в пользу тех перемен в положении евреев, о которых я говорил. Я должен сказать, что это была бы карикатура, очень неискусная, неумелая изображать, что Яков Шифф в Нью-Йорке командует всем миром. Мы знаем эту карикатуру давно и знаем цели, с которыми она размалевана. Но, господа,

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. LVIII т. «Красного архива», стр. 14.

если мы на самих себя смотрим так невысоко, что считаем, что нами можно командовать, то ведь дело идет тут о Франции, Англии и др. Выходит, что Яков Шифф командует не нами только, а всем миром. Доведенная до таких крайностей, до абсурда, каррикатура, очевидно, теряет то политическое значение, на которое она рассчитана. Очевидно, на Англию, на Францию, на Америку действуют не эти аргументы, не «хватание за горло» Якова Шиффа, а очевидно, что-нибудь другое. Очевидно, если Америка скандализована, если наши союзники стыдятся и конфузятся, то ведь это вызвано не аргументами Якова Шиффа. Это вызвано тем, что в среде культурно-цивилизованных народов находится товарищ, который ведет себя немножко не в рамках условных приличий. Происходит нечто объективно неприличное. И вот нам говорят: господа, прекратите это безобразие и неприличие. Но кто же виноват в этом? Ведь те, кто ведет себя неприлично. Я оскорбил бы громадное большинство Думы, если бы отнес этот упрек ко всем нам. Нет, очевидно, ведут себя неприлично специфические элементы, и против них должен быть обращен упрек, и их надо устранить с вашей дороги, если вы хотите итти дальше. Потому что иначе, действительно, получится такое положение, что мы, вся Россия, получаем оскорбление за то, что в нашей среде сидят неприличные люди, которые не умеют...

Председатель. — Простите, Павел Николаевич, в среде Государственной думы и комиссии неприличных людей не имеется.

Милюков. — Я говорю в отвлеченном смысле, и ни к кому из членов комиссии лично я не отношу этих выражений. Я даю известную общую характеристику, отвлеченную. И если я употребил образное выражение, то я не имел в виду никого лично...

Председатель. — Да, пожалуйста, мы так и поняли.

Милюков. — Я только обращусь к аргументам Баша из того документа, который я привез. Аргументы эти характерны. Человек хочет убедить свободное американское мнение и к каким же аргументам он обращается? Он говорит: господа, это только германофилы могут быть антисемитами: очевидно, это полезно германцам. В самом деле, кому полезно, что в России существует такое отношение к евреям? Очевидно, германцам. И Баш тоже лично ни к кому не обращался. Он не знает отдельных депутатов русской Думы и их мнений, он говорит в общей схеме: антисемитизм есть дело реакции, и реакция есть специально германофильская вещь. Господа, ведь это как два куска разорванной бумаги подходит к тем аргументам, которые мы неоднократно здесь приводим. Да, это есть сознательная или бессознательная работа на германцев, и мы должны признать совершенно определенно и сознательно. Да, господа, поскольку эта работа делается, мы имеем дело с большой национальной опасностью. Никогда она так ярко не предстояла перед нами, как теперь она обнаружилась и, препарированная, показана всем нам в свете исключительных обстоятельств. Пройдет время, все это затушуется, и мы опять будем не все сознавать вредное национальное действие известных аргументов. Но, господа, по крайней мере, теперь, когда урок предстал в такой яркости, такой объективности, не отворачивайтесь, поймите его смысл хорошенько и запомните, где находится национальная опасность. Вот те соображения, которые могут быть единственными соображениями по адресу члена Государственной думы Маркова 2-го и тех рассуждений, которые он высказал. Я вполне присоединяюсь к мнениям члена Государственной думы Шульгина и Демченко, что точка зрения наша при решении еврейского

вопроса, конечно, должна быть не эта, а та, которая всегда была, т. е. точка зрения, не связанная с угрозами Якова Шиффа, которые нужны только для сторонников Николая Евгениевича Маркова, потому что другие аргументы, кроме этого argumentum baculinum [1]), им недоступны.

Бомаш. — Теперь не время вступать в спор о еврейском равноправии, но я хочу сказать, что мне не улыбается еврейское равноправие, нарисованное правыми, если бы мы его получили таким путем, как правые говорят. Мне улыбается еврейское равноправие, полученное по убеждению и справедливости, как левые говорят. Во-вторых, я хотел бы обратить внимание, господа: до войны вы удовлетворяли справедливые требования поляков? А во время войны вы удовлетворяли? А сейчас вы хотите делать уступки полякам из чувства справедливости? Нет, из чувства необходимости. Далее, относительно Америки. В Америке, мы должны знать, нет ни одного американца, у которого не было бы родственников в России: наоборот, в России нет ни одного еврея, у которого бы не было родственника в Америке. В массе местечек в Сувалкской и Ковенской губерниях живут только на те средства, которые присылаются американскими родственниками, и вам казалось, что если Барк поедет в Америку к Шиффу и скажет: г. Шифф, мы только что выгнали евреев из Ковенской, Сувалкской и Курляндской губерний в 24 часа — стариков, старух, детей, отцы и сыновья которых убиты на фронте, в защиту вас же от врагов, и вы за этот подвиг дайте нам денег, — Шифф должен расшаркаться: пожалуйста, берите сколько угодно денег? Но я не для этого выступил теперь, господа, я хотел бы ответить члену Государственной думы Шульгину. Мне казалось, что он сказал так: «Во-первых, в японскую кампанию мне говорили: евреи, не принимайте участия в освободительной борьбе, вам плохо будет, и им было плохо». А я говорю ему: «Мы не раскаиваемся, что евреи участвовали в освободительной борьбе... *(Рукоплескания слева)*, они боролись за вашу свободу. И мы в этом не раскаиваемся. Этим вы нас не запугаете. Далее, член Думы Шульгин сказал, что, как вспыхнула война, то только верхи евреев, руководящие, встали на защиту своей родины. Они только были лояльны. Это неправда: все еврейство сверху донизу до сих пор держится этих воззрений и до сих пор ратует за защиту своей родины. Они борются за вашу свободу, они своею кровью и телом защищают вас от врага — немца. А, кажется, будто, он сказал, что кроме верхов евреев все прочие евреи какие-то подонки, предатели, гешефтмахеры, я бы против этого протестовал.

Председатель. — Этих выражений Шульгин не употреблял.

Бомаш. — О еврейском предательстве говорил тут с трибуны член Думы Марков и удивлялся, как это транспортируется антисемитизм из армии сюда и отсюда в армию. Он и лидеры правых отлично знают, откуда это берется: они и правительство занимались этим 10 лет и удивляются, откуда идет антисемитизм в армию и затем из армии переходит сюда. Я протестую против обвинения евреев в предательстве: никто не в праве кого-либо обвинять в таком преступлении, об этом и вы не вправе здесь говорить. Вы могли иметь право произнести такое слово, что евреи предатели, если бы вы образовали думскую комиссию, которая туда бы на фронт поехала, исследовала, вернулась и сказала бы правду, тогда и я этой правде поверю.

---

[1]) Аргумент кулака.

Родичев. — Втечение 10 лет мы требуем прав и справедливости в отношении евреев, но в России мы наталкиваемся на слабое развитие, с точки зрения справедливости. На-днях один из членов Думы, сидящий направо, говорил: политика это — одно дело, а требование совести — другое. Втечение долгого времени мы обращались к русскому правительству с указаниями на требование совести и получали аргументы с точки зрения пользы, но теперь мы уперлись в то положение, которое мы давно предсказывали. Господа, вы делаете страну некредитоспособной, ибо она таким образом удерживается на той примитивной ступени, на которой невозможно правовое и экономическое развитие. Теперь мы получили аргументы, поистине доказывающие справедливость того, что я говорю, и вы прибегаете к раздражению национального самолюбия. Если бы нас не было, если бы во всей России раздавался тот голос, что политика и совесть ничего общего не имеют, вы были бы правы, но наш голос не умолкал ни разу. Мы на эту точку зрения не вставали, мы предвидели, что такой путь ведет Россию к гибели. Мы давно предсказывали все, что происходит. Мы втечение 10 лет вам указывали на необходимость другой политики по отношению к Польше; вы это поняли слишком поздно, тогда, когда обстоятельства вас ударили, а не воззвание к совести. Теперь вы упираетесь в эту стену и в еврейском вопросе. Ведь, гг., освобождение крестьян совершилось потому, что Россия была некредитоспособна до тех пор, пока не освободили крестьян. И в то время в полемике употребляли этот аргумент — национальное самолюбие, которое требует сохранения основных начал русской жизни. Господа, ведь мы не первые, которые подходили к еврейской эмансипации этим путем, я вас утешу, 50 лет тому назад эмансипация евреев провозглашена в Швейцарии вследствие требования американцев. Швейцарское правительство поступило мудро: оно уступило и заключило с американцами торговый договор, но предварительно устроив у себя равноправие евреев. Мы ожидали, что это совершится другим путем, по нашей инициативе. Теперь власти приходится согласиться с нами. Что лучше: упорствовать в нарушении еврейских прав и ставить своего министра в такое положение, в котором находится в настоящее время Барк? Что лучше: упорствовать и губить русский кредит? Что лучше: сдаться на требования справедливости или остаться верными возбуждению ложного самолюбия? Потому что уступить справедливости только почетно, и я все-таки надеюсь, что русское правительство не сочтет для себя унизительным совершить поступок не только выгодный, но и справедливый.

Председатель. — Господа. Я прошу вашего разрешения сделать личное мое заявление, потому что Николай Евгениевич сказал, будто бы я и Павел Николаевич — относилось это и ко мне — прибегали к таким аргументам. Я прошу вас считать то, что я рассказал, изложением того, что было слышано и видено мною за границей; только то, что было, и ни одного слова своего аргумента к этому я не добавлял. Я все это рассказал по просьбе членов комиссии; вчера я ни одного слова об этом не сказал, ибо здесь Военно-морская комиссия. Я считал неизбежным сделать такой доклад Финансово-бюджетной комиссии, но по просьбе членов комиссии я все это рассказал. Это есть изложение фактов, бывших за границей, а не мои аргументы. Поэтому такую поправку я считаю себя обязанным сделать. Но, в частности, относительно Николая Евгениевича, который мне послал такой тяжелый упрек, я такого аргумента не могу вынести, что под давлением требований каких-нибудь Россия должна уступать. Я

возвратил бы ему этот упрек, я бы напомнил ему то время, когда он боялся отчуждения помещичьих земель для крестьян и говорил: «Вам в России этого не даст сделать германский бронированный кулак, ибо явится германский полицейский и вас заставит подчиниться его решению». Вот, Николай Евгениевич, когда вы сами могли такие аргументы присылать, память мне не изменяет, может быть, это неточное выражение ваше, но мысль эта была высказана. Эта мысль не только вами лично разделялась, а очень широким кругом русского политического мнения. Смею вас заверить, что мы никогда к таким аргументам не прибегали и считали бы унизительным для России, если бы ей диктовали волю какие-нибудь иностранные державы. В данный момент стоят на очереди жизненные интересы России, победоносное окончание войны, с которым связан и европейский мир, и наше собственное благополучие, и мы считаем, что к этому моменту мы вас призывали готовиться 10 лет подряд. Я помню партийную программу нашей партии, изданную в 1906 году: там поставлены польская автономия и еврейское равноправие. Сколько упреков, сколько нападков, сколько вымыслов претерпели мы за это дело, но мы тогда говорили: этого требует величие и достоинство отечества, России. Я припомню вам мои бюджетные речи, я их кончал всегда тем, что, пока инородцы бесправны в России, нельзя не ждать пожара на окраинах, нельзя ждать указаний из-за границы. Я каждый год говорил это, и едва ли справедливо, что я прибегаю к аргументу силы какого-то Якова Шиффа. Я рассказал то, с чем встретился наш министр финансов за границей и с чем встретился лично я в моих личных частных попытках помочь русскому государству улучшить свое положение в кредите. Следовательно, я прошу вас ни в коем случае моего изложения заграничных бесед не считать моими аргументами. Это та горькая действительность, перед которой мне лично приходилось испытывать горькие и тяжелые чувства за свою родину, за наше управление.

Арест думской „пятерки“ в 1914 г.

В ноябре 1914 г. в Петрограде собралась нелегальная конференция РСДРП большевиков для обсуждения знаменитых тезисов тов. Ленина и манифеста ЦК партии о войне и для выработки конкретной программы действий. К этому времени уже окончательно выкристаллизировалось принципиальное и тактическое отношение большевиков к империалистической войне. Необходимо было наполнить критическим содержанием лозунги ЦК партии и наметить мероприятия к восстановлению разгромленных в период войны партийных организаций и укреплению партийной работы.

Конференция начала работать 2 ноября. До разгрома ее, 4 ноября был уже решен ряд вопросов и между ними был утвержден текст студенческой листовки о войне, который приводится ниже.

Из этой листовки видно, как после листовок, в которых выбрасывались лишь отдельные короткие лозунги против войны, большевики перешли уже к сравнительно обстоятельному анализу империалистического характера войны и к определенным выводам из этого анализа.

Раскрытые теперь архивы департамента полиции и военного ведомства показывают, как готовилась к нашей конференции охранка. Царское правительство давно уже искало какого-нибудь повода для того, чтобы ликвидировать большевистскую фракцию Государственной думы, которая являлась в то время, если можно так выразиться, легальным центром нелегальной работы большевистской партии, и решило воспользоваться конференцией и захватить нас «на месте преступления».

Приводимые ниже архивные документы показывают, что арест нашей фракции отнюдь не носил характера случайного провала, что было возможно при развитой системе сыска и шпионства; вопрос о ликвидации большевистской фракции был окончательно решен, правительство только поджидало благоприятного для этого момента. Оставалось как можно лучше разработать стратегический план нападения. Этот план был разработан и выполнен при помощи провокаторов, против которых не помогла и та тщательная, испытанная конспирация, с которой собиралась конференция.

Обнаруженные теперь архивные документы показывают, что, несмотря на твердо принятое правительством решение о ликвидации большевистской фракции, вокруг намеченного ареста думских депутатов-большевиков, а затем по поводу порядка следствия и самого судебного процесса развернулась целая дискуссия между различными группами царских министров и разными черносотенными течениями. Происходила настоящая борьба между этими группами и течениями.

Начавшее подыматься рабочее движение, провалы на фронте уже заставили руководителей царской России со страхом заглядывать в будущее. Вот чем объясняется боязнь части царских клевретов направить дело арестованных депутатов-большевиков по линии военного суда.

Большевистская фракция Государственной думы была рупором революционного движения и организующим центром рабочих масс. Депутаты-большевики, избранные

от рабочих, несмотря на все заграждения избирательного закона и все полицейские противодействия, были известны, близки и популярны в рабочей массе.

Со времени войны власть в стране в основном сосредоточилась в руках военщины, во главе которой стоял верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Вот почему на решение вопроса о направлении процесса арестованных депутатов-большевиков повлияло мнение об опасности раздражать настроение рабочих масс передачей дела в военный суд и, следовательно, смертной казнью депутатов. Втечение всей этой дискуссии жизнь арестованных депутатов висела на волоске.

Узнав об аресте фракции большевиков Государственной думы, Владимир Ильич писал: «Ужасная вещь... Правительство решило, повидимому, мстить РСДРП фракции и не остановится ни перед чем. Надо ожидать самого худшего: фальсификации документов, подлогов, подбрасывания «улик», лжесвидетельства, суда за закрытыми дверями и т. д. и т. д.».

Насколько царское правительство придавало большое значение делу думской фракции, показывает то, что о ходе его все время докладывалось царю. Вот что писал министр внутренних дел Маклаков об аресте ноябрьской конференции царю:

«Существующая в империи Российская социал-демократическая рабочая партия, стремящаяся к ниспровержению государственного строя и замене такового республиканским образом правления, с открытием военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны, выставляя побудительным для того мотивом опасность укрепления в случае победы самодержавного строя и отдаления осуществления преследуемых ею задач.

Непосредственное серьезное участие в пропаганде этих идей принимают члены Государственной думы четвертого созыва социал-демократической фракции, от коей исходят все директивы и руководство преступной деятельностью партии.

Свою злетворную деятельность, проявившуюся ярко в создании минувшим летом чрезмерного забастовочного движения рабочих и учинении ими уличных беспорядков, члены социал-демократической фракции ведут настолько скрытно, что привлечение их к ответственности в судебном порядке не представлялось возможным за отсутствием достаточных улик.

Несмотря на это розыскные органы империи, неослабно наблюдая за деятельностью революционных групп партии, в последнее время получили сведения о том, что члены социал-демократической фракции предполагают созвать конференцию с участием выдающихся социал-демократов для выработки тактических приемов пропаганды идей о скорейшем прекращении войны для ниспровержения затем монархического образа правления в России.

4-го сего ноября, в 12 верстах от столицы, в Петроградском уезде, в частной квартире розыскные чины застигли заседание упомянутой конференции, в которой участвовали члены Государственной думы четвертого созыва социал-демократической фракции — Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и Самойлов, а также шесть представителей партии, прибывших из разных мест империи. При опросе чинами полиции о цели собрания участники такового объяснили празднованием восьмилетней годовщины супружества хозяйки квартиры. Это объяснение было всецело опровергнуто явившимся через некоторое время мужем хозяйки квартиры.

Произведенным у собравшихся обыском найдены: отдельные номера заграничной революционной газеты «Социал-демократ», перечень подлежащих обсуждению собрания вопросов по поводу войны, 32 брошюры революционного и тенденциозного содержания, партийные заметки и переписка; кроме того у члена Государственной думы Бадаева — рукопись преступного воззвания к студентам с призывом к участию в революционном движении и паспорт на чужое имя.

Все акты расследования переданы судебной власти, которой возбуждено предва-

рительное следствие с привлечением к ответственности всех участников преступного собрания, в том числе и членов Государственной думы.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставлю себе доложить вашему императорскому величеству.

Министр внутренних дел Маклаков».

Окончательное решение вопроса о направлении процесса также дошло до самого царя, который присоединился к мнению верховного главнокомандующего — об опасности для правительства направления дела через военный суд. Таким образом, процесс был направлен по гражданской инстанции.

Суд начался 10 февраля 1915 г. Обвиняемые депутаты постарались использовать суд, как трибуну для пропаганды идей рабочей революции, для разъяснения трудящимся массам точки зрения большевиков на империалистическую войну, что вызывало яростную ненависть со стороны агентов правительства.

Прокурор начал свою речь с похвал вождям западно-европейских социалистических партий, сначала войны изменивших делу Интернационала и превратившихся в патриотических защитников своего отечества. «Только русская социал-демократия,— сказал прокурор, — не пошла на призыв здравого голоса жизни. Думская социал-демократическая фракция, отказавшаяся от голосования военных кредитов, объявила открытый разрыв с правительством в тот момент, когда оно больше всего нуждалось в единстве всех элементов населения». «Настоящее дело чрезвычайно важно,—сказал в заключение прокурор,—и по личностям и по затронутым вопросам».

«Мы имеем дело со сплоченным сообществом — российской социал-демократической фракцией... В тот момент, когда государство напрягает все силы на борьбу с нашими врагами, когда на границах государства неудержимым потоком льется кровь сынов отечества, подсудимые не захотели отказаться от параграфов своей программы и через голову тех, кто своей кровью защищает пределы отечества, протягивают свои руки к врагам родины. Эти люди хотели нанести нашей доблестной армии удар в спину, внести в ее ряды разрушение и дезорганизацию, но они очутились на скамье подсудимых, и, когда вернутся с полей сражений наши герои, мы сможет дать им ответ, что мы сделали с теми людьми, которые в их отсутствие хотели нанести им удар в спину».

Суд приговорил депутатов-большевиков к лишению всех прав состояния и вечной ссылке на поселение. Осужденные были этапным порядком сосланы в самый суровый и жестокий по климату и условиям Сибири — Туруханский край. Для ссыльных Туруханский край был ловушкой, тупиком, откуда не было никакого выхода. Там в это время уже отбывали ссылку тт. Сталин, Свердлов и некоторые другие работники нашей партии. Здесь очутился почти полный кворум русского бюро нашего большевистского ЦК.

Освободила ссыльных только Февральская революция.

А. Бадаев.

Текст публикуемых документов подготовлен к печати бригадой сотрудников Центр. военно-исторического архива и Архива революции в составе тт. И. Гейцмана, И. Дистлер, А. Свидерского и А. Спировой.

Телеграмма директора департамента полиции начальнику Московского охранного отделения от 20 октября 1914 г. № 1389 [1]).

В ближайшем времени в Финляндии состоится съезд социал-демократов с участием членов Думы социал-демократической фракции и представителей имперских организаций. Примите безотлагательно ме-

[1]) Архив революции, фонд деп. полиции (ДП), о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф, л. 2. Аналогичные телеграммы были посланы в тот же день всем начальникам губернских жандармских управлений.

ры к выяснению делегатов, сопровождайте неотступным наблюдением, телеграфируя о выезде в Гельсингфорс полковнику Еремину, также департаменту.

Директор Брюн де Сент Ипполит.

Телеграмма начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 30 октября 1914 г. № 168301 [1]).

Член Государственной думы Муранов, большевик, делегат от Харькова на конференцию, выехал двадцать девятого под наблюдением филеров в Петроград, откуда поедет в Финляндию. На места телеграфировано.

Генерал-майор Рыковский.

Телеграмма Бакинского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 30 октября 1914 г. № 8411 [2]).

По полученным мною агентурным сведениям, между первым и пятым ноября в Петрограде или Финляндии предположена конференция русских социал-демократов, преимущественно большевиков. От Тифлиса и Баку может быть делегирован проживающий в Тифлисе Алексей Джапаридзе. Кроме того, пятнадцатого ноября подготовляется в Дании международный социалистический конгресс. В Тифлис и начальнику Петроградского охранного отделения телеграфировал. Подробно донесением.

Телеграмма Владимирского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 31 октября 1914 г. № 2411 [3]).

1389 и 1402. Сегодня из Иваново-Вознесенска поездом четыре в направления Ярославль выехал делегат социал-домократов крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, деревни Шарапово, Иван Алексеев Воронин, кличка наблюдения «Павлин», в сопровождении филеров; в пути ожидается член думы Самойлов. Полковникам Еремину, Пети [4]) сообщено.

Телеграмма директора департамента полиции в канцелярию по гражданскому управлению при штабе верховного главнокомандующего от 5 ноября 1914 г. [5]).

Вчера по Выборгскому шоссе близ Петрограда захвачена конференция социал-демократов — пять членов думы: Петровский, Бадаев, Шагов, Муранов, Самойлов, шесть посторонних. Все обысканы. У членов Думы найдены документы, уличающие в пропаганде бунта. Начато судебное дело, все арестуются следователем.

Директор Брюн.

---

[1]) Там же, л. 17.
[2]) Там же, л. 24.
[3]) Там же, л. 28.
[4]) Т. е. на пограничные пункты — Гельсингфорс и Выборг.
[5]) Центр. военно-истор. архив (ЦВИА), дело № 220—870, л. 2.

Записка начальника Петроградского охранного отделения министру внутренних дел от 4 ноября 1914 г. № 25281 [1]).

При возникновении настоящей войны известный социал-демократ, представитель Международного социалистического бюро, ныне министр в Бельгии, Эмиль Вандервельде прислал на имя социал-демократических депутатов Государственной думы при сем в копии препровождаемую телеграмму [2]), в которой он призывал российский революционный пролетариат встать на одну точку зрения с французскими и бельгийскими демократами и социалистами и принять вместе с русским правительством участие в борьбе против прусского юнкерства за политическую свободу в Европе.

Несмотря на то, что в России громадное большинство рабочих и учащейся молодежи в высших учебных заведениях с объявлением войны проявило патриотические чувства как спокойным исполнением работ на фабриках и заводах, так и посильными пожертвованиями в пользу раненых, больных воинов и для обеспечения семей запасных, представители думской социал-демократической фракции, в особенности в лице депутатов Петровского, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова, продолжали вести агитацию против войны и против оказания русскому правительству какого-либо содействия в его борьбе с Германией и Австрией.

Главным образом под влиянием и руководством этих депутатов в Петрограде со времени объявления войны было выпущено несколько революционных прокламаций против войны с призывом рабочих к восстанию против русского правительства [3]).

Лица, занимавшиеся изготовлением и распространением этих воззваний, постепенно ликвидировались; частью дела их закончились административным порядком, а частью, по отношению арестованных с поличным, дела переданы судебной власти.

Распространяемые воззвания в большинстве рабочих города Петрограда не встречали сочувствия, и некоторые рабочие даже выражались, что распространителей подобных воззваний в такое тяжелое для России время следовало бы вешать.

Такое отношение к агитации массы рабочих не удовлетворяло вышеназванных депутатов Государственной думы, и они, жалуясь на то, что все рабочие газеты и профессиональные общества закрыты и рабочие не имеют ныне возможности познакомиться с истинным положением дела, решили издавать свой подпольный орган, проводя в нем свои идеи и подготавливая постепенно рабочих и солдат к мятежу для изменения существующего в России государственного строя.

Для объединения вышеизложенной преступной деятельности партийных работников повсеместно в России названные депутаты 30 сентября — 1 октября сего года устроили в Финляндии совещание членов социал-демократической фракции Государственной думы с некоторыми

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф, л. 74. Записка частично опубликована в журнале «Красная летопись» 1924 г. № 1 (10), стр. 96.

[2]) Опубликована в «Памятниках агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 90.

[3]) Речь идет о прокламациях Петроградского комитета РСДРП против войны, выпущенных за это время и начинающихся словами: «Товарищи! Кровавый призрак веет над Европой», «Товарищи рабочие! Совершилось! На границах трех великих держав уже грохочут пушки» и др. См. «Памятники агитационной литературы», т. VI, вып. II, стр. 80—89.

партийными работниками, на котором вполне определенно выразили свои взгляды на войну в препровождаемом при сем в копии ответе на телеграмму Вандервельде [1]) и по поводу сбора пожертвований в связи с настоящей войной [2]). Бывшим на совещании 30 сентября—1 октября лицам было поручено взгляды и решения, вынесенные на совещании, проводить в жизнь и распространять среди партийных кругов. В г. Петрограде немедленно после этого совещания была выпущена при сем в подлиннике представляемая прокламация против войны [3]).

Несмотря на все эти меры революционной среды, ослабляемой частичными ликвидациями, настроение рабочих в г. Петрограде продолжало оставаться спокойным.

Вследствие этого вышеназванные депутаты Государственной думы решили собрать партийный социал-демократический съезд в более широком составе, на котором выработать тактику и приемы борьбы, соответствующие настоящему моменту, для чего вызывали на съезд представителей от разных местностей России, но встретили сравнительно слабый отклик на свой призыв.

Такое позорное поведение вышеназванных депутатов Государственной думы, прикрывающихся мантией депутатской неприкосновенности и всеми силами стремящихся поднять беспорядок в империи, долее не могло быть терпимо, и я решил их ликвидировать во время заседания намеченного ими партийного съезда.

Было установлено, что упомянутые депутаты Государственной думы собрались в д. № 28 по Выборгскому шоссе, в районе 2 стана Петроградского уезда, туда же направились на заседание съезда и представители партийных организаций.

4 сего ноября, в 5 часов дня, в означенный дом был направлен полицейский наряд для производства обыска на основании 23 ст. военного положения, с офицером отделения ротмистром Попель, заведующим наблюдением губернским секретарем Мышкиным и надлежащим числом околоточных надзирателей и филеров.

Обыском в квартире крестьянки Псковской губернии и уезда, Сидоровской волости, деревни Большая Раменья, Ульяны Георгиевой Гавриловой, состоящей из 3-х комнат и кухни, были застигнуты:

А) Члены Государственной думы: 1) крестьянин Харьковской губернии, Волчанского уезда, Печенегской волости, местечка Слободы, Григорий Иванов Петровский, 2) крестьянин Орловской губ., Карачевского уезда, Хотимской волости, дер. Юрьевой, Алексей Егоров Бадаев, 3) мещанин с. Основы, Харьковского уезда, Матвей Константинов Муранов, 4) крестьянин Владимирской губернии, Ковровского уезда, Лесковской волости, Федор Никитин Самойлов, 5) крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Острецовской волости, Николай Романов Шагов.

---

[1]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 91.

[2]) «Резолюции, вынесенные на совещании 30 сентября—1 октября 1914 г. членов социал-демократической рабочей фракции Госуд. думы с некоторыми партийными работниками по вопросу об отношении к сборам и материальной поддержке в связи с настоящей войной», опубликованы там же, стр. 99.

[3]) Прокламация Петроградского комитета РСДРП, начинающаяся словами: «Товарищи! Снова вас оторвали от ваших семей, дали в руки ружье, одели в серую шинель, послали защищать престол и отечество от врагов», — опубликована там же, стр. 96.

Б) Представители организаций с мест: 6) потомственный почетный гражданин Лев Борисович Розенфельд (партийная кличка «Каменев»), член литературной комиссии при Центральном комитете Российской социал-демократической рабочей партии, не пожелавший указать, где он проживает, 7) крестьянин Лифляндской губернии, Рижского уезда, Магнусгофской волости, Карл-Иоганнов-Янов Печак [1]), заявивший, что сегодня прибыл из г. Риги, 8) крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Сороковской волости, дер. Шаронова, Александр Сергеев Волков [2]), заявивший, что приехал сегодня из г. Иваново-Вознесенска, 9) сын дворника Валентин Николаев Яковлев, заявивший, что сегодня приехал из г. Харькова, 10) крестьянин Ярославской губернии, Любимского уезда, Еськинской волости, деревни Кузовлева, Иван Яковлев Козлов, рабочий Путиловского завода, и 11) крестьянин Новгородской губернии, Старорусского уезда, Нивской волости, деревни Лисичкина, Николай Корнилов Антипов, заявивший, что сегодня прибыл со станции Лигово.

Все собравшиеся лица заявили, что прибыли на квартиру Гавриловой по случаю ее 8-летнего свадебного юбилея, а явившийся во время обыска муж Гавриловой — Александр Егоров Гаврилов заявил, что он ничего не знает по поводу юбилея, а также о причине собрания неизвестных ему лиц.

Все названные члены Государственной думы при приходе наряда полиции держали себя крайне вызывающе, заявляя, что они не позволят себя обыскивать, в особенности Петровский и Муранов. В помощь ротмистру Попель был командирован помощник мой подполковник Волков. После обыска лиц, не принадлежащих к составу Государственной думы, были подвергнуты обыску депутаты Самойлов, Бадаев и Шагов, не проявившие особого протеста против обыска. Депутатам же Петровскому и Муранову было заявлено, — и записано это в протокол, — что, принимая во внимание преступность собрания и возможность сокрытия ими предметов, имеющих существенное значение для всех застигнутых лиц, они не могут быть отпущены необысканными и, если не пожелают добровольно подчиниться требованию, то будут подвергнуты обыску силой, после чего они городовыми были выведены в смежную комнату, успокоились и были обысканы без применения какой-либо силы.

Несмотря на то, что в квартиру полиция не была разом впущена и пришлось сорвать с крючка дверь, все же личные обыски каждого из застигнутых на собрании лиц дали следующие результаты:

а) У Бадаева: 1) печатный экземпляр газеты «Социал-демократ» за № 33 от 1 ноября с. г. женевского издания с злободневными статьями по настоящему моменту [3]); 2) отпечатанная на пишущей машине известная телеграмма Вандервельде и ответ на эту телеграмму за подписью «Бюро Центрального комитета РСДРП»; 3) семь параграфов резолюции по поводу войны, отпечатанной на пишущей машине — копия которой прилагается [4]), видимо, служившей темой обсуждения на съезде; 4) на-

---

[1]) Товарищ Линде при аресте и на предварительном следствии назвался Печаком. См. обвинительный акт по делу депутатов социал-демократической фракции IV Госуд. думы, опубликованный в журнале «Право» 1915 г. №№ 8—11.

[2]) А. И. Воронин. См. обвинительный акт там же.

[3]) «Война и российская социал-демократия», «Против течения» и др.

[4]) Тезисы В. И. Ленина о войне, пересланные из-за границы с Ф. Н. Самойловым, опубликованы в Ленинском сборнике, т. XIV, стр. 10.

писанная от руки прокламация к студенчеству возмутительного содержания с явным призывом к новой российской революции (подпись «Студенческая группа РСДРП» — зачеркнута)[1]; 5) клочок бумаги с записью схемы для напечатания журнала и адресом; 6) брошюра со сборником программ и резолюций РСДРП и 7) паспорт на имя крестьянина Александра Павлова Кочкина.

б) У Петровского: 1) известная телеграмма Вандервельде, отпечатанная на пишущей машине, 2) семь параграфов вышеназванной резолюции против войны, 3) 1 экземпляр газеты № 33 «Социал-демократ», часть ответа на письмо Вандервельде, отпечатанная на пишущей машине, 5) заметки карандашом, заключающие в себе дополнение и исправления к вышеназванной резолюции из 7 пунктов против войны, 6) список фабрик и заводов, отпечатанный на пишущей машине, 7) 3 преступные брошюры «Программа и устав РСДРП», «Всероссийская конференция РСДРП» и «Манифест Коммунистической партии».

в) У Муранова: 1) 1 экземпляр газеты № 33 «Социал-демократ», 2) телеграммы из Москвы на имя Макеевой следующего содержания — «Сегодня выехать нельзя, могу быть вторник или среду, не поздно ли, телеграфируй»[2]), внизу приписано от руки: «Оставайтесь дома»[3]).

г) У Самойлова: 1) 1 экз. газеты № 33 «Социал-демократ», 2) листок с записью карандашом под заглавием «Поправки к докладу», 3) преступная брошюра «Извещение и резолюции летнего 1913 г. совещания Центрального комитета РСДРП с партийными работниками».

д) У Шагова — небольшая переписка и блокнот с записями, явно относящимися к совещанию.

е) У Гавриловой — 27 брошюр тенденциозного содержания. У остальных застигнутых на собрании лиц обнаружены адреса, заметки и блокноты, не имеющие явного отношения к собранию.

После обыска все депутаты Государственной думы, как хорошо известные наблюдению, были отпущены по квартирам, а застигнутые на совещании Розенфельд, Антипов, Козлов, Печак, Волков, Яковлев и квартирохозяева супруги Гавриловы подвергнуты задержанию.

В ночь на сегодня же сделаны распоряжения о производстве обысков по квартирам Макеевой, Козлова и Антипова в Петрограде и посланы требования об обыске квартир Розенфельда — в Финляндии, Печака — в Риге, Волкова — в Иваново-Вознесенске и Яковлева — в Харькове.

Принимая во внимание, что в вышеизложенных данных имеются несомненно признаки преступления, предусмотренного 102 ст. угол. улож., всю переписку по означенному делу имею честь препроводить на распоряжение вашего высокородия.

Вместе с тем арестованные: Розенфельд, Антипов, Козлов, Печак, Волков, Яковлев и супруги Гавриловы перечисляются содержанием под стражей за вами.

По получении протоколов обысков по отдельным требованиям таковые со всеми приложениями будут препровождаемы вам дополнительно.

---

[1]) См. ниже. Опубл. в журн. «Красная летопись» 1924 г., № 1 (10), стр. 104.

[2]) Телеграмма провокатора Романова, посланная им. Муранову перед открытием совещания с целью замести следы своей провокаторской деятельности. См. статью Юр. Новина «Красная летопись» 1924 г., № 1 (10), стр. 94.

[3]) Ответ тов. Муранова.

Вышеупомянутые арестованные содержатся: Розенфельд, Антипов, Яковлев — в Петроградском доме предварительного заключения, Козлов — в полицейском доме Коломенской части, Печак — в полицейском доме Александро-невской части и Волков — в полицейском доме Спасской части.

Супруги Гавриловы, ввиду отсутствия свободных отдельных камер в местах заключения, временно содержатся в камерах при охранном отделении.

При заключении настоящей передаточной записки арестованный Волков заявил на допросе, что в действительности он — крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Сороховской волости, дер. Шарапова, Иван Алексеев Воронин, 28 лет, и воспользовался чужим паспортом, экстренно выехав в Петроград из г. Иваново-Вознесенска.

Приложения: один протокол обыска, 8 протоколов допроса, 8 постановлений об аресте, 1 протокол осмотра и 4 тючка с предметами, взятыми по обыскам.

Полковник Попов.

Листовка к студентам, утвержденная ноябрьской конференцией РСДРП(б).

Товарищи!

Наконец-то исполнилась давно лелеянная мечта капиталистов и правительств всех стран, а в особенности Англии, Австрии, Германии и России. Наконец-то настала та война, о которой они мечтали и к которой готовились десятки лет.

Вот уже три месяца, как льется потоками кровь наших братьев и товарищей в борьбе за противные нам интересы капитала. Нас не обманут псевдопатриоты и воющие им в унисон «либеральные» писаки — они хотят заговорить нам зубы.

Напрасно! Мы знаем, что давным давно уже капиталисты Англии и Германии точат зубы друг на друга, мы знаем, что еще во время балканской войны 1912 г. были моменты, когда наружу должна была всплыть хищническая политика всех правительств.

Разошлись тучи: грозы не было, но мы знали, что не сегодня-завтра она должна вспыхнуть.

Еще в то время, товарищи, конгрессы социалистов всех стран — в Штутгарте, Копенгагене, а в особенности в Базеле — постановили бороться с войной до последних сил, в случае же, если загорится война, использовать ее в своих интересах, чтобы она была последней войной, последней вспышкой насилий капитала над трудящимися массами.

Кто смеет и кто станет отрицать, что вся тяжесть войны ложится на трудящийся класс? Сотни тысяч и миллионы наемных рабов капитала и задавленных крепостниками крестьян идут на бойню ради династических интересов нескольких коронованных разбойников, ради прибылей буржуазии, стремящейся к грабежу чужих земель. Мы должны проливать свою кровь в выгодах наших эксплоататоров и «господ»; мы должны итти на позиции в окопы, сознавая, что каждая пролитая капля нашей крови кует все больше и больше цепи для нас же самих, так как нам приходится сражаться с нашими товарищами «вражеской» армии за интересы истинных наших врагов. Кровью своей и телами своими давя немцев, почему-то объявленных нашими врагами, мы удобряем

тем самым ту почву, на которой пышным цветком благодаря нашим трудам расцветает русский царизм, русский произвол и русский милитаризм.

Товарищи! Нас заставляют сражаться с той Германией, которая в 1905 г. выставила свои войска на границе России для защиты русского царизма; нас заставляют сражаться с Австрией, ради которой Россия задавила восстание Кошута в Венгрии. Разве не говорит нам эта «милая» дружественность отношений между собой России, Австрии и Германии, кто наши враги и с кем мы должны бороться?

Наши враги — правительства этих стран. Зачем же нам кричать о всей Германии, всей Австрии? Когда одному разбойничьему царизму угрожает опасность от порабощенных, он зовет на помощь правительства других стран.

Товарищи! Мы должны бороться со всеми правительствами—борьба и есть наша борьба с милитаризмом, с узаконенным грабежом и разбоем. Уничтожение существующих разбойничьих династий Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов есть уничтожение милитаризма. Ура-патриоты говорят нам об уничтожении германского юнкерства — только, но они умалчивают о русской военщине, так как наверное знают, что, уничтожив германское юнкерство, русский штык достигнет своего апогея, а вместе с ним и русский царизм и русский гнет.

Товарищи! Великие идеи панславизма и освобождения народов из-под власти Германии и Австрии и покорения их под власть русской нагайки явно мерзостны и гнусны. Сравните положение населения русской Польши с положением германской Польши, положение русской Украины с австрийской Галицией.

Международная политика русского царизма — одна сплошная цепь самых неслыханных преступлений, самых грязных и подлых интриг против свободы народов, против демократии, против рабочего класса.

Русское правительство в лице своих прежних выразителей — Плеве, Треповых, Думбадзе, теперь Коковцовых, Кассо — правительство, поработившее Финляндию и Польшу, во главе со своим царем преследующее и открывающее гонение и погромы на «инородцев», евреев и т. п., растреливающее беззащитных граждан, — это правительство вдруг объявляет себя другом славян и кричит нам хором под царским управлением: «Бей немцев!»

Нет, русский народ, а в особенности мы, студенты, научились кое-чему с 1905 г.; нас не обманешь сладкими напевами о реформах под аккомпанимент мягкотелых либеральных писак из газет, ходящих на задних лапках. Когда мы верили басням, мы получили 17 октября, эту лицемерную конституцию, этот царский манифест — «мертвым свобода, живых под арест». Да, у нас была когда-то автономия университета, а теперь что?

Товарищи! Свободная школа может быть только в свободной стране, в стране, где не царит произвол, где нет вероломных и гнусных лжецов во главе правления.

Товарищи! Опираясь на установившееся лицемерное поведение правительств, видя и указывая вам лишний раз, что и теперь даже правительство наше попрежнему верно себе в своих гонениях на рабочих в Саратове, Харькове, Ростове-на-Дону и т. д. и т. д., мы протестуем против слов, призывающих к вере в правительство; протестуем против резолюций, в которых говорится об обращении к правительству с просьбой амнистии всем политическим заключенным.

Товарищи! Эта резолюция есть не что иное, как иудины сребреники; мы продаем за них наших товарищей, которые боролись с правительством, и знаем ему цену. На их знамени было написано: «Долой русский царизм, да здравствует демократическая республика!» Какой ценой вы хотите купить им свободу? Вы хотите продать их идеалы, вы идете в ряды «христолюбивого воинства».

Верьте, товарищи, освобожденные из тюрем уйдут обратно в тюрьмы; они не захотят продать своих богов, свои идеалы, свои верования, за которые боролись и страдали; они не требуют царской милости.

Теперь, когда нас берут в солдаты, мы не просим амнистии для наших заключенных братьев, мы освободим их сами, и мы не зовем никого в виде расплаты за их освобождение в ряды солдат.

Товарищи! Мы призываем вас не в ряды войска, чтобы итти «за веру, царя и отечество» против наших германских товарищей. Не туда зовем мы вас.

Вспомните, товарищи, как в прежние годы мы обещали «итти в ряды страждущих братьев», итти «к голодному люду». Мы теперь зовем вас в эти ряды; мы зовем на работу, на работу за заветы нашего былого революционного студенчества.

Те товарищи, которые остаются здесь, которых царский кулак не тянет на позиции в окопы, вы идите «к страждущим братьям», организуйтесь и организовывайте массы и подготовляйте их к революции. Время не терпит. Близок день. Вспомните, что было после русско-японской войны.

И в то время, как вы будете здесь работать, товарищи, ушедшие на позиции, то же будут готовиться к борьбе с истинными врагами.

Товарищи! Мы повторяем, что идем сражаться, идем в солдаты только потому, что против нас идет сила штыков, и мы объявляем царям и их правительствам, что берем оружие против своей воли. Пусть же знают они, что мы его употребим и против них.

Товарищи, не возвращайте оружия — храните его.

А вы, уходящие на позиции, ждите, когда мы дадим вам знать, и помните, что ваше место не против нас, а с нами.

Прочь веру в царские реформы! Мы сами создаем свои реформы. Долой войну! Да здравствует социализм! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международная революционная социал-демократия! Да здравствует РСДРП! Да здравствует новая российская революция!

Телеграмма директора департамента полиции харьковскому губернатору от 11 ноября 1914 г. № 1453 [1]).

Ввиду возможности выступлений со стороны рабочих в связи с привлечением и арестом членов Думы [2]) Самойлова, Шагова, Петровского, Муранова, благоволите принять надлежащие меры к недопущению беспорядков. № 1453.

Директор Брюн де Сент Ипполит.

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., лит. 217. Аналогичные телеграммы были посланы в г. г. Владимир, Кострому, Екатеринослав.

[2]) В телеграмме пропущена фамилия т. Бадаева.

Из доклада начальника Петроградского охранного отделения в департамент полиции от 12 ноября 1914 г. № 25776 [1]).

На некоторых заводах г. Петрограда, в том числе на заводе «Новый Лесснер» и «Русского общества для изготовления снарядов», утром 12 сего ноября были распространены гектографированные прокламации от имени Петроградского комитета Российской социал-демократической рабочей партии (копия этой прокламации при сем представляется) [2]).

На заводе «Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов» (бывший «Парвиайнен»), расположенном на Чугунной улице, в д. № 2, 12 сего ноября утром явилась на работы дневная смена, в числе 1 300 человек, из коих приступили к работам лишь 250 человек, исключительно оставленные на заводе запасные, а остальные 1 050 человек разошлись по домам в знак протеста по поводу ареста вышеназванных 5 депутатов, но без выражения какой-либо по сему поводу резолюции.

На чугунно-литейном и котельном заводе «Новый Лесснер», находящемся на Выборгской набережной, в д. № 23, мастеровые с утра спокойно приступили к работам, но, с целью учинения забастовки, несколько служащих на этом заводе подростков стали бегать по мастерским и тушить электрические лампочки, почему на завод было введено несколько городовых, которые задержали 2 подростков — крестьянина Московской губернии Григория Иванова Кудрявцева и крестьянина Казанской губернии Ивана Васильева Уланова, после чего нормальный порядок работ был восстановлен. Задержанные содержатся при управлении 2-го участка Выборгской части.

Ввиду имеющихся агентурных сведений, что главнейшими агитаторами за проведение забастовки-протеста на заводе «Русского общества» являются крестьяне — Егор Степанов Филиппов и Федор Кузнецов, сегодня мною сделано распоряжение об их обыске и безусловном аресте. Списки 1 050 рабочих означенного завода, прекративших занятия в знак протеста, составляются и будут высланы мне приставом для проверки по делам отделения и принятия против них надлежащих мер [3]).

С утра 12 сего ноября в некоторых высших учебных заведениях, в особенности в Петроградском университете и Политехническом институте, разбрасывались гектографированные прокламации от имени «Объединенного комитета Росс. с.-д. фракции высших учебных заведений Петрограда» — в двух редакциях [4]) и от имени «Университетской группы с.-р.» (копии этих прокламаций при сем представляются).

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., л. 241. Печатается с сокращениями.

[2]) Эта прокламация начинается словами: «Товарищи! В ночь на 6 ноября подлое царское правительство... бросило в темный, сырой каземат депутатов р. с.-д. рабочей фракции». Опубликована в воспоминаниях Бадаева «Большевики в Государственной думе», стр. 352.

[3]) Петроградский градоначальник в своем докладе начальнику Петроградского военного округа от 21 ноября 1914 г., за № 26309, о результатах проверки списка участников забастовки предложил военнообязанных рабочих, в числе 23 человек, призвать в войска и отправить на передовые позиции, а 10 человек выслать из пределов Петрограда (ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., л. 260).

[4]) Прокламация Объединенного комитета Росс. с.-д. фракции высших учебных заведений Петрограда по своему содержанию аналогична прокламации Петроградского комитета РСДРП, начинающейся словами: «Товарищи! В ночь на 6 ноября подлое царское правительство...». Опубликована в сокращенном виде в «Памятниках агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 110.

Несмотря на это беспорядки произошли только в Петроградском университете и выразились в следующем.

В 12½ часов дня в главном коридоре университета близ IX аудитории состоялась летучая сходка, по окончании которой толпа студентов прошла по всему коридору с пением революционных песен, после чего часть студентов пыталась сорвать лекции профессора Грибовского, Волков заявил на допросе, что в действительности он — крестьянин Кодемистов, лекции эти были прочитаны до конца, причем названные профессора доканчивали свои лекции при страшном шуме и криках студентов, в двух же аудиториях были разбиты стекла в оконных рамах, выходящих в коридор. После перерыва в 1 час 30 минут дня в IX аудиторию, где читал лекцию профессор Мигулин, ворвалась толпа студентов и потребовала прекращения чтения лекции, причем в окне аудитории было разбито несколько стекол; бывшие в аудитории академисты бросились к входным дверям и начали теснить демонстрантов. После этого ректор университета распорядился ввести в здание наряд полиции для прекращения беспорядков. При входе полиции большинство демонстрантов разбежалось, и была застигнута в IX аудитории, окружена нарядом полиции и переписана группа студентов, по полученным негласным сведениям, не имеющая непосредственного отношения к беспорядкам, за исключением единичных лиц. Зачинщики беспорядков успели скрыться, бросив на пол приготовленный для демонстрации красный флаг.

В Психо-неврологическом институте с утра лекции шли нормально, но затем в коридоре собралась толпа студентов, к которой обратился с речью студент Берка Нохимов Гутерман, призывая товарищей объявить однодневную забастовку в знак протеста по поводу ареста 5 членов Государственной думы, при этом указывал, что не следует бояться выступлений, так как правительство, учитывая момент, не пойдет на репрессивные меры из боязни возникновения крупных беспорядков. После этого кто-то из студентов заявил, что позвонили в полицию, и все разошлись. Некоторые профессора пробовали продолжать чтение лекций, но к 2 часам дня большинство студентов уже разошлось по домам.

Распоряжение об аресте агитатора Гутермана сегодня сделано.

Попытка устроить сходку была и в Политехническом институте, но выступивший оратор был сбит благонамеренными студентами, сходка продолжалась не более 4—5 минут, и затем все студенты разошлись по аудиториям на занятия.

В Высших женских курсах, около 4-х часов дня, в актовом зале собралось около 200 слушательниц для обсуждения вопроса об аресте 5 депутатов Государственной думы, но, ошиканные своими подругами, разошлись по аудиториям...

Полковник Попов.

Телеграмма директора департамента полиции начальнику Московского охранного отделения от 13 ноября 1914 г. № 1464 [1]).

По частным сведениям, в Москве готовится выступление рабочих в связи с арестом членов Думы; будто бы для агитации выехало из Петрограда несколько человек. Проверьте, донесите.

За директора Васильев.

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., л. 224.

Телеграмма начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции от 15 ноября 1914 г. № 132130 [1].)

На № 1464. В связи с арестом депутатов в Москве среди некоторой части рабочих эс-деков настроение приподнятое, и совершенно отрицать возможность каких-либо выступлений нельзя, однако ожидать таковых в ближайшие дни трудно. Ведется осведомленное наблюдение для предотвращения выступлений, если таковые были бы решены.

Подполковник Мартынов.

Отношение заведующего особым отделом управления дворцового коменданта Ратко начальнику Петроградского охранного отделения от 17 ноября 1914 г. № 330 [2]).

По поручению дворцового коменданта, имею честь просить ваше высокоблагородие не отказать сообщить, по получении сего, ваши соображения по вопросу о желательности передачи дела об арестованных пяти депутатах социал-демократической фракции Государственной думы на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Всегда готовый к услугам Вас. Ратко.

Отношение начальника Петроградского охранного отделения на имя заведующего особым отделом управления дворцового коменданта от 17 ноября 1914 г. № 293 [3]).

Вследствие запроса от 17 сего ноября, за № 330, имею честь уведомить ваше высокоблагородие, для доклада г. дворцовому коменданту, что производимое следствие по делу конференции Российской социал-демократической рабочей партии фракции большевиков, к каковому делу привлечены в качестве обвиняемых 5 членов Государственной думы, в целях детального производства следствия и спокойного отношения к этому делу населения, нежелательно передавать для дальнейшего производства военному следователю и судить виновных по законам военного времени по следующим соображениям.

Главнейшей задачей правительства являлось пресечение преступной революционной работы 5 членов Государственной думы фракции большевиков и арестованных вместе с ними лиц. Эта задача выполнена вполне успешно, депутаты арестованы с поличным, следствие стоит прочно, и я имею основание полагать, что далее при нормальном ведении следствия улики будут только крепнуть, и оправдательного вердикта суда быть не может.

Для правительства не имеет существенного значения, к какому наказанию виновные будут приговорены, так как, во всяком случае, они будут исключены из членов Думы, осуждены и таким образом лишены возможности далее вести свою революционную работу, и главным образом их преступная деятельность будет обнажена судом перед лицом всего населения.

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. 5, лит. Ф., л. 248.
[2]) Там же, л. 267.
[3]) Там же, л. 268.

Замечено, что при первом известии об обыске этих депутатов в охранном порядке рабочие и думские круги гораздо более волновались, чем при получении сведений об их аресте по постановлению судебной власти. Когда узнали последнее, во всех благонамеренных кругах разом наступило успокоение и пропал острый интерес к этому делу, несомненно, от сознания, что все сделано по закону, депутаты действительно виновны и изобличены.

Вследствие этого рабочие и студенчество, несмотря на призыв революционной среды протестовать против ареста членов Думы, реагировали на этот призыв 12 сего ноября крайне слабо. Это отношение общества к процессу депутатов всеми мерами желательно сохранить и далее.

В революционных изданиях, выпущенных за последнее время по поводу ареста 5 членов Думы, красной нитью проводилась мысль, что правительство спешит воспользоваться военным положением и посчитаться с неугодными ему членами Думы.

Несомненно, передача дела депутатов военному следователю даст основание революционной среде утверждать, что улик недостаточно, обычный порядок следствия грозит провалом и правительство спешит передать дело военным властям.

К сожалению, в громадном большинстве даже благонамеренного населения твердо гнездится убеждение, что военный суд—правда, скорый, но далеко нельзя его назвать справедливым. Население думает, что в военном суде не очень много разбираются со степенью улик против обвиняемых, а более руководствуются своим внутренним военным убеждением.

Наказание виновных по приговору военного суда, а тем более, по законам военного времени, несомненно, вселит в население совершенно неправильное убеждение, что правительство воспользовалось военным положением и расправилось с ненавистными ему депутатами, как ему захотелось. Революционная среда приплетет сюда чувство мести и проч. и создаст благоприятную обстановку для агитации. Чем более будет уклонений от нормального порядка при следствии и суде над депутатами, чем строже будет наложенное на них наказание, тем более вероятности ожидать каких-либо выступлений и связанного с ними нарушения настоящего спокойного течения дел.

В виду сего и памятуя, что главнейшей целью настоящего момента является сохранение внутреннего спокойствия в стране, мне представляется целесообразным стать в этом деле на ту точку зрения, которой правительство в настоящий момент действительно придерживается — оно забыло все внутренние распри и только в силу крайней необходимости, для пресечения столь вредной для войны агитации, принуждено было принять законные меры против арестованных депутатов; правительство отнюдь не желает пользоваться при суде над ними исключительными положениями и во избежание всяких кривотолков дает делу спокойный, обыденный ход. Эта мысль должна быть по возможности опубликована или распространена в прессе.

Таково мое мнение по данному делу, и я считаю своим долгом изложить его в полной откровенности. Я отлично знаю все то зло, которое сделано арестованными депутатами за время их революционной работы в Петрограде, они заслужили тяжкой кары, но момент и существующая обстановка требуют иной меры.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Полковник Попов.

Телеграмма начальника штаба верх. главнокомандующего Янушкевича тов. министра внутр. дел Джунковскому от 20 ноября 1914 г.[1]).

Верховный главнокомандующий приказал сообщить свое повеление генералу Фан-дер-Флиту [2]) не предавать военному суду участников мелких забастовок и членов Думы с их сообщниками без особого каждый раз его повеления. Сообщаю для сведения, что будут предаваться гражданскому.

Янушкевич.

Телеграмма московского градоначальника директору департамента полиции от 28 ноября 1914 г. № 778464 [3]).

Среди местной левой интеллигенции и части рабочих эс-деков, вызывая нервное настроение, распространяются слухи о применении к арестованным рабочим депутатам сто восьмой статьи уголовного уложения [4]) и будто бы уже приведенного в исполнение приговора. Для соображений прошу срочно поставить меня в известность о положении дела.

Адрианов.

Копия письма председателя Госуд. думы Родзянко председателю Совета министров Горемыкину[5]) от 30 ноября (12 декабря) [6]) 1914 г. № 3133 [7]).

Прилагая при сем копию заявления пяти членов Государственной думы [8]), считаю необходимым обратить внимание вашего высокопревосходительства на совершенную незаконность указанного в заявлении отношения к членам Государственной думы, как нарушающего их права, ясно и точно определенные ст. 15 учреждения Госуд. думы. Я полагаю, что такое действие администрации не может быть терпимо и потому, что, нарушая закон и обнаруживая безнаказанность недопустимого произ-

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, С, л. 26.

[2]) Помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа.

[3]) ДП, о. о., 1914 г., д. 5, лит. Ф, л. 297.

[4]) 108 статья царского уголовного уложения говорила о государственной измене.

[5]) Горемыкин передал это письмо министру внутренних дел Маклакову, который положил следующую резолюцию на письме Родзянко: «Не могу назвать «произволом» действия полиции, которые установили, что 5 членов Государственной думы — преступники. Председателю Думы это может быть неприятно, но это так. Не такие «действия» не могут быть терпимы, а нетерпимо, что общегосударственные тяжкие преступления совершались безнаказанно под флагом «депутатской» неприкосновенности. Неприкосновенность государственного строя в России важнее всяких депутатских привилегий. Нарушая закон, члены Думы неизменно всегда и всюду встретятся с полицейской преградой. Смуту в умах сеют не административные власти, борющиеся с революционным течением, а такие люди, которые даже по поводу таких возмутительных действий не находят ничего умнее, как кричать о произволе администрации. Пора бросить эту повадку. Фальшь негодования здесь уже слишком цинична и неуместна. Чинов полиции, обнаруживших и задержавших членов Думы, благодарил и благодарю». Резолюция опубликована в воспоминаниях Бадаева «Большевики в Государственной думе», стр. 350.

[6]) Против нового стиля на письме Родзянко помета Маклакова: «Совсем как за границей».

[7]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф, л. 360.

[8]) Заявление «Пятерки» председателю Госуд. думы Родзянко с требованием принять меры против нарушения депутатской неприкосновенности, поданное вскоре после ареста депутатов. См. воспоминания Бадаева, стр. 344.

вола административной власти, оно в переживаемое трудное время сеет смуту в умах мирного населения и волнует его, без того уже взволнованного тяжелыми условиями всеобщей войны. Позволяю себе надеяться, что ваше высокопревосходительство соблаговолите принять соответствующие меры к ограждению впредь членов Государственной думы от незаконных действий чинов полиции.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем к вам уважении и глубокой преданности.

Родзянко.

Телеграмма министра юстиции Щегловитова на имя начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича от 2 декабря 1914 г.[1]).

В производстве одного из петроградских следователей имеется недавно возникшее дело о пяти членах Думы, обвиняемых с другими лицами в принадлежности к революционному сообществу, предусмотренному сто второй статьей уголовного уложения о бунте против верховной власти. Дела же о бунте по военному положению автоматически подчинены военному суду, не требуя особого распоряжения военной власти. Между тем министр внутренних дел уведомил меня о последовавшем повелении верховного главнокомандующего генералу Фан-дер-Флиту не предавать военному суду членов Думы с их сообщниками без особого каждый раз повеления его императорского высочества. Ввиду изложенного обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой разъяснить мне встречаемое прокуратурой затруднение о направлении упомянутого выше дела о членах Думы, подлежащего в силу закона военному суду при действии военного положения, почему и предвидится непринятие дела к своему рассмотрению гражданским судом, если бы оно было ему предложено, как по закону подсудное военному суду. Пререкание же между гражданским судом и военным ведомством замедлит рассмотрение дела и в конце концов приведет признание его подсудным военному суду.

Министр юстиции Щегловитов.

Телеграмма товарища министра внутренних дел Джунковского начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу от 6 декабря 1914 г. № 820[2]).

По делу депутатов у меня совершенно определенное мнение, что, по государственным соображениям, передавать дело военному суду нежелательно. Депутаты арестованы с поличным, следствие стоит прочно, и при нормальном ведении следствия улики будут только крепнуть, и оправдания быть не может. Наказание по приговору суда, а тем более по законам военного времени, может вселить в население [убеждение], что правительство воспользовалось военным положением и расправилось с ненавистными ему депутатами, революционная среда приплетет чувство мести и создаст благоприятную обстановку для агитации. Чем больше будет уклонений от нормального порядка при следствии и суде над депутатами, тем больше вероятности ожидать каких-либо высту-

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, С, л. 29.
[2]) ЦВИА, д. № 220—870, С, лл. 32—33.

плений и нарушения настоящего спокойного течения дела. Ввиду сего мне кажется наиболее целесообразным и достойным для правительства именно показать, что оно не желает пользоваться при суде над депутатами исключительными положениями и даст делу обыденный ход во избежание всяких кривотолков, тем более, что наказание как по военному, так и по гражданскому суду одно и то же. Разница только в том, что военный суд, конечно, применит высшую меру, гражданский же может применить низшую. Но это для правительства, по моему мнению, не будет иметь существенного значения, так как в обоих случаях депутаты будут исключены из членов Думы, осуждены, лишены возможности далее вести революционную работу, и преступная деятельность их будет обнажена судом пред лицом населения.

Переходя затем к сообщению министра юстиции, что депутаты, в силу закона, как обвиняемые по 102 статье в подготовке к бунту против верховной власти, подлежат при военном положении преданию военному суду без особого распоряжения, то мне, как не юристу, трудно оспаривать, но по логике мне это кажется невероятным, тем более, что этот аргумент министр юстиции не подкрепляет никакой статьей закона.

Статс-секретарь Щегловитов заранее предвидит непринятие этого дела гражданским судом, но полагаю, что принятие или непринятие зависит исключительно от тех указаний, какие он даст суду, так как министр юстиции не из тех людей, кои стесняются в таких делах. Но даже, если бы случилось то, что предвидит министр юстиции, то я полагаю, что все же будет лучше, если дело поступит на военный суд вследствие пререкания, а не будет передано военному суду непосредственно. Почвы для агитации все же будет меньше.

Джунковский.

Отношение начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича на имя председателя Совета министров Горемыкина от 7 декабря 1914 г. [1]).

В связи с произведенными в Петрограде 4 минувшего ноября обысками и последующим арестом социал-демократической конференции и в том числе пяти членов Государственной думы верховным главнокомандующим было повелено главнокомандующему VI армией не предавать военному суду участников мелких забастовок и членов Думы без особого каждый раз повеления его императорского высочества. Вслед засим генерал-от-артиллерии Фан-дер-Флит вошел с особым докладом, в коем испрашивал указаний, подлежит ли преданию военному суду состав упомянутой конференции, привлекаемый к обвинению по признакам преступления, предусматриваемого статьею 102, ч. I уголовного уложения.

Рассмотрев те краткие сведения, которые по сему поводу получены были из департамента полиции, и приложенные к ним копии обнаруженных при обыске: ответа на обращение Вандервельде, рукописного воззвания к студенчеству, обращения к «товарищам» и проекта резолюции конференции, великий князь Николай Николаевич изволил признать, что как ни возмутительны, сами по себе, намерения арестован-

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, лл. 36—37. Отношение отправлено не было и сохранилось в деле как проект.

ной социал-демократической конференции, однако ознакомление с перечисленными документами указывает на такую оторванность этой организации от народа и беспочвенность ее стремлений, что усматривать в ней серьезную угрозу для государственного порядка, требующую неотложного принятия решительных мер борьбы, в переживаемое ныне время едва ли правильно. Предание указанных лиц военному суду повело бы к истолкованию такого решения, как доказательства значительности противоправительственного движения и невозможности справиться с ним в порядке общего, а не исключительного закона. В то же время оно содействовало бы распространению различных нежелательных толков и неминуемо вызвало бы сочувствие к арестованным со стороны рабочих масс и известной части интеллигенции. Между тем, не говоря уже о неуместности каких-либо в этом направлении теперь выступлений, нельзя забывать, что, не представляя в политическом отношении никакой опасности, осложнения в рабочей среде, обычно сопровождающиеся нарушением правильного течения фабрично-заводской деятельности, в военных интересах могут причинить весьма существенный вред. Исходя из приведенных соображений, верховный главнокомандующий признал соответственным повелеть генералу Фан-дер-Флиту, дабы предварительное следствие по делу о социал-демократической конференции производилось обычным, а не спешным порядком и, по заключении его, обвиняемые были бы преданы гражданскому суду.

Ныне, между тем, мною получена от министра юстиции телеграмма, в которой статс-секретарь Щегловитов указывает, что привлеченные к следствию члены Думы и другие лица обвиняются в принадлежности к революционному сообществу, предусмотренному статьей 102 уголовного уложения о бунте против верховной власти. Дела же о бунте при военном положении подведомственны по закону военному суду, и для этого не требуется особого распоряжения со стороны военной власти. Поэтому можно предвидеть, что гражданский суд не примет настоящего дела к своему рассмотрению и между ним и военным ведомством возникнет пререкание, которое замедлит ход дела, но в окончательном результате все же приведет к признанию дела подсудным военному суду. Вследствие этого статс-секретарь Щегловитов возбуждает вопрос об указании мер к устранению возникшего таким образом затруднения.

По докладе об этом верховному главнокомандующему, его императорское высочество повелел мне все изложенное сообщить вашему высокопревосходительству, полагая, что было бы полезно, ввиду несомненно важного значения предпринимаемого решения, подвергнуть его всестороннему обсуждению в Совете министров. При этом великому князю Николаю Николаевичу угодно было указать, что, оставаясь по существу при выраженных его высочеством в письме главнокомандующему VI армией соображениях, он, в случае окончательного установления виновности арестованных лиц в бунте против верховной власти, а не в преступных деяниях, например, предусматриваемых главой пятой уголовного уложения, не встретит препятствий к преданию их, в соответствии с требованием пункта I ст. 17 правил о местностях, состоящих на военном положении, военному суду.

К изложенному долгом считаю присовокупить, что министр юстиции, одновременно с сим, уведомлен мною о сообщении соображений

верховного главнокомандующего по обсуждаемому вопросу вашему высокопревосходительству.

В ожидании последующего отзыва, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном уважении и истинной преданности.

Письмо верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича председателю Совета министров Горемыкину от 8 декабря 1914 г. № 880 [1]).

Иван Логгинович.

Когда возник вопрос о предании суду арестованных в Петрограде вместе с другими социалистами пяти членов Государственной думы, то, по первому же впечатлению, мне совершенно очевидно представилась необходимость избрать такой способ предания суду, который устранял бы возникновение толков об использовании правительством военного положения, как предлога от них отделаться. По глубокому моему убеждению, передача дела на рассмотрение военного суда неминуемо должна была получить именно такое объяснение и вызвать брожение среди фабричных и иных оппозиционных элементов. Между тем спокойствие в рабочей среде, обслуживающей разнообразные нужды армии, в заботах о последней представляется и представлялось мне весьма важным.

Как это ни странно может вам показаться, но в мирное время я безусловно предал бы всех арестованных по настоящему делу военному суду, а теперь, в военное — особенно при настоящих условиях — считаю такую меру несоответственной.

Допускаю, что часть общественного мнения может счесть приведенные суждения за проявление слабости. Но до сих пор меня в этом никто не упрекал, и этим следовало воспользоваться для того, чтобы принять такое именно решение, которое требуют обстоятельства. Я беседовал по обсуждаемому вопросу с несколькими осведомленными лицами, и притом различного положения, и все они были одного со мною мнения. Это окончательно утвердило меня в принятом мною решении, которое выразилось в повелении моем генералу Фан-дер-Флиту об изъятии этого дела из подсудности военному суду и предании виновных суду гражданскому.

Указанное направление дела встречает, повидимому, возражения, как вы убедитесь из прилагаемой копии телеграммы министра юстиции. Сообщаю также, только для вашего ознакомления, доверительно ответ на мой запрос генерала Джунковского.

Я моего решения не изменяю и надеюсь, что, ознакомившись и вникнув в основание и дух моих доводов, вы меня поддержите и укажете министру юстиции, как ему надлежит поступить.

Николай.

---

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, л. 39.

Письмо министра юстиции Щегловитова начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу от 30 декабря 1914 г. № 10587 [1]).

Николай Николаевич.

Государь император, по всеподданнейшему докладу, в 28 день декабря 1914 г. всемилостивейше повелеть соизволил: дело о членах Государственной думы Петровском, Бадаеве, Муранове, Самойлове и Шагове и других лицах, обвиняемых вместе с ними в преступном деянии, предусмотренном ч. I ст. 102 угол. улож., изъять из-под действия военного положения, с обращением его в подлежащий суд гражданского ведомства, указанный в уставе уголовного судопроизводства.

О таковом высочайшем повелении, вместе с сим предложенном Петроградской судебной палате к исполнению, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство.

Ив. Щегловитов.

Письмо председателя Совета министров Горемыкина верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу от 15 января 1915 г. № 24 [2]).

Ваше императорское высочество.

Рескриптом от 8 декабря 1914 г. вашему высочеству благоугодно было указать мне на желательность изъятия из подсудности военному суду дела о пяти членах Государственной думы, обвиняемых, вместе с другими лицами, в принадлежности к революционному сообществу, и предания виновных суду гражданскому, в каковом смысле и последовало уже повеление вашего высочества главнокомандующему VI армией, к осуществлению коего со стороны министра юстиции встречены были затруднения, объясненные им в телеграмме на имя генерала-от-инфантерии Янушкевича от 2 декабря того же года.

Во исполнение сего я входил в сношение со статс-секретарем Щегловитовым, который ныне меня уведомил, что государь император 28 декабря 1914 года высочайше повелеть соизволил: дело о членах Государственной думы: Петровском, Бадаеве, Муранове, Самойлове и Шагове и других лицах, обвиняемых вместе с ними в преступном деянии, предусмотренном ч. I ст. 102 уголовного уложения, изъять из-под действия военного положения, с обращением его в подлежащий суд гражданского ведомства, указанный в уставе уголовного судопроизводства.

Об изложенном долгом поставлю всеподданнейше доложить вашему императорскому высочеству.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею честь быть вашего императорского высочества преданный слуга

И. Горемыкин.

---

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, л. 41.
[2]) Там же, л. 62.

Из истории рабочего движения накануне мировой войны

Рабочее движение в России со времени ленского расстрела с каждым годом растет, крепнет и накануне империалистической войны достигает огромного подъема. С ростом забастовочного движения на экономической почве увеличивается число стачек политического характера. Впереди идет пролетариат Петербурга и Риги, поддерживаемый рабочими Москвы, текстильного района Центр. России, героическим бакинским пролетариатом, рабочими Сормова, Брянска, Урала, Польши и др.

По истории рабочего движения предвоенной эпохи имеется довольно обширная литература. Помимо исследовательских работ напечатано значительное количество архивных документов о стачечном движении в Петербурге и Москве, а также о бакинской всеобщей забастовке 1914 г. Но весьма недостаточно использованы в печати документы о движении текстильных рабочих Промышленного района.

Настоящая публикация и имеет в виду пополнить этот пробел.

Печатаемые ниже документы, извлеченные из фонда департамента полиции, во-первых, дают общую хронику рабочего движения в целом по всей России, с цифровыми данными, начиная с января 1914 г. до начала войны; во-вторых, вскрывают ряд моментов борьбы текстильщиков Костромской губернии за улучшение своего экономического положения в период май—июль 1914 г.

Движение текстильщиков в 1914 г., начавшись с середины мая в Костромской губернии, быстро перебросилось на соседние губернии, охватив весь Московский промышленный район. Текстильщики, преследуя экономические цели — повышение заработной платы, чрезвычайно низкой при общем росте дороговизны, — организованно и упорно добивались удовлетворения своих требований. В борьбу включилась вся масса рабочих — до 50 тысяч человек по одной лишь Костромской губернии. Если принять во внимание низкий уровень развития рабочих текстильщиков, среди которых было большинство женщин, а также разбросанность фабрик и разобщенность рабочих, то нельзя не признать крупного размаха, который имело это движение. Стачку начали рабочие Большой Кинешемской мануфактуры, «на Томне», к которым присоединились рабочие фабрик Г. Разоренова, И. Кокорева и др.

Рабочие предъявили в общей сложности около 400 требований. Эти требования не ограничивались одним лишь повышением расценок, но затрагивали вопросы общего повышения материального и культурного уровня жизни рабочих, улучшения квартирных условий, расширения медицинской помощи, вежливого обращения и т. д.

Начальник Костромского губернского жандармского управления так характеризовал требования рабочих: «По словам хозяев фабрики Кокорева, если выполнить все 150 пунктов требований, предъявленных забастовщиками, то нужно установить на фабрике 6-часовой рабочий день, увеличить заработок рабочих на 30% и произвести построек для рабочих на 1½ миллиона рублей».

На степень организованности движения текстильных рабочих большое влияние оказала большевистская фракция Государственной думы в лице т. Шагова, который в это время был вызван рабочими на место забастовки. Он разъезжал по рабочим районам, агитировал за доведение борьбы до полного удовлетворения всех требований, поддерживал боевой дух и стойкость среди рабочих.

Местные социал-демократические организации существовали почти во всех рабочих районах, но были ослаблены массовыми арестами. Этим объясняется отсутствие прокламаций местных социал-демократических организаций по поводу забастовки текстильщиков.

Масса, вступив в борьбу с капиталом в условиях общего революционного подъема в стране, быстро революционизировалась, и стойкости ее не могли сломить репрессивные меры ни полиции, ни предпринимателей.

В разгар забастовки костромской губернатор писал министру внутренних дел: «Я полагаю, что начавшееся во вверенной мне Костромской губернии забастовочное движение, — повторяю, несомненно политического происхождения, — легко передастся и в соседние фабричные губернии Ярославскую и Владимирскую, и поэтому движение должно быть задушено в самом его зародыше всей полнотой власти».

В район забастовки были стянуты значительные военные силы. При разгоне рабочих собраний полиция пускала в ход нагайки. Предприниматели грозили объявлением локаута, выселением из рабочих казарм и другими экономическими карами.

Текстильщики все же добились частичного удовлетворения своих требований и только после этого встали на работу, однако с тем, чтобы вскоре возобновить борьбу.

Вновь борьба возобновилась уже в условиях войны. Кровью вписаны в историю освободительного движения пролетариата дни расстрела безоружных текстилей-рабочих в Костроме 5 июня и в Иваново-Вознесенске 10 августа 1915 г. Этот момент будет освещен нами в одной из дальнейших публикаций.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве революции в Москве. Текст их подготовила к печати Е. Горелкина.

А. Спирова.

Записка департамента полиции от 17 июня 1914 г.[1]).

В текущем 1914 году начало политических забастовок было положено, по примеру прошлых лет, 9 января. В этот день демонстративное прекращение работ было в г. С.-Петербурге во многих предприятиях, с общим числом рабочих в 110 тысяч человек, в Москве бастовало свыше 7 000 человек, в Риге около 36 тысяч, в Варшаве свыше 4 тысяч, в Твери около 3 000. Во время уличных беспорядков в С.-Петербурге задержано 132 человека, наиболее активных участников таковых. Всего забастовочным движением в январе было охвачено до 380 промышленных предприятий, с общим количеством участников до 183 000 человек. Наибольшее число забастовок экономического характера возникло на почве недовольства рабочих размерами заработной платы, причем забастовки эти наблюдались преимущественно в С.-Петербургской, Московской, Костромской, Лифляндской, Варшавской, Калишской и Петроковской губерниях.

В феврале месяце забастовочное движение несколько сократилось, хотя и на сей раз движением этим было охвачено до 128 предприятий, с общим числом бастовавших до 45 000 человек.

Забастовки политического характера происходили в С.-Петербурге, Москве, Ревеле, Харькове и Киеве. Мотивом таких забастовок в г. С.-Пе-

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 145, л. 14.

тербурге главным образом выставлялось желание рабочих отпраздновать 19 февраля, годовщину освобождения крестьян от крепостной зависимости, причем по этому поводу в столице бастовало свыше 15 тысяч рабчих, в том числе 13 тысяч на Путиловском заводе, а в Москве участвовали в такой же забастовке три промышленных предприятия. Там же на одном из заводов была устроена 21 февраля забастовка в виде протеста по поводу слухов об обысках у некоторых членов Государственной думы.

В Ревеле на 9 фабриках и заводах были остановлены работы с целью выражения протеста по поводу принятия административных мер против некоторых рабочих, оказавшихся вредными для общественного порядка. В Киеве и Харькове в некоторых предприятиях были устроены забастовки по поводу запрещения празднования юбилея писателя Шевченко.

Происходившие в феврале экономические забастовки преимущественно были направлены к повышению заработной платы и состоялись главным образом в С.-Петербургской, Лифляндской, Варшавской, Петроковской, Калишской, Гродненской и Полтавской губерниях. Кроме того, в Тульской губернии на одной из фабрик произошла забастовка с целью понудить предпринимателей к сокращению рабочего дня, а в некоторых местностях были устроены забастовки по случаю недовольства рабочих фабричною администрациею.

В марте забастовочное движение усилилось, коснувшись 356 предприятий, с общим количеством бастовавших до 23 000. Наибольшее количество забастовок было экономического характера, и происходили они преимущественно в С.-Петербурге, Москве, Риге, Вильне, Киеве и Ростове-на-Дону. Главнейшим поводом к этим забастовкам было недовольство рабочих размером заработной платы. В том же месяце в г. С.-Петербурге произошел ряд однодневных забастовок в виде протеста против преследования рабочей печати и закрытия одного из профессиональных союзов [1]), а также по поводу неудовлетворительного, по мнению рабочих, ответа правительства в Государственной думе на запросы о Ленских событиях и заболеваниях на резиновых и табачных фабриках [2]). В этих демонстративных забастовках участвовало от 53 до 73 тысяч человек. Ввиду нарушения рабочими порядка на фабриках и заводах некоторые из этих предприятий в г. С.-Петербурге были закрыты с 20 по 26 марта. Наряду с сим с.-петербургские забастовки вызвали ряд забастовок сочувствия и в других городах. В Москве из солидарности с петербургскими рабочими бастовали мастеровые 24 предприятий, в Риге — 55 предприятий, в Киеве — 4 предприятий и в Ростове-на-Дону — 9 предприятий.

В апреле месяце забастовочное движение проявилось в 506 промышленных предприятиях, с общим числом участников забастовок до 155

---

[1]) В марте 1914 г., по постановлению городского особого присутствия по делам об обществах и союзах, был закрыт Петербургский союз металлистов.

[2]) Речь идет о массовом отравлении работниц галошных мастерских «Треугольника», табачных фабрик Богданова, Лаферм, Шапошникова и других. Отравление произошло вследствие испарения неочищенного бензина, который входил в состав новой галошной мази, применявшейся администрацией фабрики. Предложение большевистской фракции Госуд. думы о создании специальной комиссии для расследования причин отравления работниц было Думой отвергнуто и направлено в общую комиссию по запросам.

тысяч. Забастовки экономического характера происходили в С.-Петербурге, Москве, Риге, Варшаве, Одессе, Баку, Астрахани и Оренбурге, причем наибольшее число этих забастовок возникало в связи с требованиями о повышении заработной платы.

Политические забастовки в апреле происходили по разным поводам. Так, в С.-Петербурге втечение 6 дней на многих фабриках и заводах были прерваны работы в виде протеста против исключения в Государственной думе на 15 заседаний депутатов левых фракций. По тем же мотивам в Москве бастовали рабочие 64 предприятий. Наряду с сим в некоторых фабричных районах были устроены демонстративные забастовки по случаю дня 1 мая по новому стилю. Главное место в этих последних забастовках по числу бастовавших занимает г. Рига, где 17 апреля рабочими были сделаны попытки устройства уличных беспорядков, и на следующий день забастовало около 45 тысяч человек. Кроме того, в том же апреле отмечены случаи забастовок на почве недовольства рабочих продолжительностью рабочего дня. Такие забастовки имели, между прочим, место в С.-Петербурге, Риге и Киеве, а также в Люблинской и Орловской губерниях.

В мае месяце забастовочное движение началось празднованием 1 мая. В этот день в С.-Петербурге прекратили работу около 100 000 человек, причем в разных местах столицы были проявлены попытки к устройству уличных демонстраций, а в двух случаях со стороны демонстрантов было оказано сопротивление полиции. В Москве не производились работы в 157 предприятиях с 32 000 рабочих. Последние также пытались произвести демонстрацию, но таковая немедленно была прекращена мерами полиции. Почти то же самое наблюдалось в г. Ревеле, где бастовали в этот день рабочие 17 предприятий. Забастовки по указанному случаю наблюдались еще и во многих других районах, но были менее значительны по сравнению с вышеуказанными.

Из прочих забастовок последнего времени наиболее обращают на себя внимание забастовки, возникшие на Уральских горных заводах в Пермской губернии, где местные власти ходатайствовали об оставлении в г. Перми и Екатеринбурге необходимых для обеспечения порядка войсковых частей, предназначавшихся к выводу в лагерный сбор. Между прочим для прекращения происшедших в Нязепетровском заводе рабочих беспорядков, возникших первоначально из-за учреждения больничных касс, потребовалось командирование туда роты солдат и вызов из соседних уездов полицейской стражи [1]). К числу заводов, в коих нормальный порядок был нарушен, принадлежали, кроме упомянутого Нязепетровского, также Лысвенские, Чусовские, Каслинский, Верх-Исетский, Добрянский, Ревдинский, Нижне-Уфалейский и другие, а также казенные Пермские пушечные заводы в Мотовилихе. На некоторых из них, в целях достижения уступок экономического характера, забастовки длились довольно значительное время. Хотя ныне и начинают уже поступать из Пермской губернии более или менее успокоительные известия, но общее положение на заводах еще нельзя признать вполне нормальным.

[1]) В феврале 1914 г. рабочие Нязепетровского завода бастовали, протестуя против ареста семи уполномоченных, выбранных в больничную кассу; когда на завод явился полицейский пристав, чтобы увести арестованных, рабочие арестовали старшину и земского начальника. На завод было прислано пять рот солдат, прибыл губернатор. Последовали массовые аресты рабочих, руководителей забастовки.

Неспокойным настроение рабочих признается и в г. Николаеве, на судостроительных заводах, вследствие чего, по ходатайству местного градоначальника и просьбе морского министра, сделано сношение с командующим войсками Одесского округа об оставлении там на время лагерного сбора батальона пехоты и казачьей сотни.

В Кинешемском фабричном районе Костромской губернии также неспокойно; происходит длительная экономическая забастовка [1]).

В г. Баку в конце мая возникла и разрослась до больших размеров забастовка на нефтяных промыслах. Число бастующих достигло 30 000 человек, причем забастовка эта крайне встревожила поволжские биржевые комитеты, опасающиеся прекращения притока нефтяного отопления для волжского судоходства. По последним сведениям, забастовка идет уже на убыль, хотя насильственные действия забастовщиков против небастующих продолжаются, вызывая полицейские репрессии [2]).

В вышеописанном забастовочном движении, помимо причин экономических, а равно тех или иных политических событий, немаловажную роль играет, с одной стороны, так называемая рабочая пресса, а с другой, принадлежащие к социал-демократической фракции члены Государственной думы, которые стараются использовать всякий случай, чтобы повысить революционное настроение рабочих. В этом отношении наибольшим авторитетом среди рабочих и наиболее частыми выступлениями отличаются Бадаев (в С.-Петербурге), Петровский (в Екатеринославской губ.), Скобелев (в г. Баку) и Чхенкели (на Чиатурских промыслах в Кутаисской губ. [3]).

Что касается мер, принимаемых властями в целях предупреждения и прекращения забастовок, то в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение, виновные привлекаются к судебной ответственности по ст. 1359 и др. улож. о наказ. Затем против выясняемых агентурой политических агитаторов принимаются обычные в порядке положения об охране меры обыска и ареста, с привлечением виновных к жандармским дознаниям или перепискам в порядке положения о государственной охране. Кроме того, нарушители обязательных постановлений губернаторов подвергаются аресту.

Директор Брюн де Сент Ипполит.

Из доклада начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 5 февраля 1914 г.[4]).

Российская социал-демократическая рабочая партия. Эта партия имеет в губернии довольно значительное число своих последователей в среде фабричных рабочих. Наблюдались социал-демократические группы в г. Костроме, в с. Родниках, в с. Середе, в с. Вичуге, в г. Кинешме и в с. Яковлевском. Наибольшей «сознатель-

---

[1]) См. ниже, стр. 58—61.

[2]) Всеобщая забастовка бакинских нефтепромысловых рабочих началась 27 мая 1914 г. и закончилась 21 января 1915 г., охватив около пятидесяти тысяч рабочих. Забастовка подготовлялась втечение нескольких месяцев, были организованы рабочие комиссии, заранее выработаны требования рабочих крупных фирм. Руководил забастовкой стачечный комитет, тесно связанный с бакинской большевистской организацией.

[3]) А. Е. Бадаев и Г. И. Петровский — члены большевистской фракции IV Государственной думы, Чхенкели и Скобелев — меньшевики.

[4]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 35, л. 3.

ностью» [1]) отличается Родниковская группа рабочих, благодаря тому, что здесь, в с. Родниках, фабрикой Красильщикова созданы технические и вечерние курсы специально для рабочих. При выборах от рабочих губернии представителей в Государственную думу до сего времени выбирались от этой группы — Калинин, Сурков и Шагов. Последний в IV Государственной думе состоит членом социал-демократической фракции, в составе «шестерки»—большевиков. Главнейшее влияние «центра» партии на рабочие организации губернии в настоящее время ведется через посредство члена Государственной думы Шагова. Летними каникулами 1913 года он объезжал организации губернии, знакомил их с жизнью партии и с деятельностью фракции Думы, призывал к расширению и углублению работы на местах и подготовлял областную конференцию представителей групп в губернии с целью выработать на ней организацию взаимной связи групп. В борьбе с деятельностью Шагова жандармское управление пока стремилось не допустить организации взаимной связи. В этих целях 19 сентября была произведена ликвидация в г. Костроме, благодаря которой была сорвана назначенная на 21 сентября конференция. Собравшиеся на ней решили ввиду неполного состава считать собрание не конференцией, а съездом [!], который не может вынести решений, а только пожелания. В числе пожеланий были — необходимость прислать в губернию специалиста-пропагандиста, что возлагалось на социал-демократическую фракцию Государственной думы, и чтобы в ближайшем будущем всетаки была собрана конференция, что возлагалось на Родниковскую группу. Для предотвращения последней 7 ноября была произведена ликвидация в с. Родниках и арестовано 4 человека. Эта ликвидация произвела такое впечатление, что, когда Шагов приехал в декабре на рождественские каникулы, то заявил спрашивавшим его из других мест губернии, что конференцию надо отложить до лета, что присылка пропагандиста является невозможной, и сам отказался от объезда организаций. При отдельных встречах со своими единомышленниками Шагов, видимо, старался только вызвать и поддержать их симпатии к «шестерке» в ее фракционной борьбе с «семеркой», передал для сведения, что заграничная конференция решила подготовлять всеобщую забастовку в России, и заявил, что по его мнению провинция еще не готова к ней и партии только пока нужно озаботиться о восстановлении и создании организации...

Начальник Костромского губернского жандармского управления
полковник Семигановский.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 7 апреля 1914 г. № 245 [2]).

На пасхальные каникулы член Государственной думы Николай Романов Шагов прибыл из г. Петербурга в село Родники 30 марта сего года... Шагов сейчас же по приезде в с. Родники постарался объехать некоторые фабричные районы Костромской губернии и успел побывать в селе Тезине (Вичугский район), в г. Кинешме, и, по поручению социал-демократической фракции Государственной думы, в Иваново-

[1]) Кавычки подлинника.
[2]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, л. 2.

Вознесенске, Владимирской губернии. Кроме того, виделся с представителями социал-демократических групп с. Середы и с. Родников, но сам в с. Середу не ездил. Имел намерение приехать и в г. Кострому, но, не получив соответствующих адресов, в этот город приехать не успел. Приезд в г. Кинешму не дал никакого результата, так как Шагов был еще на вокзале встречен жандармским унтер-офицером, следовавшим за ним неотступно, и потому он, прибыв в г. Кинешму утром, в тот же день вечером выехал обратно, не видавшись ни с кем. Так же неудачна была его поездка в г. Иваново-Вознесенск, так как письмо, предупреждавшее о его приезде туда, было там получено после его приезда.

В этот свой приезд Шагов, сообщая о положении дел в социал-демократической партии и о работе социал-демократической фракции Государственной думы, говорил, между прочим, о том, что социал-демократическая партия решила вызвать предстоящим летом всеобщую забастовку, если не политическую, то экономическую, и для подготовки масс к этой забастовке обращает особое внимание на текстильных рабочих, которые, в общем и в частности, и в Костромской губернии гораздо инертнее других. Для поднятия настроения среди текстильщиков предполагается в газете «Путь правды» [1]) давать наибольшее число корреспонденций от этих рабочих, и поэтому предлагал писать возможно чаще и больше. Также указал, что предполагается в августе месяце созвать в Вене съезд представителей социал-демократической организации, но с подготовкой для выбора делегатов от Костромской губернии советовал подождать до лета. На заявление некоторых из местных социал-демократов о необходимости устройства связи между местными социал-демократическими группами также советовал отложить это до лета... О своем пребывании в Костромской губернии на пасхальных каникулах Шагов дал прилагаемый при сем отчет в № 66 газеты «Путь правды» [2])...

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 16 мая 1914 г. № 273 [3]).

10-го сего мая, в 11 часов утра, во время происходившей смены, мастеровые и рабочие механического отделения при фабрике Большой Кинешемской мануфактуры на «Томне» в количестве около ста человек подошли к конторе фабрики и просили, чтобы к ним вышел механик, инженер Николай Иванович Овчинников. Последний отсутствовал, и тогда рабочие просили о выходе его помощника Исакова, которому рабочий Михаил Иванов Волков подал написанное от руки и никем не подписанное «требование» рабочих, в копии при сем представляемое.

Ввиду отсутствия механика и директора фабрики, бывшего в это время в г. Москве, ответа рабочим дано не было, и они пока держатся спокойно и работ не прекращали.

---

[1]) Одно из названий «Правды», легальной большевистской газеты, издававшейся в Петербурге с 22 апреля 1912 г. по 8 июля 1914 г.; под названием «Путь правды» вышло 92 номера (с 4 февраля по 3 июня 1914 г.).

[2]) См. «Впечатления депутата Шагова» в газете «Путь правды» № 66 от 20 апреля 1914 г.

[3]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 9.

По слухам, в случае отказа фабричной администрации в исполнении этих требований, механическое отделение объявит забастовку, причем к ним присоединятся и рабочие аппретурного отделения.

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Требование механического отделения мастеровых и рабочих при фабрике Большой Кинешемской мануфактуры на Томне [1]).

1) Прибавить заработной платы от 10 до 15 коп. в день.

2) Вежливое обращение как со стороны механика, [так и] помощников, техников и табельщиков.

3) За опоздание 10—15 минут на работу 2 раза в неделю не делать вычетов и не писать штрафов.

4) Пополнить все штаты, не заставлять работать одного за двоих.

5) Сделать полный доступ к г. механику для личных объяснений во всякое время.

6) За сверхурочную работу не зачислять рабочий день, а платить особую плату.

7) Не воспрещать пить чай во время работы как сменным, так и денным.

8) Для кочегаров, паровщиков и смазчиков поставить столы и скамьи и при исправной работе пить чай свободно.

9) Не вводить в обязанность мыть полы паровщикам и смазчикам в паровых машинах и дизеле и не посылать в праздничные дни на разные работы.

10) За все поданные нами требования никого не увольнять и не делать никаких репрессий.

Предъявляем требование 10 мая 1914 года. Просим вас ответить на это требование обязательно 13 мая, т. е. во вторник.

Объявление администрации фабрики Большой Кинешемской мануфактуры [2]).

На требование рабочих механического отделения:

п. 1) Прибавка жалованья огульно произведена быть не может, но таковая будет сделана постепенно, как и обыкновенно, смотря по способностям и стараниям каждого.

п. 2) Это само собой разумеется и всегда обязательно для обеих сторон; факты невежливого обращения должны быть доводимы до механика, который и разбирает дело.

п. 3) Вводить в систему нельзя, но в каждом отдельном случае это разбирается и сейчас, будет и в будущем разбираться.

п. 4) Штаты устанавливаются в зависимости от дела по усмотрению механика.

п. 5) Для этого назначено приемное время; при иных условиях механик не сможет заниматься делом; в экстренных случаях механик принимает всегда.

п. 6) Будет поступлено по закону, согласно правил внутреннего распорядка.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 10. Заголовок подлинника.

[2]) Там же, л. 13.

п. 7) Денные имеют право пить чай согласно правил внутреннего распорядка, а сменные принимают пищу во время работы.

п. 8) Денным, как указано в п. 7, а сменные кочегары принимают пищу и чай сидя.

п. 9) Содержание в чистоте машинного зала лежит на обязанности паровщиков, но мытье полов может быть поручено другим лицам.

п. 10) За подачу требований никто уволен не будет.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 17 мая 1914 г. № 279 [1]).

В дополнение к представлению моему от 16 сего мая за № 273 [2]) докладываю департаменту полиции, что, после объявления администрацией фабрики на требование рабочих механического отделения, в 11 часов утра 14 сего мая были поданы новые требования от ткачей и подмастерьев, на это администрацией было вывешено новое объявление, после чего 150 человек механического отделения, 500 аппретурного и 2 000 человек ткачей работы прекратили [3]).

Ввиду прекращения работ администрацией было вывешено новое объявление об остановке фабрики на неопределенное время и что расчет рабочих будет производиться с 16 сего мая.

Копии требований рабочих и объявлений фабричной администрации при сем представляю.

Настроение рабочих спокойное, и пока никаких осложнений не предвидится. По заявлению администрации, уступок никаких сделано не будет, хотя бы фабрика из-за этого не работала и очень большой срок.

Полковник Семигановский.

Объявление администрации фабрики Большой Кинешемской мануфактуры 14 мая 1914 г.[4]).

Вследствие самовольного оставления работ рабочими механической, ткацкой и аппретурно-отделочной фабрики все отделы фабрики останавливаются на неопределенное время; рабочие приглашаются получить расчет, начиная с 12 часов дня 16 сего месяца по мере подсчета книжек и сдачи сдельной выработки.

За все время остановки работ на фабриках платы произведено не будет.

Мая 14 дня 1914 года.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 31 мая 1914 г. № 301 [5]).

Полная забастовка на фабрике «Томна» продолжается до сих пор, причем администрация фабрики объявила расчет всем рабочим, но ра-

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 11.

[2]) См. стр. 58.

[3]) Ткачи и подмастерья предъявили администрации требования из 31 пункта, из них основные — повышение зарплаты, улучшение санитарной и медицинской части в фабричных корпусах, вежливое обращение с рабочими, увольнение помощника Новожилова и т. д. Администрация отказалась удовлетворить требования.

[4]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 13.

[5]) Там же, л. 22.

бочие отказываются получать его, ввиду чего все заработанные деньги и паспорта их администрация фабрики отослала по соответствующим волостным правлениям и исправнику в г. Кинешме для раздачи по принадлежности.

Ввиду изложенного, а также ввиду того, что вопрос о ликвидации этой забастовки осложняется тем, что около 1 000 человек рабочих живут в фабричном доме и может явиться необходимость выселить их оттуда, чего до сих пор избегают, я, согласно желания г. костромского губернатора, выехал 29 мая сего года в г. Кинешму для выяснения на месте возможных способов к прекращению этой забастовки, а 30 мая в Кинешму прибыл и сам г. губернатор. После переговоров с рабочими и администрацией г. губернатор решил пока ограничиться соответствующими разъяснениями и предложением рабочим начать работы, на что определенного ответа они 30 мая не дали.

О последующем донесу дополнительно.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 июня 1914 г. № 362 [1]).

Бастующие рабочие фабрики «Томна», близ г. Кинешмы, отправили 9 июня на имя члена Государственной думы Шагова следующую телеграмму:

«Просим содействия мирно бастующим. Ставят всевозможные препятствия, требуют письменные заявления, выбора председателя, запрещены сборы между собой на нужды, администрация и инспекция на переговоры не идут, моются [2]) под открытым небом, объявлено десятого освободить казармы, рассчета не брали; прядильщиков словесно пригласили работать, девятого были свистки, прядильщиков приневоливали дать другие работы, отказались, администрация угрожает рассчетом; приказали приказчикам ставить на работу родственников, принимают все способы сорвать забастовку; просим ответить, законно ли».

10 июня теми же рабочими Шагову была послана еще следующая телеграмма:

«Ввиду затянувшейся, обостряющейся забастовки просим немедленного выезда. Рабочие из Томны».

На это 12 июня на имя рабочих фабрики «Томна» Шагов прислал следующую телеграмму:

«Шлю привет всем рабочим и желаю успеха в начатой борьбе. По поводу действий полиции был у директора полиции, довел до сведения министра Тимашева о всех незакономерных [действиях]. Приеду числа 15-го или 16-го, ранее нельзя.

Шлю привет. Шагов».

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30 ч. 2, т. I, л. 87.
[2]) Так в подлиннике.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 14 июня 1914 г. № 237 [1]).

10 сего июня в с. Тезине, Кинешемского уезда, на фабрике товарищества мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Кокорева и Н. Г. Разоренова и в с. Старой Вичуге на фабрике бр. Разореновых рабочие этих фабрик в с. Тезине, в количестве 6 000 человек, и в с. Старой Вичуге, в количестве 3 500 человек, прекратили работу, предъявив к администрации фабрик, изложенные в прилагаемых при сем копиях, экономические требования [2]).

Настроение рабочих повышенное.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 июня 1914 г. № 363 [3]).

По общему подсчету, в настоящее время в Кинешемском, Юрьевецком и Нерехтском уездах Костромской губернии бастует 14 фабрик с общим количеством рабочих в 30 000 человек.

Об изложенном докладываю департаменту полиции в дополнение донесений моих по этому вопросу.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора министру внутренних дел от 14 июня 1914 г. № 244 [4]).

Мною сообщено в департамент полиции о целом ряде забастовок на фабриках Кинешемского и отчасти Юрьевецкого уездов, а также и о случаях предъявления рабочими некоторых фабрик тех или иных требований без объявления пока забастовки. После специальной поездки в г. Кинешму, а затем и проездом по пути на церковные торжества в г. Варнавин и обратно, я окончательно убедился, что настоящая забастовка, охватившая 12 фабрик с 19 000 рабочих, является чрезвычайно серьезной не только по своим размерам, но и по существу действующих факторов: будучи по внешности экономическим, движение это, в действительности, по мнению моему, вполне революционного свойства.

В данном случае весьма характерным представляется район развития забастовочного движения: забастовка охватила фабрики в сфере влияния фабриканта члена Государственной думы Коновалова, о предполагаемой революционной деятельности которого предупреждал меня

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 63.

[2]) Рабочие фабрик братьев Разореновых, помимо общих требований, характерных для всех бастующих текстилей Костромской губернии: повышение заработной платы, улучшение санитарно-гигиенических условий, увольнение нежелательной администрации, вежливое обращение с рабочими, — предъявили требование о введении десятичасового рабочего дня.

[3]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 87-б.

[4]) Там же, л. 108.

департамент полиции циркуляром от 13 мая сего года за № 171495 [1]) и члена Государственной думы от рабочих Шагова, принадлежащего к революционной «шестерке» большевиков.

Доколе забастовка протекала в мирной обстановке, я не предпринимал репрессивных мер, но в настоящее время уже обозначились столь угрожающие симптомы, что я вынужден был распорядиться о сосредоточении в районе забастовки значительной части стражи губернии. Меры этой однако далеко недостаточно, так как фабрики отстоят друг от друга на расстоянии 5—25 верст и населены от 2 до 8 тысяч рабочих. При этих условиях разбитые на мелкие отряды стражники легко могут быть смяты рабочими или принуждены прибегнуть к огнестрельному оружию. Поэтому для поддержания порядка я вызвал из лагеря 4 роты пехоты, в надежде, что появление войска приведет рабочих к благоразумию.

Помимо одной этой материальной силы, считаю крайне нужным просить ваше высокопревосходительство об исходатайствовании высочайшего указа об объявлении усиленной охраны в четырех уездах: Кинешемском, Юрьевецком, Нерехтском и Костромском, с городом Костромой, так как забастовочная волна, несомненно, докатится и до двух последних уездов.

Я полагаю, что начавшееся во вверенной мне губернии забастовочное движение, повторяю, несомненно политического происхождения, легко передастся и в соседние фабричные губернии — Ярославскую и Владимирскую, и поэтому движение должно быть задушено в самом его зародыше, всею полнотою власти.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности вашего высокопревосходительства покорнейшего слуги

П. Стремоухов.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 17 июня 1914 г. № 252 [2]).

13 сего июня в с. Родниках, Юрьевецкого уезда, на фабрике товарищества мануфактур А. Красильщиковой с с-ми рабочие этой фабрики в количестве 9 000 человек прекратили работы, предъявив к администрации фабрики экономические требования.

В Родниковский фабричный район прибыл член Государственной думы от рабочих Шагов.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 17 июня 1914 г. № 368 [3]).

В с. Вичугу 14 сего июня прибыла рота и остановилась на фабрике И. А. Кокорева. Пользуясь явившимся подкреплением, 14 же июня ис-

---

[1]) «Революционная» деятельность фабриканта Коновалова, о которой департамент полиции предупреждал костромского губернатора циркуляром от 13 мая 1914 г., шла не дальше мелких частичных уступок рабочим своей фабрики.

[2]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2. т. I, л. 87.

[3]) Там же, л. 96.

правником был арестован руководивший толпой при насильственном входе 12 июня на фабрику известный департаменту полиции из доклада моего от 11 февраля 1914 года за № 119 [1]) Иван Иванов Орлов и в сопровождении стражников и полицейского пристава был отправлен на лошадях в г. Кинешму. Когда рабочие узнали об аресте Орлова, то заволновались и, собравшись толпой тысяч около трех, двинулись к квартире пристава для освобождения арестованного. Дойдя до квартиры, рабочие ворвались через окна и двери в квартиру и обыскали ее, а также и камеры для арестованных. На место скопища прибыл с полуротой солдат исправник, который и по дороге и на месте убеждал толпу разойтись, но безуспешно. К этому времени, проводив арестованного Орлова верст за шесть от с. Тезина, вернулся пристав со стражниками и начал разгонять толпу нагайками. В атаку ходили четыре раза, после чего толпа была разогнана. О происшедшем составлен протокол, который и направляется судебному следователю для производства следствия. Орлова доставили в Кинешму в три часа ночи, и он находится в Кинешемской тюрьме.

К сему присовокупляю, что г. губернатором возбуждено перед г. министром внутренних дел ходатайство об объявлении в фабричных уездах губернии — Костромском, Юрьевецком, Кинешемском и Нерехтском — усиленной охраны и вызваны войска в количестве 4-х рот и 1-го эскадрона, которые в настоящее время и прибывают на указанные места в этих уездах.

Предполагаемые аресты — в порядке положения о государственной охране — одиннадцать человек и в административном порядке — тринадцать человек — будут произведены в зависимости от движения этапного тюремного вагона, в который и предполагается посадить на ст. Вичуга всех арестованных.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 июня 1914 г. № 2[illegible]0 [2]).

12 июня, около 4 часов дня, я был вызван к управляющему Костромской губернией, который предъявил мне нижеследующую телеграмму, присланную на его имя владельцами бумаготкацкой фабрики Кокоревых в с. Тезине, Кинешемского уезда: «Сегодня толпа забастовавших 9 июня в количестве шести тысяч рабочих в селе Тезине ворвалась, несмотря на запрещение полиции, в фабричный двор и фабричные корпуса и снимала служащих и оставшихся на работе одиночных рабочих и сторожей. Покорнейше просим ваше превосходительство о защите военной силой имущества и принятии мер к охране безопасности жителей. Товарищество Разоренова и Кокорева». Предложив телеграммой помощнику моему в г. Кинешме прибыть в с. Тезино, я сам, с первым отходящим поездом, отправился в это село, вместе с составом своих унтер-офицеров, с целью произвести аресты известных мне вожаков рабочих на фабриках Вичугского района, в который входит и село Тезино. По прибытии 13 июня на место, из переговоров с исправником, местным приставом и хозяевами фабрики Кокорева выяснилось,

[1]) Доклад начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции за № 119 в архиве не найден.

[2]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 81.

что рабочие этой фабрики, в количестве 6 000 человек, забастовавшие 9 июня, предъявили около 150 пунктов своих требований и, не выждав ответа администрации фабрики, 12 июня явились толпой к запертым воротам фабрики, силой вошли на фабрику и силой же сняли не только некоторых из рабочих в машинном и других отделениях фабрики, но и совершенно частных, не фабричных, рабочих, работавших по окраске дома, причем имели намерение прекратить доступ на фабрику и в дом фабрикантов воды и электричества и снять всю их домашнюю прислугу. Из слов местного пристава выяснилось, что бывшие в его распоряжении на фабрике 15 человек конных полицейских стражников не могли оказать толпе сопротивления, во-первых, вследствие полной неожиданности такого выступления рабочих, а во-вторых, и потому, что на самой фабрике живет постоянно в казармах около 1 500 человек. Затем мне было сообщено, что на собраниях, которые рабочие имели с 9 июня и на которых всегда присутствовал кто-либо из чинов полиции, вожаки, между прочим, спрашивали толпу, как они поступят, если кого-нибудь из вожаков арестуют, причем свои вопросы так формулировали, что толпа отвечала, что не даст задержать, а если возьмут ночью, то пойдет к приставу и заставит его сказать, где арестованные, и затем освободит их.

На мое заявление о необходимости арестования намеченных лиц со стороны полиции были представлены доводы, что, хотя арестовать и можно будет, но затем, ввиду незначительности полицейских сил на месте, которое учитывалось забастовавшими, нельзя рассчитывать, что не произойдет новой вспышки масс, на которую трудно будет ответить, а хозяева фабрики просили, ввиду таких заявлений полиции, не ставить их производством арестов в еще более опасное положение. Принимая во внимание изложенное, я аресты упомянутых лиц отложил до сосредоточения в Вичугском районе соответствующих сил, о чем сделано сношение г. губернатором.

По словам хозяев фабрики Кокорева, если выполнить все 150 пунктов требований, предъявленных забастовщиками, то нужно установить на фабрике 6-часовой рабочий день, увеличить заработок рабочих на 30 проц. и произвести построек для рабочих на 1½ миллиона рублей.

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 25 июня 1914 г. № 391 [1]).

Имелись сведения, что среди рабочих фабрик Вичугского района — фабрики Кокорева и Разоренова в с.с. Вичуге и Тезине, Морокина в с. Новой Гольчихе и Коновалова — в с. Бонячках — имеются группы организованных рабочих социал-демократов, причем для объединения этих групп, была выбрана центральная группа, в которую входили по два представителя от каждой группы. Центральная группа должна была собираться еженедельно для обсуждения текущих дел — улучшение устройства организации, заведение связей с другими районами, денежные сборы, приобретение литературы и т. д. Кроме собраний центральной группы, должны были собираться и отдельные группы для

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 35, л. 8.

приведения в исполнение постановлений центральной, для вербовки новых членов, распределения литературы, получаемой из центральной группы и т. д.

Ввиду того, что самые группы были незначительны, деятельность их и центральной группы очень вялая, ограничивавшаяся почти только выпиской, распределением и чтением рабочих газет, я ограничивался только наблюдением за этими группами. Когда в конце апреля в с. Тезино прибыли высланные из Петербурга Алексеенкова и Степанова и с их присутствием состоялось в ночь с 1 на 2 мая собрание, устроенное Осьмининым, на котором приехавшие сделали доклады о положении рабочего дела в Петербурге, и когда затем были получены сведения, что Алексеенкова и Степанова прибыли в с. Тезино по указанию Шагова, решили заняться исключительно пропагандой среди рабочих и являются умелыми агитаторами, я для пресечения их деятельности арестовал их и Осьминина, причем отобранный у них по обыскам материал дал возможность начать о них формальное, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., дознание (донесение мое от 26 мая сего года № 290).

9 июня фабрика Вичугского района забастовала, и 12 июня толпа рабочих произвела насильственные действия на фабрике Кокорева (донесения мои от 15 и 17 июня сего года за №№ 360 и 368). Желая парализовать возможное вредное влияние на забастовавших рабочих со стороны известных их вожаков, я решил произвести аресты лиц, входивших в состав вышеупомянутой «центральной группы» и других, причем намечены были к задержанию следующие 8 человек:

1) Скапидаров, Николай Иванов, крестьянин д. Букова, Золотиловской волости, Нерехтского уезда.

2) Белов, Михаил Дмитриев, крестьянин Юрьевецкого уезда, Филисовской волости, деревни Пастухи.

3) Чернышев, Петр Иванов, крестьянин Нерехтского уезда, Острецовской волости, деревни Матвеенки.

4) Смирнов, Михаил Иванов, крестьянин Нерехтского уезда, Золотиловской волости, деревни Самарино-Починка.

5) Мастаков, Александр Афанасьев, крестьянин Нерехтского уезда, Золотиловской волости, деревни Василькова.

6) Кудряшов, Константин, крестьянин Нерехтского уезда, Острецовской волости, деревни Афанасьева.

7) Клюшкин, Иван Васильев, крестьянин Кинешемского уезда, Тезинской волости, деревни Санникова и

8) Шаров, Иван Григорьев, крестьянин Нерехтского уезда, Острецовской волости, деревни Быкова.

Для производства обысков и арестов я лично выехал в с. Тезино и вызвал туда же помощника моего ротмистра Рыбальченко, причем ликвидация была произведена в ночь с 19-е июня, но не дала положительных результатов, так как в эту же ночь, совершенно неожиданно, явился в этот район Шагов и тайно устроил в лесу, близ Новой Гольчихи, собрание, на котором в числе других были, повидимому, и намеченные к задержанию, так как никого из них дома не оказалось, за исключением Клюшкина и Белова, которые были арестованы.

По рассмотрении всего, что было отобрано по обыскам у всех вышеуказанных лиц, оказалось, что ничего явно преступного ни у кого не было взято, а были отобраны только рабочие газеты в единичных экземплярах.

Ввиду таких результатов, задержанные Клюшкин и Белов были освобождены, и переписки, в порядке положения о государственной охране, по этой ликвидации не было начато.

Об изложенном доношу департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 21 июня 1914 г. № 378 [1]).

16 сего июня с 12 часов дня рабочие фабрики А. Красильщиковой стали собираться на собрание около с. Родников за озером без разрешения полиции; к рабочим подошел приехавший в этот день член Государственной думы Шагов, и тогда их собралось тысяч до восьми. Ввиду отсутствия разрешения на устройство собрания, полицейский надзиратель заявил рабочим, что собрания допустить не может и просил разойтись. После этого Шагов сейчас же отправился в Родники на почту и по телефону просил разрешения собрания у губернатора, который и разрешил таковое на 17-е число, но при условии присутствия на собрании не более 200 человек и устройства его в закрытом помещении, а надзирателю приказал собраний под открытым небом не допускать. Вернувшись к рабочим, Шагов предложил им выбрать уполномоченных от каждого цеха, и рабочие хотели произвести выборы здесь же, но полицейский надзиратель этого не разрешил и предложил разойтись. Рабочие не слушались, и тогда Шагов стал также уговаривать их подчиниться требованиям полиции и не осложнять дела, но рабочие не послушались и его, и тогда надзиратель приказал стражникам просить рабочих разойтись. Стражники, в количестве 16 человек, подъезжали шагом к рабочим и просили их расходиться, но толпа почти не обращала на них никакого внимания и расходилась очень медленно, почему полицейский надзиратель обратился за содействием к ротному командиру, и рота раз пять, развернутым фронтом, с винтовками «на руку», ходила по направлению к отдельным группам рабочих, которые переходили на другое место.

Часам к трем рабочие разошлись. Шагов тоже подходил к группам рабочих и просил разойтись, говоря: «Если нам подставили уже штыки, то мы с этим бороться бессильны».

Настроение рабочих повышенное и к полиции настроены враждебно, говоря, что им полиция не дает даже собраться для обсуждения своих нужд.

17-го числа, согласно разрешения г. губернатора, в народном доме, в присутствии юрьевецкого исправника, было устроено собрание рабочих, на которое явился и Шагов и сказал рабочим: «Просьбу вашу я исполнил и заручился разрешением, а поэтому вы можете свободно обсудить свои нужды по экономическим вопросам, только вам надо выбрать председателя собрания». Председателем единогласно был избран Шагов, который и объявил собрание открытым. После этого он сказал, что «он был в главной квартире и говорил о повышении расценки, но правление на уступки не идет и высказало, что забастовку устроила какая-то кучка людей, но я, товарищи, вижу, что это неправда. Предо мной сейчас находится 200 уполномоченных от всех цехов,

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 29.

и видно, что тут дело не кучки, как выражается правление, а всех рабочих, что́ показывает нам, что стачечное движение охватило многие районы — бастуют в Баку на Кавказе, в Кинешме, в Вичуге и Иваново-Вознесенске, и все борются за свое материальное положение, но борьба становится затруднительной, — что нам видно было 16-го числа, в каком мы находились положении — нам не только не разрешили собрания, но полицейский надзиратель даже не позволил разбиться по цехам и выбрать уполномоченных на разрешенное собрание. Так вот, товарищи, вам теперь предстоит обсудить вопрос: становиться на работу на старых условиях или нет и продолжать борьбу с капиталом; это зависит от вас. Каждый из вас имеет право работать или нет, а я являюсь посредником, и моя обязанность [следить] за действиями полиции, фабричной инспекции и администрации фабрики, и о всем этом я должен дать отчет Государственной думе, а теперь предлагаю приступить к обсуждению вопросов».

Ораторами на собрании выступали: 1) Александр Коморин, 2) Николай Золин, 3) Сизов, 4) Краснов, 5) Гусев, 6) Касаткин, 7) Лебедев, 8) Евдокия Сорокина, 9) Удалов, 10) Варвара Смирнова, 11) Васильчиков, 12) Шашков, 13) Ежов, 14) Рябиков, 15) Журавлев, 16) Пителин и 17) Гулятин. Почти все ораторы говорили, чтобы объединиться как можно сильнее и продолжать борьбу с капиталом до удовлетворения всех требований. На собрании было постановлено до удовлетворения требований на работу не становиться.

17-го сего июня с ночным поездом Шагов приехал в город Кинешму и пешком прошел в Козловку близ «Томны» к своему зятю Александру Пухову.

18-го числа, около 12 часов дня, рабочие фабрики «Томна» в количестве около 500 человек собрались в ожидании Шагова, и последний пришел, но, ввиду неимения разрешения на собрание, помощником исправника допущен не был. Шагов тогда решил просить губернатора по телефону и вместе с помощником исправника поехал в Кинешму, но разрешения не получил. Около 2½ часов дня Шагов снова явился на фабрику «Томна», но вновь был остановлен помощником исправника, после чего ушел с фабрики и в 7 часов вечера выехал из Кинешмы поездом в Вичугу.

В Вичуге в этот день было разрешено собрание забастовавшим рабочим, на котором присутствовал и местный пристав. На это собрание, продолжавшееся до 11 часов ночи, Шагов не явился, но затем состоялось собрание в лесу, от 1 часу ночи, уже без присутствия полиции, на котором он был. Здесь Шагов, между прочим, говорил, что забастовку нужно продолжать и держаться всем твердо; если же фабриканты согласятся уступить по каким-нибудь отдельным требованиям, эти уступки принять, стать на работу, но затем через несколько дней снова забастовать и так делать, пока не будут выполнены все требования.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 25 июня 1914 г. № 392 [1]).

В дополнение к донесению моему от 21 июня сего года, за № 378, доношу, что на фабрике Красильщиковых в селе Родниках рабочие

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 148.

предъявили требования по разным отделам фабрики в количестве «395» пунктов, в большинстве сходных с требованиями забастовавших рабочих других фабрик.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 24 июня 1914 г. № 388 [1]).

Около 11 часов утра 21 июня сего года член Государственной думы Николай Шагов из села Родников выбыл в деревню Юдинку, Горкинской волости, Нерехтского уезда, близ фабрики Орлова, с целью устроить собрание рабочих упомянутой фабрики. Там его уже поджидали несколько человек, а когда он приехал в деревню, то его окружила толпа около 120 человек. Не успел он с ними заговорить, как явился местный исправник с нарядом полиции и предложил сейчас же всем разойтись. Толпа разошлась, и Шагов пошел в деревню Подсосенье в ½ вер. от Юдинки. С ним пошли человек 50 рабочих, стражники же поехали за ними вслед. Шагов, видя это, из деревни Подсосенье вернулся обратно, и с ним пошла Александра Федорова Хохлова, с которой он дошел до деревни Старое Горкино, где зашел в чайную. Напившись чаю, Шагов пошел в этой же деревне к Хохловой, просидел у нее около 2 часов и отправился на ст. Горкино, где также был наряд полицейской стражи. Придя пешком на станцию, он заявил станционному жандармскому унтер-офицеру, что его почти весь день преследуют конные урядники и стражники, и пригласил унтер-офицера на подъезд станции, где в его присутствии обратился к находившимся тут двум урядникам и двум стражникам: «Господа, не преследуйте меня, оставьте в покое, я в вас теперь не нуждаюсь, вы и так меня сопровождаете все время по пятам, от деревни до деревни и, наконец, на станцию железной дороги; здесь меня лично знает господин жандармский унтер-офицер, и вы мне более не нужны, а потому еще раз прошу оставить меня в покое и удалиться, иначе я буду себя считать арестованным. Вы не забывайте, что я член Государственной думы и лицо неприкосновенное. Вы нарушаете основные законы и правила, и я покажу вам, как их нужно выполнять, — я не таков, чтобы нарушать законы, как вы их нарушаете. Довольно того, что по требованию фабриканта Орлова вы пороли нагайками беззащитных рабочих, загоняя их на фабрику работать, у меня есть на это доказательства, и я постараюсь это разобрать. Достаточно того, что за мной следят агенты тайной полиции, а вас прошу еще раз оставить меня. Я защищаю интересы моих избирателей и буду защищать их до тех пор, пока не отберут от меня вот эту карточку» (показал из книжки карточку).

После этого Шагов пошел в телеграф и подал две телеграммы следующего содержания:

1) «Редакция «Правды». Петербург, Ивановская, 11. Вновь начались стачки, фабрика Скорынина—Орлова, 2 000 рабочих. Приехал к рабочим деревни [2]). За мной деревня от деревни ездят конные. Послал жалобу министру. Шагов».

2) «Петербург. Министру г. Маклакову. Ваше превосходительство, имею честь просить вас снять охрану. У нас в Костромской губернии

[1]) ДП, о. о., 1914 г., № 307, продолжение 2, л. 296.
[2]) Так в подлиннике.

экономические стачки, рабочие просят принять посредничество, но к рабочим не допускают; кроме этого, за мной ездит 4 конных урядника. Я просил губернатора, но он мер никаких не принял. Имею честь просить вас снять охрану и оградить меня на законном основании, на основании 14 статьи основных законов. Прошу ответ телеграфом. Примите уверение, член Государственной думы Шагов».

Выйдя с телеграфа, Шагов заявил, что будет сидеть на станции до тех пор, пока не удалятся урядники и стражники и не получит распоряжения от министра Маклакова.

Стражники оставили станцию в 8 часов 15 минут вечера, после чего Шагов просил жандармского унтер-офицера быть свидетелем и записать, сколько времени он был под охраной на станции, а сам на парном извозчике отправился в село Родники к себе на квартиру.

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Телеграмма начальника Костромского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 23 июня 1914 г. № 2872 [1]).

Сегодня вернулся из объезда с губернатором забастовочного района. Забастовка фабрик Кинешемского, Юрьевецкого, Нерехтского уездов принимает затяжной характер вследствие удобного рабочего летнего времени и деятельности Шагова, трудно пресекаемой несмотря на все принимаемые меры. Большинство требований рабочих неисполнимо. Шагов советует продолжать забастовку, а если удовлетворят часть требований, то стать на работу, потом опять забастовать, пока не удовлетворят все. Настроение тревожное.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора министру внутренних дел от 25 июня 1914 г. № 289 [2]).

Имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что вызванные мною для содействия гражданским властям в фабричные районы, охваченные забастовкой, воинские части задерживаются ввиду непрекращающейся забастовки и возможных эксцессов со стороны бастующих рабочих против личности и имущества фабрикантов. При этом докладываю, что при личном свидании вр. и. д. начальника дивизии и начальник района генерал-майор Парский сообщил мне, что со стороны военного начальства не встречается препятствий к задержке воинских частей в помянутых районах.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 137.
[2]) Там же, л. 168.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 7 июля 1914 г. № 434 [1]).

В дополнение донесений моих от 31 мая сего года за № 302, и 5 июня, за № 321 [2]), докладываю департаменту полиции, что рабочие фабрик: Морокина и Тихомирова, Петра Петровича Морокина и Александра Федорозича Морокина в селе Новой Гольчихе, по получении обещания прибавки квартирного рубля и 5% на каждый заработанный рубль, с 4 сего июля приступили к работам.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 9 июля 1914 г. № 318 [3]).

Имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что из вызванных мною для содействия гражданским властям в фабричные, охваченные забастовкой, районы воинских частей одна, по миновании надобности, уже возвращена. Остальные три роты еще необходимы ввиду непрекращающейся забастовки и возможных эксцессов со стороны бастующих рабочих против личности и имущества фабрикантов.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 9 июля 1914 г. № 322 [4]).

В дополнение к отношению от 20 минувшего июня, за № 265 [5]), имею честь уведомить департамент полиции, что рабочие фабрики Скорынина в с. Горки-Павловы, Нерехтского уезда, 5 сего июля вступили на работы ввиду сделанных владельцем фабрики следующих прибавок к заработной плате: а) ткачам прибавлено 5%, причем сорта по расценке будут уравнены; б) сновальщикам прибавлено ¼ коп. на пуд, и всем без исключения рабочим будут уплачиваться квартирные деньги в размере одного рубля в месяц.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 10 июля 1914 г. № 442 [6]).

В дополнение донесения моего от 30 июня сего года № 411 [7]) докладываю департаменту полиции, что на фабрике Павлова после прибав-

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 10.

[2]) Начальник Костромского губернского жандармского управления в донесениях от 31 мая и 5 июня, за № 302 и 321, сообщал департаменту полиции о забастовке рабочих фабрик Морокина, предъявивших ряд экономических требований.

[3]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 11.

[4]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 12.

[5]) Донесение о забастовке рабочих фабрики Скорынина.

[6]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 17.

[7]) Донесение о забастовке рабочих фабрики Павлова.

ки хозяином 5½% на заработанный рубль, 50 коп. квартирных и двух рублей наградных на пасху рабочие с 3 сего июля приступили к работе.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 31 июля 1914 г. [1]).

В дополнение к донесениям моим от 16, 17 и 31 мая сего года, за №№ 273, 279 и 301 [2]), докладываю департаменту полиции, что рабочие фабрики Большой Кинешемской мануфактуры на «Томне» после прибавки хозяином 50 коп. квартирных к получаемому рублю с 28 сего июля, в час дня, приступили к работе.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 1 августа 1914 г. № 404 [3]).

В дополнение к отношению от 31 минувшего июля, за № 380 [4]), имею честь уведомить департамент полиции, что рабочие фабрики бр. Додоновых в дер. Олюкове, Нерехтского уезда, возобновили работы 3 сего августа, удовлетворившись прибавкою 5% расценки на кусок миткаля и полотна.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 45.
[2]) См. стр. 58 и 60.
[3]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 51.
[4]) Донесение о забастовке рабочих фабрики братьев Додоновых.

Солдатские настроения накануне мировой войны

«Миновали безвозвратно те времена, — писал В. И. Ленин в 1905 году, — когда русская армия — как это было в 1849 году — шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось свое движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком. И эта казарма становится очагом революции» [1]).

Публикуемые ниже солдатские письма редактору черносотенного «Русского чтения» ген. Дубенскому чрезвычайно ярко подтверждают правильность гениального прогноза Ленина, его характеристики царской казармы как «очага революции».

Поводом к «переписке» солдат с ген. Дубенским, с одной стороны, и генералом Дубенским с помощником начальника генерального штаба и редактором «Русского инвалида» ген. Беляевым и военным министром ген. Сухомлиновым, с другой, послужила официальная заметка, напечатанная в № 268 «Русского инвалида» от 15 декабря 1913 г. под заголовком «О приостановлении увольнения в запас нижних чинов старших сроков службы». В этой заметке указывалось на то, что практиковавшийся раньше порядок увольнения в запас нижних чинов 1 ноября ослабляет боевую мощь армии на одну треть до окончания срока обучения новобранцев в апреле месяце.

Чтобы не ослаблять обороноспособности страны, царь утвердил 4 декабря 1913 г. предложение военного министра о задержании окончивших срок службы солдат в казармах до 1 апреля 1914 г. В заметке говорилось, кроме того, что это решение возникло «в связи с весьма напряженным ростом численности армий западно-европейских государств, проявленным именно в этом году».

«Русское чтение» ген. Дубенского довело «монаршую милость» до казармы, перепечатав полностью заметку из «Русского инвалида» и снабдив его своими комментариями. Подделываясь под «дух» солдата и читая в сердцах его «верноподданнические чувства», газета дала следующее «солдатское» толкование милости «возлюбленного монарха»:

«Это очень важное и очень своевременное распоряжение военного министра, опубликованное в «Русском инвалиде», несомненно, будет оценено всеми в России: как обществом, простым народом, так и армией, которая сама по опыту знает, что мера эта является неизбежной для нашей боеспособности. Всякий солдат, уходя в запас из роты, эскадрона и батареи в ноябре, отлично понимал, что эта часть, где он служил, остается до 1 апреля, т. е. до того дня, когда новобранцы будут поставлены в строй, в очень

[1]) Ленин, Соч., изд. 2-е, т. VIII, стр. 395.

слабом состоянии. И, не дай господь, что случится, армии труднее будет привести себя в полную боевую готовность.

Да и сами солдаты поголовно говорят: «Если будет мобилизация, то лучше итти на войну со своей частью, нежели попадать в какую-либо другую команду». Это соображение совершенно верно, и, хотя теперь нет решительно никаких оснований, что будут какие-либо осложнения у нас с другими государствами, но все же лучше всегда быть готовыми отстоять свою родную землю.

Что касается интересов самих запасных, то, конечно, вернуться на 4 месяца раньше домой — приятно, но ведь всякий знает, что зима для множества рабочих людей — время тихое, и особого ущерба материальным интересам запасных и их семьям не будет. Иное дело весна, когда каждый час дорог земледельцу, а большинство наших солдат — земледельцы, когда работы в поле и дома не ждут. В это то время и вернутся запасные к себе.

Мы совершенно уверены, что огромное большинство наших русских солдат, безгранично верных своему царю, своей родине, поймут необходимость не увольнять запасных до весны. Распоряжение это настоятельное, неотложно необходимое и давно ожидаемое».

Солдаты гарнизонов в разных концах России немедленно откликнулись на статью «Русского чтения» и дали к ней свои комментарии. Группа солдат петербургского гарнизона прислала 21 декабря 1913 г. в редакцию «Русского чтения» вырезку с указанной статьей, на которой печатными буквами была дана исчерпывающая оценка правительственного мероприятия и деятельности редакции газеты, которую мы приводим полностью, с соблюдением орфографии подлинника:

«Смерть за неувольнение запаса во время!

Мы вашими газетами ж... подтираем.

Мы, нижние чины, прочитав эту идиотскую идею, проклятую правительственную затею, возмущены до мозга костей, предпочитаем лучше умереть с оружием в руках, чем служить до апреля. Это вы слышите от действительных сынов отечества. Да, мы все земледельцы, только не имеем земли. За эту статью желаем редактору «Русского чтения» и сотруднику 1 апреля вытянуться на столе, а редакции сгореть до тла.

Нижние чины».

Публикуемые ниже анонимные солдатские письма тому же адресату, написанные по тому же поводу, свидетельствуют о том, что петербургская гвардия думала так же, как финляндские стрелки, рижская пехота и расположенные в Польше полки. Солдатский мундир и казарменная муштра не выбили из солдата сознания его человеческих прав. Письма показывают, что престиж самодержавия развеян был в солдатской массе безвозвратно.

Общая черта, объединяющая публикуемые здесь солдатские письма,—это глубокое сознание, что царская власть, «беззаконная Россия» должна погибнуть и — погибнуть от революции. Две силы должны свалить царизм: война и революция. Такова солдатская психология накануне войны. Письма отвечают на вопрос, что будет делать солдатская масса, как только война возникнет: учинит расправу над офицерами и окажет помощь революционерам. Из публикуемых писем видно, насколько глубоко память о 1905 годе сидела в душе солдатской массы.

Если «тогда, в 1905—1906 гг., пылала Россия, теперь совсем сгорит»,—пишет солдат из Свеаборга. В солдатском мозгу находит место и такая мысль: а что, если царизм из страха перед революцией не рискнет «суваться» в военную авантюру, как это было во время балканской войны? Что тогда? И на это письмо дает ответ: «Положим, и война не нужна. Образуми, боже, революционеров! Тогда мы всыпим всем кровопийцам!».

Глубокая симпатия к революционерам сквозит в каждой строчке этих писем.

Корреспонденты Дубенского пишут, что политика царя и помещиков «ведет за собой 1905 год, который всетаки рано или поздно придет обратно, и тогда русский мужик сметет, как пыль, всю сволочь, которая живет его потом и кровью и надругается над ним», а «русский нижний чин покажет, что и он имеет человеческие права и чувства». Письма проникнуты ненавистью к казарме, превращавшей жизнь солдата в каторгу. Они также вскрывают ненависть солдатской массы к попам и к религии.

Ген. Дубенский из патриотических побуждений во много раз преуменьшил количество тех, выразителями чьих мыслей и чувств явились авторы анонимных писем, когда он писал Сухомлинову, что «при малой грамотности нашей армии, если один солдат смог написать письмо, то десять так думают, да не умеют высказать». Сказать, что так думала, за малыми исключениями, вся крестьянская масса в солдатских мундирах, значило сказать ужасающую правду о том, что у царизма нет больше опоры. Солдатские письма с чрезвычайной яркостью показывают, насколько революция 1905 года основательно подточила главную материальную опору царизма. Выдающаяся роль царской армии в революции 1917 года подтвердила это целиком и полностью.

Печатаемые письма имеют, бесспорно, крупную ценность для изучения настроений и чаяний миллионных народных масс в эпоху быстрого подъема революционного движения в царской России. С этой точки зрения и следует их рассматривать и оценивать.

«Солдаты, — писал Владимир Ильич, — лучше господ просвещенных буржуа выражают действительно народные, разделяемые громадным большинством народа, требования. Характер и основные свойства движения в войсках выражают вернее, чем тактика кадетов, сущность главных и основных при данных условиях форм освободительной борьбы. Движение рабочее и крестьянское подтверждает это с еще большей силой» [1]).

Откликаясь на определенный вопрос, на первый взгляд касающийся лично их самих, малограмотные солдаты выразили общие требования целого класса. В этом ценность писем. Они являются показателем того, насколько эти требования назрели и овладели миллионами. «Попробуйте посмотреть на солдат, — учил Владимир Ильич, — как на живых людей с самостоятельными интересами, как на часть народа, как на выразителей назревших нужд известных классов нашего общества. Вы увидите, что солдаты, которые всего ближе к наименее развитому политически крестьянству, которые подвергаются сплошному забиванию, отупению, муштровке со стороны начальства, что солдаты, эта «святая скотинка», идут неизмеримо дальше кадетских программ в своих требованиях» [2]).

Публикуемые здесь письма генерала Дубенского представляют крупный интерес со многих точек зрения. Они свидетельствуют о том беспокойстве, которое испытывала царско-помещичья шайка оттого, что прошли те времена, когда царствовала «там, в глубине России,—святая тишина» и «что в армии, в солдатской среде, не все благополучно». Они показывают лицо и положение той печати, которая за миллионные субсидии и царские милости «говорила солдату и крестьянину о святости долга перед царем, родиной и православной верой». Они являются свидетельством того, что несмотря на жирные подачки и принудительную подписку «вести правую газету становилось все труднее и труднее». А солдатские письма являются популярным пояснением к утверждениям Дубенского. При таком отношении читательской массы к правой печати, чему являются доказательством письма солдат, весьма веско звучит признание Дубенского, что «революционное настроение не уменьшается, недовольство... растет».

Письма Дубенского, наконец, показывают, как присосавшийся к народному телу паразитический класс умел использовать нароставшее революционное движение в соб-

---

[1]) Ленин, Соч., изд. 2-е, т. IX, стр. 396.
[2]) Там же, стр. 396.

ственных шкурных интересах. Солдатские настроения используются для запугивания начальства и исторжения новых благ и субсидий для печати, которую, по образному солдатскому выражению, не читают, а... Генерал Дубенский старается убедить военные верхи в том, что «войска ныне требуют настойчивой проповеди, самого яркого убеждения, что счастье России не в призрачных идеалах социализма и иных левых учений, а в незыблемости монархического строя». Убедить Сухомлиновых и Беляевых не стоило труда, так как революционное движение одинаково угрожало уничтожить и редакторов патриотических газет и их высоких покровителей. Гораздо труднее было убедить солдатскую массу в том, что она нуждается в духовном руководстве со стороны пастырей в стиле Дубенского [1]) и что нельзя «оставлять современного солдата без надежного ежедневного общедоступного органа». Письма Дубенского отражают тот звериный страх перед армией и за армию, о котором Ленин писал в мае 1910 г., что царская шайка продолжает не только бояться, продолжает прямо трепетать за армию» [2]).

Ф. Нотович.

Письмо ген. Дубенского помощнику начальника ген. штаба ген. Беляеву от 29 декабря 1913 г.

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич.

С разрешения вашего превосходительства я препровождаю при сем копию письма моего военному министру о положении не только моей газеты, но и вообще правой печати. Я согласен с вами, что вряд ли будет реальный результат моего доклада его высокопревосходительству, но все же надо обратить внимание высших чинов на то, что в армии, в солдатской среде, не все благополучно. После отправления моего письма генерал-адъютанту Сухомлинову я получил еще одно очень скверное анонимное письмо — и на этот раз, кажется, от отца солдата.

Не надо закрывать глаза и думать, что «там, в глубине России,— святая тишина». Надо самым настойчивым образом, планомерно работать, дабы убедить народ, а с ним и солдата, что счастье России не в новом социальном строе.

Вы лично давно в этом убеждены, но как грустно, что такие люди не все могут сделать! Я глубоко уверен, что все возможное для развития дела солдатско-народной газеты ваше превосходительство сделаете, и за это я искренно и сердечно вас благодарю.

Глубоко вас уважающий и искренно преданный вам

Дм. Дубенский.

29 декабря 1913 г.

P. S. Новое анонимное письмо прилагаю [3]).

Д. Д.

---

[1]) Исследователь найдет очень много интересного и политически ценного, если он даст себе труд изучить соответствующие дела отдела по устройству и службе войск бывш. главного управления генерального штаба, хранящихся в Центральном военно-историческом архиве СССР. Печатаемая ниже переписка взята из хранящегося в этом архиве дела № 185-092.

[2]) Ленин, Соч., изд. 2-е, т. XIV, стр. 279.

[3]) Письмо в деле не обнаружено.

Письмо ген. Дубенского военному министру Сухомлинову от 29 декабря 1913 г.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Владимир Александрович.

Ваше высокопревосходительство с давних пор с глубоким вниманием и интересом относитесь к печатному военному слову. Это обстоятельство дает мне смелость доложить те условия, в которых последнее время находится созданная и редактируемая мной военно-народная газета «Русское чтение».

Этот простой, искренно патриотический, народно-солдатский орган издается уже с 1901 года непрерывно.

Тринадцать лет, для настоящего тревожного времени, большой период деятельности для ежедневной газеты. Огромный труд, огромные материальные средства потрачены мной на создание газеты для нижних чинов и народа.

Смею думать, что работа моя не пропала даром, и в наше смутное революционное время честная газета «Русское чтение» честно говорила солдату и крестьянину о святости долга перед царем, родиной и православной верой и, несомненно, вносит успокоение в народную среду. Я глубоко утешен тем, что не только все ведомства и министерства одобряют мою деятельность, но даже и его величество государь император благосклонно отнесся к «Русскому чтению», повелев еще в 1901 году выписывать газету на счет сумм министерства императорского двора для всех рот, эскадронов и батарей тех частей войск, в коих изволит состоять шефом его императорское величество. Но все же вести правую газету становится все труднее и труднее. Засилие левых органов создает моду на чтение не только противоправительственных газет и журналов. Правая печать затирается всюду, имеет очень малое распространение. Правую газету не продают газетчики; обширная сеть еврейских органов распространения печати не берет враждебных им газет.

Объявления, которые дают средства для издания газет, в правых органах ничтожны, так как вся клиентура рекламы находится в еврейских руках. Особенно в настоящее время этот вопрос стоит очень грозно для нас, правых издателей. С началом дела Бейлиса все еврейские фирмы почти прекратили сдачу объявлений в правую прессу и этим бойкотом наносят нам огромный материальный ущерб. Одно «Русское чтение» за время с октября по декабрь текущего года не добрало объявлений на сумму свыше 5 000 рублей.

При таких условиях повременной печати, повторяю, вести дело правой, а особенно дешевой народной газеты является почти немыслимым.

Между тем едва ли когда-либо было время, когда стали столь необходимы спокойные газеты. Революционное настроение не уменьшается, недовольство, распространяемое левой прессой, растет. Всякое лучшее распоряжение правительства критикуется. Народ и солдаты имеют возможность всюду получать «Копейку», «Биржевку» и прочие еврейские газеты. Я, как редактор военно-народной газеты, с глубоким огорчением считаю необходимым доложить вашему высокопревосходительству, что за последнее время появилось недовольство и в армии. Ко мне начали поступать письма дурного настроения, особенно после задержа-

ния запасных. Я передаю эти письма в генеральный штаб. Это несомненное указание, что недовольство есть, ибо, при малой грамотности нашей армии, если один солдат смог написать письмо, то десять так думают, да не умеют высказать.

В 1906 году Комитет по образованию войск, озабочиваясь борьбой с революционной пропагандой в войсках, признал, что, кроме воспитательной деятельности офицера, значительное содействие в этом направлении могла бы оказать газета, правдивым образом освещающая нижним чинам относящиеся до них распоряжения военного министерства, а также и текущие события государственной жизни. При этом Комитет указал, что из имевшихся в то время периодических изданий этому требованию наиболее удовлетворяла издаваемая мной газета «Русское чтение». Поэтому Комитет признал весьма полезным возможно широкое распространение газеты «Русское чтение» в армии и высказался за установление обязательной подписки на нее в количестве т р е х экземпляров на роту, эскадрон, батарею, сотню и команду.

Бывший в то время военный министр генерал Редигер признал постановление Комитета по образованию войск вполне отвечающим требованиям времени, причем, со своей стороны, испросил 15 июля 1906 г. высочайшее соизволение его величества на выписку газеты «Русское чтение» на счет сумм военного министерства, по расчету двух экземпляров на роту, эскадрон, батарею и команду, с тем, что третий экземпляр войсковые части могут выписывать на свои средства. Копия с высочайшего доклада по сему вопросу при сем прилагается [1]).

Приведенное высочайшее соизволение было осуществлено однако только на время второго полугодия 1906 года, и с 1907 года выписки газеты «Русское чтение» на средства военного министерства не производилось. Я не решаюсь указывать, почему последовало такое распоряжение, так как в высочайшем докладе, мне переданном для сведения, не было указано, что мера эта временного характера.

Считаю однако необходимым доложить вашему высокопревосходительству, что если в 1906 году борьба с революционной пропагандой в войсках признавалась необходимой, то она н е м е н е е необходима и ныне. Я буду глубоко огорчен, если ваше высокопревосходительство, зная меня с ранних лет моей службы, подумаете, что только материальные интересы меня побудили беспокоить вас настоящим письмом. Я совершенно убежден, что войска ныне требуют настойчивой проповеди, самого яркого убеждения, что счастье России — не в призрачных идеалах социализма и иных левых учений, а в незыблемости монархического строя, который дает русскому народу и лучшие реформы и более прочное счастье.

Каждая ячейка войсковой части — рота, эскадрон, батарея — должна быть возможно шире обеспечена хорошими газетами и журналами.

Если газета «Русское чтение» будет признана и ныне подходящим органом, то пусть она обслуживает солдатскую среду, но если почему-либо она будет признана неподходящей для сего, то следует создать другую газету, но только не оставлять современного солдата без надежного ежедневного общедоступного органа.

Буду очень счастлив, если вашему высокопревосходительству угодно будет выслушать мой доклад по сему предмету лично.

---

[1]) Доклад этот здесь нами опускается.

При сем прилагаю анонимные письма, присланные от нижних чинов за последние дни в редакцию с выражением их недовольства службой.

Прошу принять уверение в глубочайшем уважении и искренней и сердечной преданности

покорный слуга Дм. Дубенский.

29 декабря 1913 г.

Анонимные письма, полученные в редакции «Русского чтения» от нижних чинов за 24—26 декабря 1913 г. [1]).

1 [2]).

М. г. редактор, в ноябре месяце у вас в газети, не помню, в каком номере, была напечатана статья по поводу задержания нижних чинов, подлежащих увольнению в текущем году в запас армии... Вы там пишите, что не один нижний чин армии не обижается на то, что прослужит несколько месяцев лишняго, потому что это для доблести русской армии — и для голода русского мужика (простите, что я пишу неграмотно). Кто писал эту статью, был совершенно незнаком с взглядами нижнего чина, а поэтому я как нижний чин действительной службы выскажу свой взгляд [3]).

Прежде всего я скажу, что я проклинаю тот день, в который родился, изо дня в день, как попал на военную службу. Придя на военную службу, я встретил везде подлость, воровство, несправедливость. Прежде всего, как я прибыл в часть, из меня старались выбить все человеческие чувства, каждый начальник ругает, наказывает, не разбираясь с тем, правя или виноват, а только потому, что имеет право. И еще вижу, что я на себе испытал еще не все, что испытали мои товарищи. И вот вы теперь посудите, что можно ожидать от такого солдата, который привык ненавидеть каждого начальника, как злейшего своего врага, которому он воздаст сторицею при первом удобном случае. Вы пишите, что прибавка службы увеличит армию и придаст ей силу и мощь. Я говорю, что это ведет за собой 1905 год, который все-таки рано или поздно придет обратно, и тогда русский мужик сметет, как пыль, всю сволочь, которая живет его потом и кровью, надругается над ним, щитая его своим рабом, которого сотворил бог для их потребностей. При первой войне, при первом возмущении внутри государства русский нижний чин докажет, что и он имеет человеческие права и чувства, и тогда горе всей сволочи, обирающей и терзающей русского мужика. Я знаю, что вы думаете, что настолько глуп русский мужик, что никогда этого не сделает под страхом адских наказаний, которыми стращает поп. Но это напрасно. В настоящее время всякий мужик смотрит на попа, как на фарисея, а на тех мучеников, которые боролись за его свободу, как на последователей Христа,

[1]) Заголовок на обложке, в которой хранятся письма.

[2]) На конверте, в котором находилось это письмо, почтовый штемпель: «Новый двор Варш. 22 декабря 1913 г.».

[3]) Набранное здесь и ниже разрядкой подчеркнуто в подлиннике Дубенским.

положившего свою жизнь за правду, а у попавших в солдаты, даже у самых верующих в религию, через год ничего не останется от этой веры: ее выживет религиозное притеснение начальства, гонение в церковь и тому подобные выходки начальства. Нужно заметить, что нижние чины, прослужившие год, не один добровольно не пойдет в церковь, потому что он на каждом шагу встретит толчки, пинки и даже аресты за то, что стоял не по правилам строевого устава или вышел из церкви по какой-нибудь надобности. Это открывает нижнему чину глаза на окружающую жизнь, — ведь мужик то, хотя и сер, но ум то у его не чорт съел, немного понимает он, видит, что и поп по той дудке пляшет, на которой играет начальство.

Напрасно вы думаете, что мужика можно силой заставить повиноваться тем законам, которые придумывает кучка живущих чужим трудом. Сила только может заставить свои мысли затаить в глубине души и дожидать, когда можно будет осуществить их на деле. Но и сила из чего же состоит? Эта сила, которая держит мужика в лапах, да она состоит из того же мужика, который тоже теперь хорошо это видит, и только нужно небольшой ветерок, чтобы всколыхнуть этот океан, и он смоет всю грязь, накопившуюся веками, и тогда, как в Париже в Варфоломеевскую ночь не стало гугенотов, так и у нас не будет на святой Руси сволочи, которая живет потом и кровью русского мужика, которой отцы, деды и прадеды жили потом и кровью русского мужика.

Я пишу это только затем, чтобы открыть вам глаза, чтобы видеть русского мужика в настоящем виде и не писать, что русский всякий солдат охотно отдаст свою жизнь за обирающую его сволочь. Он не только не сделает этого, но с удовольствием вонзит свой штык не только тому, кто прибавляет ему службы, но и тому, кто пишет, что он на это не обижается.

Простите, что я пишу совсем безграмотно, но всетаки, наверное, вы прочитаете, а если нет, то вы — безграмотней любого мужика, хотя и щитаите себя грамотными! И еще вам напомню, что мужик теперь понимает, что́ ложь, что́ правда, и ваша газета только и имеет распространение в войсках, где в силу необходимости должны читать и такую дрянь. Еще раз вам говорю, что если бы попался солдатам в руки тот, кто прибавил службы, то они сделали бы с ним то же, что сделали древляне с Игорем.

Русский нижний чин.

2 [1]).

Господину редактору «Русскова чтения».

Я хочу вам сощит нащет вашей газеты — как сощала ваша газета, что сроком службы 1911 г. должны отслужить до 1 января 1914 года. Пришол 1 январь, а нас еще все не распускают, да и, как видится, не опустят. А как писала ваша газета, на теких-то льготах и так-то и что получилось из етова? Конечно, нужно сказать по совести и написать по дружески, что ваша газета ничего не знала, а плела чепуху. Неужели вашой газете не совестно теперь со стороны читателей? Я бы

[1]) На конверте, в котором находилось это письмо, почтовый штемпель: «Рига. 20/XII 1913 г.».

вам посоветовал сначала узнать правду, а потом печатать такие подобные статьи. Я, конечно, критиковать не могу, потому, что малограмотной, читать, когда читаю, немного понимаю.

Вы только тогда заронили искру у каждого солдата на серце, а сичас получилось в итогах не то, что вы писали, не справедлива ваша газета. Нам не нужно неправду. Прочь неправда! Нам нужна правда. Вот, господин редактор, я не советую печатать неправду. Наверно, вы ненисшова образования, какой-нибудь генерал, вы должны печатать всегда правду и давать отчеты верные, тогда будут верить и вам, а теперь вам не то что верить, срам взять вашу газету в руки. Мы теперь знаем, что ваша газета врет. И наверно и будет врать. Как научится человек врать, у него уже нетерпится — что нибуть надо соврать. Заканчиваю эти слова, начинаю говорить другие.

И верно, что захотели нас задержать какия то генералы и задержали. Ето разве нас не генералы держат? Какую пользу мы принесем? Одним словом, никакой пользы ни будет от нас, только будут нарот мучит да мильены отцов с матерям плакать. Ето не понимают наши правители нас, бедняков, и не хотят понять, что если каснется какая нибуть война и мы были бы роспущены, куда мы денемся? Одним словом, могли бы вернуться опять в свои части. Теперь каждой солдат думает не так. Он думает свою [1]) и свой план: ну пускай держат, придет время, отомщу, возму свое. И вы не думайте, что мои слова будут [не] правелны. Никак, ваши закулисы мы хорошо знаем и все видим.

3.

Бобруйск. 20/XII 13 г.

Милостивый государь,
г-н редактор!

«Куда конь с конытом, туда и рак с клешней», — говорит наша русская пословица. Так, г-н редактор, и с вашей газетой «Русское чтение». Конечно, между нами говоря, это не «Русское чтение», а «узкое чтение» — и как раз постолько, посколько необходимо поддержать нашего солдата в темноте и невежестве. Вот появляется в свет № 268 газеты «Русского чтения» со статьею «Давно ожидаемое». «О приостановлении увольнения в запас нижних чинов старших сроков службы».

Вот именно я и хочу поговорить об этом «настоятельном — неотложном — необходимом» распоряжении. Я, может быть, и не в состоянии разбирать вашу статью, но вынужден сказать, что́ чувствует солдат при чтении этой статьи. Поверьте, г-н редактор, что вы настолько расстраиваете раны солдата, настолько терзаете его душу, что от боли мы должны кричать: какое право имеете вы, г-н редактор, чтоб дубиной толкать в наши измученные тела и кровянить нашу простую солдатскую душу? Неужели вы, как человек современный, цивилизованный, никогда не задавались вопросом: неужели солдат не сознает своего положения? Я полагаю, г-н редактор, когда вы писали эту статью и сообщили нам об «настоятельном и неотложно-необходимом» распоряжении, вы сидели себе в кабинете в тепле да в холе, сыт, рад, довольный своим положением, но ничуть не задумываясь, сколь-

[1]) Одно слово неразборчиво.

ко боли я причиню этим нашему солдату, сколько слез прольет солдат про своего отца, матерь, жену и детей. Разве можете и иметь (хотя вы и начальник) понятие о настоящем состоянии казарменной жизни: густота, плотность (спят по 2 человека на койке), нечистота, духота, в комнате 39 к. с. воздуха помещается 32—33 человека, грязь, вонь — вот чем полны в настоящее время наши казармы.

Придите-ка вы, г-н редактор, если сомневаетесь в искренности моих слов, ночью в казарму, посмотрите, наслаждайтесь нашей казарменной атмосферой, поспите с нами, покушайте 4 года нашу пищу, наши сухари с червями, тогда, надеюсь, что и в вас пробудится сознание своего положения. Нет, г-н редактор, тогда вы не писали бы, что это «распоряжение» будет оценено армией. Действительно, оно может быть оценено 2000-ной частью армии, именующей себя «начальством», но не человеком-солдатом. Нет, г. редактор, если вы так быстро и легко меняете свой взгляд на положение вещей в угоду «кого-то» и «чего-то» и пренебрегая даже интересами красы нашей славной русской армии— русским солдатом, то вы для нас не что иное, как иуда-предатель.

Но довольно, поговорим дальше. Вы пишите: «Признают, что задержка увольнения в запас нижних чинов действительной службы старших сроков службы в прошлом году дала благоприятный опыт по подготовке нашей армии в зимние месяцы». Так-то так, но зачем же держат по 7 сверхсрочных в роте, чем же они не «опытные» нижние чины, чем же они не руководители новобранцев, чем же они не подготовленные к воспитанию новобранца и созиданию солдата? Ведь у них еще больше практики, нежели у действительно служащих. Поставьте в каждом взводе над молодыми сверхсрочного и дайте ему солдата с образованием учебной команды—вот вы также получите «благоприятный опыт по подготовке нашей армии». А что же делают младшие офицеры в роте? Неужели они получают жалованье с тем, чтобы флиртовать и разгуливая наслаждаться прелестями жизни современной и легкомысленной? Дальше, в занятиях со старослужащими «создается неблагоприятное положение». Мы отлично знали, какие могут быть занятия в зимние месяца — за всю зиму 2—3 занятия в поле, стрельба для нижних чинов старших сроков службы не особенно интересна (так как лагерный сбор не предстоит), а словесность и гимнастика целых 4 года зудят и повторяют одно и то же. Значит, «означенные соображения в связи с весьма напряженным ростом численности армий важнейших западно-европейских государств, проявленным именно в настоящем году, позволяют незамедлительно без особых сразу денежных затрат значительно улучшить боевую подготовку нашей армии» и «вероятно современно будет перейти к 4—5-летнему сроку военной службы». Эх, г-н редактор, очень печально уж то, что наше высшее начальство стало так бояться немецкого ножа! Да и шутка ли сказать: 4 года что в клетке, без общения с внешним миром, а если угодно провиниться, добавят еще 2—3 года. Там где-то далеко, далеко от меня как поживают отец мой, мать, жена, дети, все ли у них хватает, не терпят ли холод и голод? Ведь, поймите, что и солдат—человек, значит, у него есть желания, чувства, мысли, переживания. Ну да, начальство жалеет нас тем, что, при беспорядочной [?] службе если ты хорошенький, послушный солдатик, вот тебя и пустят на 20—30 дней в течение 4 лет. Но ведь это же насмешка одного человека над человеком. Признаться,

в том-то и суть, что начальство не признает солдата человеком, а пьяницей и канальей.

И, в конце концов, г. редактор, вы, дающий нам нечто вроде духовной пищи, смеете еще уверять, что это «важное» распоряжение военного министра «несомненно» будет оценено всеми, как обществом, так и армией. Откуда же г. редактор взял такую уверенность и «несомненность»? Почему? Потому что министр признает необходимым. Отношение общества к этому распоряжению — не знаю, но отношение армии мне, может быть, и известно. Вы как редактор спросите любого солдата старших сроков службы о его мнении на «это распоряжение», и вы получите ответ настоящий, и действительное мнение армии об этом «важном» распоряжении вам станет известным и ясным. И как же так эффектно приходите вы навстречу интересам солдата, что лучше увольняться весной, а не зимой, тем более, что «большинство наших солдат — земледельцы». Откуда же такая истина, г. редактор? Это солдат приходит на службу, записывается земледельцем, т. е. он по призванию хлебопашец, а в действительности у него земли и нет. В пример привожу вам команду из 130 человек — из них имеющие собственную землю присужденную [?] — человек 15—10, не больше. А другие, имеющие по 5—6 десятин, так у него дома есть еще родители, братья, сестры, а ему надо кинуться в заработки. А 3—4 месяца много чего значут. Солдат за это время заработает на одежду, на жизнь, и на лето придет, может быть, и в действительности в деревню на помощь родителям. Да, так вот какие греховные дела совершаются сейчас у нас. А почему? Потому, что власть сильного. Нет, это не по-христиански,—так рассуждает наш солдат, простой души солдат.

Подписывать сие писание не буду, по причинам, известным вам. Но мое звание — Солдат.

Но все же поздравляю вас с наступающим праздником. Надеюсь, что, если вы встретите в вышеизложенном писании что-либо непонятное, вы меня простите, ибо условия жизни не дают возможности выложить все то, что лежит на душе и что копошится в солдатском мозгу. Но прошу вас, г. редактор, запомнить, что солдат тоже человек и понимает и сознает свое положение, а потому хитростью и ложью вы много вредите армии. Забить голову солдатскую пустяками вы уже не сможете, ибо жизнь в казарме становится невыносимой.

Надеюсь, что вы поймете нас, но если мы заблуждены, то постарайтесь скорее вернуть нас на путь истины и правды, но не хитростью и ложью, а правильным толкованием вещей.

4 [1]).

М. г., г. редактор!

Весьма печально читать в газетах вести, что 1911 год задержат до апреля. Еще с издевательством пишут, что солдаты сами сознают, что при увольнении в ноябре России грозит опасность в случае войны. Раньше увольняли, и чорт России не трогал.

Одно скажу по этому поводу, старую песню, была русско-японская война несчастная, а если теперь будет, то еще несчастнее—там было

[1]) На конверте, в котором находилось это письмо, почтовый штемпель: «Свеаборг. 10 января 1914 г. (29 декабря 1913 г.)».

100—1 000 и теперь таких 1 000 000... Да как не быть, других увольняли в ноябре, никто не тронул России, а теперь нельзя. В мирное время я не вижу никакого снисхождения, а в военное время защищай отечество. Дай мне теперь хоть немного снисхождения, тогда я буду стараться на войне.

Уж генералам-кровопийцам достанется на войне! Их прежде убивать будем, чем противника! Не удивительно, что солдаты жизнь кончают самоубийством, человек служит, служит, и конца не видно! Лучше смерть, чем угнетение. Войны нет,—хотя бы война, убил бы кровопийца, а там и сам. Революции тоже. Еще не осмеливаются революционеры, полагают, что солдаты в них стрелять будут,—тут наоборот, еще бы стали солдаты помогать революционерам! Как не помогать? Беззаконная Россия! Сына на службе держат без надобности, а с отца грабят на сына!

Это закон и правда, а ты молчи!

Неправда! Настанет время возмездия!

Не пройдет без войны! Положим, и война не нужна. Образуми, боже, революционеров! Мы тогда всыпим всем кровопийцам!

Мало еще до апреля, еще хочет установить на 4 года службу. Из-за чего была неудача на русско-японской войне? Тогда в 1905—06 гг. пылала Россия, а теперь и совсем сгорит!

Почему не сувалась во время балканской войны Россия?! Знала, что гибель будет! Прежде всего с человеком нужно обращаться, как с человеком, а не как с скотиной!

К вопросу о подготовке мировой войны

(Из документов русской военно-политической разведки 1913—1914 гг.)

Печатаемые ниже документы русской военно-политической разведки 1913—1914 гг. распадаются на две группы: одну группу составляют рапорты начальника штаба Киевского военного округа начальнику ген. штаба, другую — рапорты военных агентов генерал-квартирмейстеру ген. штаба. Первые основаны на «анонимно»-шпионских донесениях, на безответственных источниках информации, за содержание вторых ручается своей подписью столь ответственное лицо, как официальный военный агент.

Как исторический источник документы первой группы представляют собой специфический материал. Очень многое в них бросается в глаза несообразностью, напоминая те «политические тайны», которые перед войной 1914 г. покупались буквально на улицах некоторых столиц по самой сходной цене неопытными журналистами, а иногда и перекупщиками-спекулянтами.

Первый же из публикуемых рапортов этого рода (начальника штаба Киевского военного округа от 12 августа 1913 г.) представляет типичный пример информации такого рода: «двойственность германской политики в турецком вопросе», «существующие непрерывные [!] конфиденциальные дипломатические [!!] сношения между германским и турецким правительствами», «вполне установленный факт помощи германского правительства турецкому, находящемуся в критическом финансовом положении», — все эти благоглупости, казалось бы, не стоили не только денег, потраченных на изобретение их, но и бумаги, на которой они писались! Германское правительство смотрело еще со времен Бисмарка на Турцию, как на «эвентуального» союзника против России, и со времен чрезвычайной турецкой миссии в Берлин в 1879 году «непрерывные конфиденциальные» сношения между Берлином и Константинополем не составляли ни для кого тайны.

Вторая часть этого рапорта, касающаяся дела полковника Редля, особенно обращает на себя внимание. Из нее мы узнаем, что начальник австро-венгерского ген. штаба Конрад получил от начальника германского ген. штаба (Мольтке) письмо, написанное в «ироническом» тоне и содержащее «подробную оценку действий полковника Редля, связанных с поручением австрийского ген. штаба вести разведывательную работу в Германии, что вызвало продажу полковником Редлем многих полученных в Германии военных секретов». Совещанию «высших представителей военного ведомства» (?) не понравился тон ответного письма начальника ген. штаба, что обидело последнего, и т. д.

Об этом деле известно кое-что из двух других источников, не требующих характеристики.

В XXV томе германских дипломатических документов («Die Grosse Politik der Europ. Kabinette») под № 13 369 напечатано письмо германского посла в Вене фон Чиршки от 5 июня 1913 г., в котором содержатся следующие строки:

«История гомосексуального полковника, который, в качестве начальника штаба пражского армейского корпуса, занимался шпионажем для России в течение ряда лет, здесь произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Хотя ген. Конрад и уверял меня, что газетные сообщения преувеличены и, во всяком случае, никакие сведения о диспозиции войск не перехвачены, но я нашел его в глубоко подавленном настроении». (Дальше говорится о том, что было бы ошибкой по этому казусу судить об общем состоянии австро-венгерской армии.)

Конрад рассказывает об этом деле («Aus meiner Dienstzeit», III, 329) следующее:

«25 мая, вечером, я получил потрясающее сообщение. Осведомительная часть контрразведки уже давно напала на след шпиона, указывавший на выдачу секретных военных распоряжений иностранной державе. В результате слежки предателем оказался полковник Редль, тогда начальник штаба 8 корпуса в Праге. Редль был арестован в Вене и подвергся исчерпывающему допросу. Затем ему была дана возможность покончить с собой. Начальник контрразведки поспешил в Прагу, произвел тщательный обыск в квартире Редля и забрал все компрометирующие материалы. Оказалось, что Редль имел гомосексуальные сношения и простер свое предательство до снятия фотографических копий с печатаемых служебных приказов. Я стоял за то, чтобы ничего не скрывать и все дело предать гласности, что и было сделано несмотря на многочисленные нападки, последовавшие вслед за этим. На интерпелляцию по этому поводу в парламенте отвечал министр госуд. обороны».

В письме Мольтке к Конраду (там же, стр. 424—426) 29 июня 1913 г. имеется небольшая часть, посвященная делу Редля, но все это письмо написано, конечно, не в «ироническом» тоне, а в тоне самой задушевной «братской» дружбы. «Страдания вашего сердца, исполненного идеального энтузиазма», «боязнь коснуться такой глубокой и болезненной раны», «благодарность за сообщение и сочувствие» — в таком тоне написана эта часть письма, заканчивающаяся уверенностью, что тайна соглашений между обоими ген. штабами не пострадала, бодрым призывом к «вере в будущее» и т. д.

Заключительная часть «рапорта» на уровне предшествующей информации; она дает характеристику австрийской армии в стиле русских газетных писаний того времени.

Вопрос, затрагиваемый рапортом от 5 сентября 1913 г., имеет очень частный характер: речь идет об оценке деятельности австро-венгерского посла в Петербурге графа Турна канцелярией Франца-Фердинанда, по должности — инспектора вооруженных сил. Сомнительно, чтобы деятельность послов обсуждалась такими инстанциями, какая здесь указана. Во время войны гр. Турн был назначен представителем австро-венгерского министерства иностранных дел при главном австрийском командовании, и Конрад дружелюбно отзывается о его деятельности в этой должности. Между тем «недостаточное знакомство» этого дипломата с вопросами военно-политического характера должно было бы прежде всего помешать этому его назначению.

Странен «выработанный германским большим ген. штабом план будущих действий восстановленной турецкой армии против государств бывшей балканской коалиции», в то время, как германская дипломатия в действительности стремилась создать новую «балканскую коалицию», и турецкая армия восстанавливалась для действий не против балканских стран, а против России.

Рапорт от 8 февраля 1914 г. явно основан на домыслах, внушенных миссией Лимана фон-Сандерса и «шумом», вызванным ею: «стремление германского правительства решить в свою пользу вопрос о проливах», приурочение европейской войны ко «времени неизбежного крушения турецкого государственного организма» и т. п.

Рапорт 4 марта 1914 г. ставит на голову (так же, как «Любекское бюро» — австро-румынскую проблему) вопрос о взаимоотношениях Австрии, Германии и Рос-

сии, говоря о том, что Австрия опасалась будто бы втягивания ее Германией в войну с Россией из-за «настойчивого проведения германским правительством намеченной им политической программы».

Иное дело именные рапорты военных агентов, которыми довольно широко пользуется Комиссия, издающая сборники «Международные отношения в эпоху империализма».

Печатаемые здесь рапорты Базарова, военного агента в Берлине, Артамонова (Сербия) и Леонтьева (Турция), хорошо знакомых читателям III серии названного издания, представляют вполне солидные, лишенные всякой фантастики, источники информации. Здесь публикуются, в частности, те донесения Базарова, которые дают характеристику настроений и тенденций германской прессы. Они интересны и как сводки германской прессы 1914 г. и как документы, отражающие угол зрения, под которым воспринимались высказывания прессы военно-политическим осведомителем. Все эти высказывания сохранили свой интерес и для наших дней, а некоторые из них (как знаменитая статья-корреспонденция «Kölnische Zeitung») заняли в истории войны весьма заметное и прочное положение. То, что «Berliner Tageblatt» обозначается полковником русского ген. штаба как газета «еврейско-социал-демократическая» — характерно для русского генштабиста, в представлениях которого граница между германской социал-демократией и заграничным буржуазным либерализмом стиралась, когда дело шло об отношении той и другого к «русскому соседу».

Обширный обзор германской печати, составленный Базаровым, — весьма ценное добавление к уже опубликованным русским дипломатическим документам за 1914 год. Интерпретации и объяснения позиции германской прессы, даваемые в заключение Базаровым, осторожны, достаточно обоснованы фактическими данными и для историка, как и для всякого изучающего предвоенную эпоху, представляют крупный интерес.

Некоторые соображения и отмечаемые в них попутно обстоятельства способствуют заострению внимания и пытливости исследователя и читателя. Пример: берлинские слухи то о лондонском (рапорт от 28/II 1914 г.), то о парижском происхождении нападок германской прессы на Россию (рапорт от 10/III 1914 г.).

То, что Базаров пишет, напр., по поводу растущей популярности идеи превентивной войны в Германии и «в особенности в Австрии», свидетельствует о довольно высокой степени осведомленности и наблюдательности русского военного агента в Берлине. Германское правительство, стараясь от него избавиться весной 1914 г., видимо, признавало за ним эти качества. Базаровские донесения ставили вопросы, имевшие такую же важность для «читателей» его рапортов, какую они имеют для историка: определение степени готовности Германии к войне; финансовые условия данного момента для увеличения вооружений; политические условия распределения кредитов между морскими и сухопутными вооружениями; интерпретация общественного мнения и высказываний прессы, с точки зрения закулисных инспирирующих факторов и реального политического значения этих выступлений, и т. д.

Внимательный читатель извлечет из публикуемых документов этого рода не меньше исторических данных, чем из наиболее полноценных документальных источников истории международной политики. Укажем в подтверждение этого еще на рапорт Артамонова о греко-сербских сношениях в связи с греко-турецким конфликтом, угрожавшим развязать войну до сараевского выстрела. В другом плане интересно и жандармское донесение (сведения плоцкого жандармского управления), касающееся настроения населения пограничных областей.

Планомерное изучение военно-политической информации предвоенного периода столь же необходимо, как и изучение дипломатических архивов. Объект этого изучения мы демонстрируем перед читателями «Красного архива». Со всеми его специфи-

ческими — отрицательными и положительными — особенностями, он отражает тот факт, что германо-австрийский блок в 1913—1914 гг., со своей стороны, не только готовился к войне, но и готовил войну. В этом смысле донесения берлинского военного агента служат необходимым дополнением к информации, получавшейся русским министерством ин. дел от своих посольств в Берлине и в Вене. Сравнение первых со второй весьма не лестно для царских дипломатов, — не только для бесцветного Свербеева, но и для венского Шебеко, которого высокие специалисты лондонского «форейн-офиса» характеризовали, как «shrewd man» — проницательного человека. Напрасно было бы искать среди их характеристик германской и австрийской политики чего-либо равного по серьезности и углубленности скромным «рапортам» военного агента. Достаточно напомнить, что Шебеко, в конце концов, дал себя убаюкать «венскими напевами» даже в тот момент, когда все было «решено и подписано» между Веной и Берлином. Берлинское посольство пребывало в состоянии летней спесты, пока не было пробуждено к жизни — выражаясь фигурально — лязгом германского оружия. Несомненно, Базаров в это время был бы—с точки зрения германского ген. штаба — совершенно лишним наблюдателем подготовительной военной работы.

Е. Адамов.

I

Копия секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 12 августа 1913 г. за № 1016 [1]).

Начальнику генерального штаба.

Доношу, что на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 21 июля сего года, под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, разбирались следующие вопросы.

Оглашенные представителем департамента внешних сношений:

I. Переданный германским правительством официальный меморандум дипломатического совещания 29 июля в Берлине, содержащий принятые германским кабинетом руководящие основания в турецком вопросе вообще и в вопросе об Адрианополе в частности, из которого видно, что позиция, занятая германским правительством в этих вопросах, пассивна, нося характер умеренных пожеланий; при этом министерство иностранных дел по указанию его величества пришло к заключению:

1) Высказать солидарность с основаниями официального меморандума.

2) Не возбуждать перед германским министерством иностранных дел относящихся к содержанию меморандума вопросов, могущих указать на вызываемые его содержанием сомнения.

Начальник генерального штаба отметил, что в его распоряжении имеются обоснованные данные, указывающие:

1) На двойственность германской политики в турецком вопросе.

2) На существующие непрерывные конфиденциальные дипломатические сношения между германским и турецким правительствами и

[1]) Центр. военно-исторический архив (ЦВИА), д. № 412—592, л.л. 1—2.—Заголовок подлинника.

3) На вполне установленный факт помощи германского правительства турецкому, находящемуся в критическом финансовом положении.

II. Протест итальянского министерства иностранных дел, содержащий порицание самостоятельной агитационной политики австрийского генерального штаба в Албании, противоречащей основаниям австро-итальянского соглашения по албанскому вопросу, что вызвало среди некоторых племен Мелеции волнения, направленные в невыгодную для итальянского правительства сторону.

Начальник генерального штаба заявил, что со стороны генерального штаба не было сделано самостоятельных шагов для агитации в Албании, раздача же и продажа оружия некоторой части населения произведены с ведома как итальянского правительства, так и министерства иностранных дел.

Оглашенные начальником генерального штаба:

I. Содержание письма, полученного им от начальника германского генерального штаба и содержащего подробную оценку действий полковника Редля, связанных с поручением австрийского генерального штаба вести разведывательную работу в Германии, что вызвало продажу полковником Редлем многих полученных в Германии военных секретов.

Начальник генерального штаба огласил текст составленного им ответного письма начальнику германского генерального штаба.

Совещание отметило, что, хотя содержание составленного начальником генерального штаба ответного письма и отвечает ироническому тону письма начальника германского генерального штаба, все же редакция его должна быть изменена, чтобы не итти вразрез с общим стремлением к утверждению прежних отношений с союзной Германией.

Начальник генерального штаба заявил, что он считает редакцию своего письма окончательной и единственно отвечающей достоинству занимаемого им положения, и просил составление ответного письма в другой редакции возложить на кого-нибудь другого.

Совещание пришло к окончательному выводу о необходимости разрешения вопроса путем доклада его величеству.

II. Записку, содержащую краткую оценку современного сравнительного военного могущества России и Австрии, из которой видно:

1) Что военное могущество России втечение последних лет настойчивой правильной работой возросло вдвое.

2) Что успехи русской армии в значительной степени ослабляются настойчивым стремлением к внешности, неодинаковым для различных родов войск, что создает в армии вредную для дела рознь.

3) Что военному могуществу Австрии на фронтах русском, итальянском и даже румынском рядом государственных измен, закончившихся разоблачениями Редля, нанесен тяжелый удар, уничтоживший настойчивую созидательную работу многих лет, и

4) Что племенная и партийная рознь, сильно развившаяся в армии во время последней мобилизации, в связи с отмеченным уже рядом государственных измен, делают австрийскую армию непригодной на более или менее продолжительное время для успешного выступления против России.

С подлинным верно. Генерального штаба
полковник Самойло.

Копия секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 5 сентября 1913 г. за № 1092 [1]).

Начальнику генерального штаба.

Доношу, что на совещании высших представителей военного ведомства, имевшем место в Вене 16 августа сего года, под председательством начальника генерального штаба генрала Конрада фон Хетцендорфа разбирались следующие вопросы.

Оглашенные начальником генерального штаба:

1) Текст записки канцелярии наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, инспектора государственных вооруженных сил, содержащей оценку служебной деятельности посла при с.-петербургском дворе графа Дуглас-де-Турн-Вальсассина, из которой видно:

А) что, по мнению наследника престола, дипломатическая деятельность графа Турн-Вальсассина в период последних австро-русских осложнений исходила из не отвечающих государственному достоинству миролюбивых и оптимистических оснований.

Б) Что ряд действий графа Турн-Вальсассина указывает на пассивное отношение его к весьма важному делу — организации получения секретных данных в С.-Петербурге и

В) Что из содержания некоторых, сделанных графом Турн-Вальсассина, конфиденциальных донесений можно заключить о недостаточном знакомстве его с вопросами военно-политического характера.

2) Проект восстановления при помощи германского правительства на европейском театре разбитых сил турецкой армии, содержащий:

А) Основания, допускающие заключение турецким правительством срочного займа на военные нужды.

Б) Списки, заключающие подробные рассчеты расходов, вызываемых соображениями для восстановления турецкой армии и вопросом правильного содержания ее в составе 180 000 человек в продолжение трех месяцев.

В) Списки, заключающие подробные рассчеты предметов снабжения турецкой полевой артиллерии материальной частью и других родов войск — предметами вооружения, снаряжения и технического снабжения.

Г) Списки, заключающие цифровые предположения для назначения из германской армии инструкторского состава в турецкие войска по следующему рассчету: на каждый полк низама и редифа по 2 офицера, на каждый полк кавалерии и гамидие по 1 офицеру, на каждый батальон полевой артиллерии по 1 офицеру, на полевые технические войска всего 10 офицеров и по одному офицеру каждого рода войск для исполнения инспекторских обязанностей.

Д) Предположения, заключающие порядок перевозки пополнений из Малой Азии.

Е) Предположения, заключающие порядок передачи турецкому правительству и приемки последним от германского военного министерства предметов вооружения и технического снабжения войск и

Ж) Выработанный германским большим генеральным штабом план

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 3.— Заголовок подлинника.

будущих действий восстановленной турецкой армии против государств бывшей балканской коалиции.

Начальник генерального штаба указал, что копия оглашенного проекта получена Бельгийским агентурным бюро из германских источников, почему факт получения этих сведений при обстоятельствах настоящего времени имеет исключительно секретный характер.

С подлинным верно. Генерального штаба
полковник Самойло.

Выдержка из секретного рапорта штаба Киевского военного округа от 8 февраля 1914 г. за № 128 [1]).

По полученным агентурным сведениям, на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 24 января сего года, под председательством военного министра генерал-фельдцейхмейстера Кробатина, были доложены следующие вопросы.

I. Председателем совещания:

Текст переданного генеральному штабу меморандума германской военной канцелярии, из которого видно:

1) Что стремление германского правительства в расширению [?] в свою пользу вопроса о проливах должно неизбежно сопровождаться, вследствие общеизвестных политических причин, одновременными столкновениями на восточной и западной границах государства.

2) Что значение для Германии вопроса о проливах привело правительство к убеждению, что в числе средств достижения намеченного результата не исключается и вероятность столкновения на обоих фронтах.

3) Что германским правительством, ввиду изложенных соображений, предположена с началом 1914 года систематическая поверка подготовки и дополнение находящихся при войсках учреждений военного времени.

4) Что ввиду тех же соображений намечен ряд мер по скорейшему усилению авиационных частей германской армии.

5) Что теми же соображениями вызывается необходимость широкой заблаговременной подготовки общественного мнения в Германии к вопросу о неизбежности вооруженного столкновения при разрешении вопроса об обладании проливами.

6) Что хотя время вероятного будущего столкновения с Россией и Францией и не может быть с точностью определено, однако же возможность в этом случае неожиданности вытекает из требования от Австрии, в силу ее союзных обязательств, заблаговременной поверки всей военной готовности государства.

7) Что время вероятного вооруженного столкновения держав Тройственого союза с Россией и Францией соответствует приблизительно времени близкого неизбежного крушения турецкого государственного организма.

8) Что медленность австрийского правительства в исполнении принятого уже решения об усилении флота может привести, в связи с ускоренной программой судостроения в России и Франции, к невыпол-

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 4—5.— Заголовок подлинника.

нению австрийским флотом задачи, возложенной на него планом союзной войны.

Совещание отметило:

1) Необходимость безотлагательного доклада императору краткого содержания оглашенного меморандума.

2) Невозможность для австрийского правительства однородного с германским взгляда на вопрос о неизбежности участия в союзной войне против России без предварительного получения строго определенных данных о размерах компенсации.

3) Необходимость перехода к скорейшей систематической поверке военной готовности австрийской армии и связанной с ней дополнительной организационной деятельностью.

4) Необходимость скорейшего принятия мер, однородных с германскими, для подготовки общественного мнения по вопросу о вероятности участия Австрии в союзной войне против России; совещание полагает, что выполнение этой задачи в Австрии должно сопровождаться затруднениями вследствие племенной и религиозной розни состава населения государства.

5) Проблематичность по многим соображениям надежд германского правительства на участие Италии в союзной войне в составе Тройственного союза.

6) Осведомленность германского правительства о причинах промедления в исполнении намеченной программы усиления австрийского флота.

II. Заместителем начальника генерального штаба:

Записка с изложением данных о получении итальянским военным министерством копий совершенно секретных документов со сведениями о военных предположениях Австрии на случай столкновения с Италией, из которой видно:

1) Что эта продажа, совершенная кем-либо из состава австрийских военных канцелярий, совершенно секретных документов государственной важности является несомненной, так как находит подтверждение в переданном генеральным штабом из Италии содержании проданных документов.

2) Что борьба с государственной изменой, развивающейся в Австрии в последние годы, является тем более затруднительной, что злоупотребления совершаются не низшим персоналом канцелярий, а лицами, которым принадлежит руководящая роль в делах охранения государственных тайн.

3) Что назначение за выдачу государственных секретов хотя бы и квалифицированных наказаний не исключает возможности соблазна увеличивающимся в последнее время числом особенно заманчивых предложений.

4) Что одной из наиболее действительных мер борьбы следует признать установление взаимной поруки и ответственности среди лиц служебного состава канцелярий, ведающего секретными документами.

5) Что введение общей ответственности всего состава служащих за пропажу из данной канцелярии документов повлечет за собой более осторожное пользование секретными документами и вызовет взаимное интенсивное наблюдение среди служащих.

Совещание высказалось за принятие исключительных мер для ограждения государственных тайн, полагая, что определение характера мер борьбы должно быть предоставлено комиссии в составе высших представителей государства.

Генерал-майор Ломиовский.
Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

Выдержка из секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 10 февраля 1914 г. за № 133 [1]).

Начальнику генерального штаба.

В Германии в настоящее время исподволь начинают подготовлять войска и население к мысли о неизбежности столкновения с Россией.

Среди намеченных мер обращает на себя внимание популяризация этой мысли в ряде чтений на соответствующие темы в войсках и общественных аудиториях.

Верно. Генерального штаба полковник Самойло.

Секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 21 февраля 1914 г. № 185 [2]).

Доношу, что, по полученным во вверенном мне штабе агентурным сведениям, на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 4 февраля сего года, под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, были доложены следующие вопросы.

Начальником генерального штаба:

I. Записка, переданная германской военной канцелярией и заключающая предложение императора Вильгельма о желательности совместной с Австрией поверочной мобилизации крупных войсковых масс, как меры ответной на повторенное русским правительством задержание русских резервистов, подлежавших увольнению в 1913 году, из которой видно:

1) Что увеличение состава германских и австрийских войск до норм военного времени, как мера ответная на вторичное задержание русским правительством запасных нижних чинов, требуя больших материальных затрат, не отвечает австро-германским интересам ввиду возможной потребности в ближайшем будущем исключительного напряжения материальных сил государств.

2) Что быстрая поверочная мобилизация крупных войсковых масс, при условии непродолжительного пребывания всех призванных под знаменами, может иметь не меньшее демонстративное значение, чем принятое русским правительством продолжительное задержание запасных.

3) Что демонстративное впечатление ответной мобилизации может быть усилено:

а) одновременным производством ее в Австрии и Германии;

---

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 10. — Заголовок подлинника.
[2]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 6—8.

б) заключительным выполнением крупного учебного военного предположения;

в) сохранением в строжайшем секрете значения выполняемых мобилизационных мер.

4) Что в основу учебного военного предположения должны быть положены соображения, связанные с вероятной политической обстановкой при разрешении германским правительством вопроса о проливах.

5) Что одновременно с демонстративным назначением поверочной мобилизации германским военным министерством предположена строгая поверка действительной военной готовности мобилизуемых войск.

6) Что для учета в России впечатления, произведенного поверочной мобилизацией в Австрии и Германии, и возможных ответных мер должно быть подготовлено интенсивное наблюдение.

7) Что императором Вильгельмом будут сделаны окончательные распоряжения о подготовке соответствующих соображений для производства в Германии поверочной мобилизации по получении от австрийского правительства ответных соображений.

Начальник генерального штаба при этом отмечает, что инспектором государственных вооруженных сил эрцгерцогом Францем-Фердинандом высказано по изложенному вопросу мнение, солидарное с германской точкой зрения, вследствие чего им уже почти закончена подготовка соответствующих руководящих соображений.

Представитель департамента внешних сношений докладывает:

1) Что по получении 30 января от генерального штаба копии записки с предложениями германского императора министерством иностранных дел было составлено экстренное дипломатическое совещание, которое пришло к заключению:

а) что исполнение в настоящий политический момент поверочной мобилизации крупных войсковых масс с демонстративной в отношении России целью является, во всяком случае, небезопасным для сохранения в Европе общего политического равновесия;

б) что осуществление этой меры может окончательно утвердить у русского правительства уверенность в действительных намерениях германского правительства при разрешении вопроса о проливах;

в) что одновременное выполнение поверочной мобилизации Германией и Австрией может вызвать действительную мобилизацию в России, причем императором Францем-Иосифом при рассмотрении выписки из журнала экстренного дипломатического совещания 30 января было высказано солидарное мнение;

г) что, по указанию императора, содержание мнения экстренного дипломатического совещания передано германскому министерству иностранных дел и императорской военной канцелярии.

Совещание отметило:

1) Что выполнение поверочной мобилизации в Галиции, хотя бы с краткосрочным задержанием резервистов под знаменами, по общеизвестным политическим соображениям внутреннего характера, представляется совершенно невозможным.

2) Что, принимая во внимание тяжелое материальное положение большей части населения Галиции, сопряженные с производством по-

верочной мобилизации значительные расходы могут вызвать серьезные внутренние осложнения.

3) Что производство поверочной мобилизации в Галиции представляется также опасным и с точки зрения санитарной ввиду развивающейся во многих пунктах Галиции эпидемии тифа.

4) Что невозможность производства поверочной мобилизации в Галиции исключает вероятность создать исходное положение для операций, указанных германской императорской военной канцелярией.

5) Что практическое значение поверочной мобилизации при настоящей обстановке выразится исключительно во внезапном характере производства ее, а также поверкой действительной военной готовности мобилизуемых войск.

6) Что представление германскому императору высказанных совещанием соображений является, во всяком случае, необходимым.

II. Меморандум, переданный германской императорской военной канцелярией, по вопросу о замене командного состава береговых босфорских батарей германскими офицерами, из которого видно:

1) Что предположение германского правительства о замене на батареях проливов командного состава германскими офицерами, одновременно с перевооружением батарей пушками новейших типов, встретило в официальных турецких кругах настойчивые возражения несмотря на исключительно инструкторское значение предложенной турецкому военному министерству меры.

2) Что до настоящего времени турецким военным министерством дано согласие на назначение на каждое из 9-ти перевооружаемых укреплений по 1 офицеру младшего ранга и по два унтер-офицера, на срок не свыше 4-х месяцев.

3) Что ближайшей причиной несогласия на предложенную меру турецкие правящие круги выставляют опасение возможности серьезных осложнений с заинтересованными державами противоположного лагеря.

4) Что германский император, сопоставляя необходимость усиления обороноспособности босфорских укреплений с некоторыми политическими соображениями, выражает надежду, что вопрос о замене командного состава на береговых батареях проливов германскими офицерами тактичными, последовательными приемами главы военной миссии в Турции будет в непродолжительном времени приведен к благоприятному окончанию.

5) Что одновременное демонстративное выполнение Австрией и Германией поверочной мобилизации крупных войсковых масс может, несомненно, отвлечь внимание держав при выполнении Германией намеченной замены командного состава на береговых батареях германскими офицерами.

Начальник генерального штаба обращает внимание совещания, что «некоторые политические соображения императора германского», так же как и «исключительно инструкторское значение» предполагаемой замены командного состава на береговых батареях, не требуют пояснений.

Генерал-лейтенант [подпись].

Окружный генерал-квартирмейстер генерал-майор

Ломновский.

Старший адъютант ген. штаба полковник Духонин.

Копия секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 4 марта 1914 г. за № 234 [1]).

Начальнику генерального штаба.

Доношу, что, по полученным во вверенном мне штабе агентурным сведениям, на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 15 февраля сего года, под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, были доложены следующие вопросы.

I. Военным министром:

Изменения в плане нового снабжения в армии на галицийском театре, связанные с вызванными стихийными бедствиями 1913 года общим экономическим и продовольственным кризисами в Галиции, из которых видно:

1) Что недородом поражен в Галиции главным образом обширный район бассейна реки Сана, служивший источником снабжения продовольствием армии в период ее мобилизации и стратегического развертывания.

2) Что главными источниками снабжения войск продовольственными припасами в случае открытия военных действий на восточном фронте до осени 1914 года следует считать для войск, сосредоточиваемых в северной и центральной частях передового театра, гарантированные германским военным министерством комиссионные предложения германских военных поставщиков; в южной же его части — приобретение на комиссионных началах необходимых запасов в пределах Румынии.

3) Что выдача продовольственных субсидий наиболее пострадавшей части галицийского населения из постоянных военных запасов прекращена, вследствие:

а) неопределенного политического положения, поддерживаемого общим направлением германской политики;

б) возможности закупки припасов в размере не более 25% общей потребности.

4) Что, хотя польскими собственниками в Галиции и поддерживаются принятые на себя продовольственные обязательства, выполнение их в полном размере, по собранным негласным сведениям, все же является сомнительным.

5) Что временный переход к другим источникам продовольственного снабжения армии создает необходимость:

а) оборудования дополнительных временных пунктов для централизации доставляемых запасов;

б) изменения направлений и увеличения размеров продовольственных баз для армий;

в) выработки новых временных перевозочных соображений;

г) включения временных изменений в предположения для мобилизации как полевых, так и постоянных продовольственных учреждений.

6) Что давление германского военного министерства на австрийское правительство в сторону скорейшего разрешения вопроса об изменении плана полевого снабжения австрийской армии на галицийском

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 17—18.

театре, подкрепленное предложением гарантировать часть продовольственного обеспечения австрийской армии поставкой необходимых запасов германскими военными поставщиками, указывает на ближайшие агрессивные намерения германского правительства в отношении России.

Начальник генерального штаба отмечает при этом, что принятие гарантированного предложения германского военного министерства об обеспечении в случае открытия военных действий поставки большей части продовольственных запасов для австрийских армий германскими военными поставщиками является безусловно рискованным, лишая, с одной стороны, австрийские войска самостоятельности, с другой же, ставя конечные результаты кампании в исключительную зависимость от эгоистичных политических стремлений германского правительства.

Совещание отметило:

1) Что настойчивость, принятая германским правительством в проведении намеченной им политической программы, дает основание предполагать возможность неожиданного ближайшего вооруженного столкновения с Россией, что, в свою очередь, выдвигает разрешение вопроса о полевом снабжении армии на степень неотложности.

2) Что предложение германского военного министерства должно быть использовано безотлагательно для пополнения значительного количества недостающих в настоящее время военных запасов; что касается военного времени, то должны быть безотлагательно подготовлены источники снабжения австрийских армий, не ставящие их в исключительную зависимость от политических желаний германского императора.

3) Что является исключительно желательным согласование германским императором направления внешней государственной политики с временем общего разрешения в Галиции экономического и продовольственного кризисов, на что теперь же должно быть обращено внимание германской императорской военной канцелярии.

II. Представителем департамента внешних сношений:

Меморандум германской императорской военной канцелярии по вопросу об оказании германским правительством поддержки вновь избранному представителю династии автономного княжества албанского, из которого видно, что германским императором предположено:

1) Составление, впредь до наступления во вновь образованном княжестве полного внутреннего политического успокоения, княжеского военного экскорта из представителей германской армии.

2) Назначение в Албанию для образования и подготовки регулярной армии германского инструкторского состава на основаниях, одинаковых с принятыми для австрийских и итальянских инструкторов.

3) Предоставление начальнику германского инструкторского состава в Албании полномочий, однородных с предоставленными представителю германской военной миссии в Турции.

4) Назначение незначительного артиллерийского технического состава для формируемых при албанской армии складов оружия, военных запасов и подвижной оружейной мастерской.

Представитель департамента внешних сношений добавляет при этом, что итальянским правительством сделано настойчивое представление германскому министерству иностранных дел, содержащее на-

стойчивый протест против мер, предположенных германским императором и направленных к германизации Албании.

Начальник генерального штаба отмечает:

1) Необходимость настойчивой поддержки австрийским правительством итальянского протеста.

2) Подтверждающую[ся] достоверность имеющейся в распоряжении разведывательного бюро генерального штаба намеченной германским императором программы германизации балканских держав.

Совещание отметило:

1) Желательность подробного ознакомления с содержанием находящейся в распоряжении разведывательного бюро генерального штаба программы германизации балканских держав.

2) Полную невозможность, по понятным причинам, поддержки протеста, заявленного итальянским правительством.

3) Неожиданный, в высшей степени рассчитанный шаг германского правительства, направленный к обеспечению политического влияния в Албании, указывающий на выдающиеся дипломатические способности центра, руководящего внешней политикой Германии.

С подлинным верно. Генерального штаба полковник Самойло.

Секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 2 июня 1914 г. № 566 [1]).

Доношу, что по агентурным сведениям, полученным во вверенном мне штабе из достаточно верных источников, на совещании высших представителей военного ведомства, имевшем место в Вене 5 сего мая под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, были доложены следующие вопросы.

I. Представленные Бельгийским агентурным бюро:

1) Секретные соображения общей железнодорожной комиссии высшего румынского военного совета, касающиеся способов усиления провозоспособности приграничных румынских железных дорог.

2) Некоторые соображения, составляющие извлечения из предположения о военных путях войск III румынского корпуса, по данным отдела перевозки войск главного румынского генерального штаба.

3) Копия полученного германским посольством в Константинополе меморандума императорской германской военной канцелярии, содержащего мотивированное мнение императора Вильгельма о задачах Турции, сводящееся к направлению всей внешней политики Турции в сторону миролюбия.

4) Выдержки из протокола высшего государственного совещания в Берлине по албанскому вопросу, из которых видно, что совещанием принята санкционированная императором Вильгельмом точка зрения:

а) о безусловной необходимости проявления правителем Албании твердости и настойчивости в вопросе о сохранении престола за династией;

б) о возможности оказания при общей благоприятной политической обстановке помощи правителю Албании в этом вопросе.

Начальник генерального штаба указывает при этом представителю

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 13—14.

Бельгийского агентурного бюро на неотложность освещения вопросов:

1) О характере действительных политических отношений между Румынией и Сербией.

2) О характере и задачах происходившей в городе Киеве последней военной игры, хотя бы в отвлеченных указаниях, если не представляется возможности получить более подробные данные.

3) О вероятности задержания в русских войсках под знаменами по примеру предыдущих лет нижних чинов, подлежащих увольнению в запас в 1914 году.

Представитель Бельгийского агентурного бюро докладывает:

а) что работа в центральных румынских учреждениях не встречает затруднений вследствие неразборчивого назначения лиц, ведающих секретными документами и возможности их подкупа, а также ввиду отсутствия привычки к осторожности у служебного состава учреждений;

б) что работа облегчается также возможностью перлюстрации секретных документов во время пересылки их по почте;

в) что деятельность болгарской разведывательной агентуры в Румынии имеет некоторое развитие;

г) что успешность разведки в Румынии зависит исключительно от размеров денежных ассигнований.

II. Начальником генерального штаба:

1) Соображения, вызвавшие передачу Бельгийскому агентурному бюро новых задач по разведке, из которых видно:

а) что исполнение задачи по определению действительных политических отношений между Румынией и Сербией признано им срочным, вследствие указания министерства иностранных дел;

б) что необходимость получения хотя бы отвлеченных данных о характере и значении происходившей в Киеве военной игры вызывается предположением о внезапной организации, в виде ответной демонстрации, маневров непосредственно у русской границы; самое же производство таковых признается маловероятным ввиду нового миролюбивого направления германской политики;

в) что заблаговременное получение сведений о задержании под знаменами запасных в России срока службы 1914 года вызывается предположением выработать и принять в этом году ответные демонстративные меры.

2) Содержание работы офицера генерального штаба, командированного для разведки в Румынию. При этом начальник генерального штаба отмечает:

а) отличный общий характер работы и особенно выделяющуюся рекогносцировку группы укрепления у Фокшан;

б) желательность награждения императором офицера, представившего эту работу.

Совещание отметило:

а) отвлеченность данных о способах усиления провозоспособности приграничных румынских железных дорог;

б) важное значение данных о военных путях III румынского корпуса;

в) несомненность стремления германского правительства усыпить резким поворотом направления внешней турецкой политики политическое внимание держав Тройственного согласия;

г) несомненную эгоистичную скрытность, проявляемую в последнее время в отношении Австрии германскими политическими кругами, что находит безусловное подтверждение в несообщении австрийскому правительству точек зрения, принятых высшим государственным совещанием в Берлине по албанскому вопросу;

д) принципиальную возможность усиления денежных ассигнований на разведывательную работу в Румынии при условии успешности последней;

е) обоснованность доложенных начальником генерального штаба соображений в отношении освещения путем разведки переданных Бельгийскому агентурному бюро вопросов, а также о желательности награждения офицера, производившего разведку в Румынии.

Генерал-лейтенант [подпись].

Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

Секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 2 июня 1914 г. № 567 [1]).

Доношу, что во вверенном мне штабе из достоверных источников получены следующие агентурные сведения.

А. По данным венского агента:

1) Мнение австрийского совещания высших представителей военного ведомства 30 апреля о непоследовательности албанского правительства и двойственности агитационной политики держав в Албании, как о причинах, мешающих истинной оценке положения в Албании, справедливо лишь отчасти.

Главную путаницу в дело освещения современного состояния албанского вопроса вносит австрийская, итальянская и отчасти германская печать, освещающая факты каждая с точки зрения правительственных групп, выразительницей мнений которых она является. Можно с определенностью однако сказать, что действия Австрии и Италии в отношении небольшого албанского государства, где правовая государственная жизнь едва начала зажигаться, порождают среди населения смуту и неизбежные с нею кровопролития.

В отношении участия Германии в создании настоящего политического кризиса в Албании сказать что-либо трудно, так как германское правительство или держится выжидательной политики или же действует с присущей ему крайней осторожностью, выдвигая для активной политики Австрию или Турцию.

Во всяком случае, в ближайшем будущем назревает разрешение вопросов:

а) о сохранении албанской династией своего положения;

б) об австро-итальянских осложнениях, связанных с разрешением албанского вопроса;

в) о конечных домогательствах Австрии и Италии в албанском вопросе.

2) В настоящее время все важнейшие разведывательные организации, не исключая даже Бельгийского агентурного бюро, по поручению обслуживаемых ими правительств, прилагают все усилия для получения текста последнего австро-болгарского соглашения, но усилия их пока остаются безрезультатными.

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 15—17.

Б. По итальянским данным:

Из полученных агентурным путем от австрийского генерального штаба выдержек из переданной последнему германской императорской военной канцелярией копии политической записки по албанскому вопросу видно, что заинтересованная часть германских официальных кругов старается представить австрийскому правительству точку зрения держав Тройственного согласия на албанский вопрос в форме вдохновляемых Россией, но скрытых до более или менее выгодной политической обстановки агрессивных намерений.

Между тем, по имеющимся сведениям, настойчивость германского правительства, направленная к занятию, не стесняясь никакими средствами, руководящего положения в албанском вопросе, вытекает из следующих документально подтверждающихся стремлений:

а) к достижению наибольшего числа положений, связывающих австрийские интересы с германскими, что, при разнородности взглядов австрийских правящих кругов единственно обеспечивает, по мнению германского правительства, вероятность активной поддержки Германии со стороны Австрии при разрешении настойчиво подготовляемого вопроса о проливах;

б) к поддержанию широких надежд турецкого правительства на осуществление предположений его в отношении магометанского населения Албании, что, по мнению германской дипломатии, явится одним из облегчающих средств при достижении успеха в вопросе о проливах.

Занятая германским правительством официально выжидательная позиция в албанском вопросе является несомненным следствием невыясненного до сих пор действительного отношения государств Тройственного согласия к создавшемуся положению в Албании.

Попытки германских и австрийских разведывательных органов получить в России данные о действительной точке зрения русского правительства на создавшееся в Албании положение и на предполагаемые державами Тройственного согласия способы его разрешения потерпели неудачу, что заставило германское правительство попытаться выяснить этот вопрос путем разведки в Англии и Франции, полагая, что точка зрения правительства англійского и в особенности французского в этом отношении несомненно явится отражением взгляда русских политических кругов.

В то же время противоположность во многих случаях интересов Италии и Австрии в Албании, при наличности поддерживающего австрийские интересы вмешательства Германии, а также Турции, вдохновляемой широкими агрессивными надеждами, создает в составе держав Тройственного союза раскол в вопросе об отношении к создавшемуся в Албании положению: с одной стороны, остается обособленной Италия; противоположную ей группировку составляют Австрия и Германия со втянутой последней Турцией.

Не подлежит сомнению, что последствием стремления держав к упрочению в Албании начал, обеспечивающих противоположные политические интересы, является настоящее критическое положение в этой стране династии и всего мирного населения. Подтверждением этому служат следующие агентурные данные:

а) с полной достоверностью установлено, что переданные турецким правительством в половине апреля настоящего года Эссад-паше для

вооружения своих приверженцев 6 000 ружей с значительным запасом патронов к ним были германского происхождения в укупорке, запломбированной германским арсеналом;

б) с той же достоверностью устанавливаются периодические сношения Эссад-паши с руководящими представителями турецкого правительства через еженедельно посещавших Албанию доверенных лиц;

в) неоднократная передача австрийским и германским правительствами денежных субсидий представителям власти в Албании с требованием поддержки интересов этих держав в ущерб интересам Италии, что однако не приводилось в исполнение, так как суммы, предназначавшиеся для целей агитационных, обычно расхищались представителями албанского правительства, не доходя по назначению.

Не лишено интереса следующее мнение императора Вильгельма о личности принца Вида: «Для правителя Албании, государства, одновременно руководимого несколькими державами, нередко преследующими диаметрально противоположные интересы, излишек умственных дарований, порождающих стремление к самостоятельности, является опасным, причем положение принца Вида должно быть признано в этом смысле вне всякой опасности, так как, по отсутствию качеств, определяющих присутствие разума у человека, новый правитель Албании превзошел самые смелые ожидания».

В. По сведениям Любекского агентурного бюро:

Австрийская дипломатия, а вслед за ней и руководящие венские военные круги в значительной степени встревожены развивающимся дружеским отношением между Россией и Румынией.

Осложнения с Италией, близкое к разрыву охлаждение с Румынией создают в настоящее время лихорадочную работу австрийского генерального штаба.

План кампании Р, предусматривающий сосредоточение австрийских войск к румынской границе и последующие затем операции австрийских сил, не пользовался до последнего времени особенным вниманием. В настоящее время он деятельно пересматривается, дополняется и отчасти изменяется в некоторых менее существенных частях: основные положения этого плана остаются однако прежние, то-есть: сильное наблюдение с пассивной обороной со стороны румынской границы, противоположной русско-румынской границе, и интенсивное наступление по операционным направлениям, ведущим к столице Румынии, особенно энергичное и сильное на флангах.

В настоящее время в плане Р вносятся предположения:

а) об активном выступлении против Австрии одновременно с Румынией России;

б) о развитии военных действий против Румынии в союзе с Болгарией.

Этому последнему предположению, по словам хорошо осведомленных лиц, австрийским генеральным штабом придается особое значение, так как одним из важнейших пунктов последнего австро-болгарского соглашения является обязательство со стороны Австрии принять активное участие в случае необходимости в военных действиях Болгарии против Румынии.

В Болгарии мысль о реванше должна быть популярна, и несомненно, что австрийцы сумеют использовать эти чувства.

Генерал-лейтенант [подпись].

Секретный рапорт генерал-квартирмейстера Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 16 июня 1914 г. № 623 [1]).

Доношу, что вверенным мне штабом из достаточно верных источников получены следующие агентурные сведения.

Об Австро-Венгрии.

А. По данным венского агента:

I. В политических кругах Вены и Берлина вызывает оживленные толки последнее письмо императора Франца-Иосифа к императору Вильгельму, в котором автор откровенно заявляет, что охлаждение австро-румынских отношений является для него столько же неожиданным, сколько и непонятным, причем все попытки найти какое-нибудь объяснение этому охлаждению в австрийском дипломатическом ведомстве не выходят пока из пределов одних предположений, что и побудило императора Франца-Иосифа обратиться за разъяснениями к испытанному политическому опыту своего союзника.

Обращение императора за разъяснениями в Берлин оценивается австрийскими дипломатическими кругами, как обидное для дипломатии недоверие и как непоследовательность, ибо в разрешении вопросов внешней политики императором Францем-Иосифом поддерживалась последнее время точка зрения, слагавшаяся из мнений:

а) о недопустимости децентрализации дипломатической работы;

б) о необходимости облеченного широкими полномочиями объединяющего авторитета для успешного разрешения вопросов внешней политики;

в) о недопустимости участия в направлении австрийской дипломатической работы иностранных, хотя бы даже союзных влияний, а также влияний учреждений, составляющих непосредственные органы верховной власти, и отдельных лиц других ведомств;

г) о необходимости устранения от участия в дипломатической работе в особенности военной канцелярии наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и отдельных лиц руководящего состава австрийского военного министерства и германской императорской военной канцелярии, ибо самостоятельные выступления их в разрешении вопросов государственной политики до настоящего времени неизменно сопровождались осложнениями.

II. По последним агентурным данным, основной причиной охлаждения политических отношений Австрии и Румынии является заключение, вопреки данного австрийским правительством румынскому обещания, политического соглашения между Австрией и Болгарией, в значительной степени затрагивающего интересы Румынии. В то же время глава австрийского дипломатического ведомства граф Берхтольд считает, что одной из веских причин, вызвавших новый курс в румынской внешней политике, являются самостоятельные, конспиративные выступления эрцгерцога Франца-Фердинанда и генерала Конрада

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 18—21.

фон Хетцендорфа в пользу Болгарии за период последних болгаро-румынских осложнений.

III. В австрийских официальных кругах циркулирует слух, что русское правительство будто бы взяло на себя обязательство по финансированию крупного румынского займа на военные нужды.

Несомненно, что напряженное внимание австрийских и германских политических кругов доведено в настоящий момент неожиданным руссофильским направлением румынской политики до высшей степени, причем интерес дипломатических кабинетов этих держав к судьбе Албании, в ожидании вероятной новой группировки держав на европейском театре, в значительной степени понизился.

IV. По составленному австро-венгерским генеральным штабом проекту организации совместной с Болгарией разведывательной работы в Румынии:

1) Для ознакомления с характером и способами наблюдательной работы в Румынии, выработанными разведывательным бюро австро-венгерского генерального штаба, болгарским военным министерством командируются к 15 июня нового стиля 6 офицеров: 2 в разведывательное бюро генерального штаба и по 2 в штабы VII и XII армейских корпусов; командировка эта имеет характер неофициальный, и офицеры во время пребывания в Австрии обязаны быть в партикулярном платье.

2) Болгарским офицерам выдается ежемесячно австрийским генеральным штабом особое денежное пособие из сумм на непредвиденные расходы: командированным в разведывательное бюро генерального штаба по 250 крон и в штабы VII и XII корпусов по 180 крон, независимо от денежных отпусков болгарского военного министерства.

3) Срок командировки—четырехмесячный; втечение этого времени офицерам, командированным в разведывательное бюро генерального штаба, разрешается знакомиться и делать заметки и выписки из секретного материала, относящегося к России и могущего представлять интерес для болгарского правительства.

4) В случае успешности опыта совместной с Болгарией наблюдательной работы в Румынии предположено организовать на тех же основаниях работу в Сербии, причем в этом случае для практической подготовки в разведывательное бюро австрийского генерального штаба будет командировано 3 болгарских офицера.

5) Командированные в Австрию болгарские офицеры подробно ознакамливаются с находящимися в распоряжении австрийского генерального штаба секретными данными, относящимися к военно-статистическому и военно-географическому описаниям, устройству и мобилизации вооруженных сил и системе военно-инженерных фортификационных сооружений Румынии, при этом офицерам будут указаны по всем перечисленным отделам все пробелы работ, а также данные, требующие дополнительной разработки.

6) Находящийся до настоящего времени на румынской территории состав болгарской наблюдательной агентуры неудовлетворителен. Исключение составляет лицо, наблюдающее за районом Черноводских укреплений и зарегистрированное в австрийском генеральном штабе под литерой С. Это — бывший офицер румынской службы пионерных войск, исключенный из армии за ряд сомнительных поступков. Рабо-

та его об укреплениях, переданная в австрийский генеральный штаб, получила однако неодобрительную оценку.

Б. По данным итальянской разведывательной организации:

С значительными затруднениями и крупными затратами получена копия следующей конспективной собственноручной заметки императора Вильгельма, переданной германской императорской военной канцелярии в виде руководящего основания для составления ответного письма императору Францу-Иосифу:

«Несомненность сближения Румынии с руководящим центром славянской политики еще раз настойчиво подчеркивает необходимость удержания Италии в составе Тройственного союза. Для Австрии и Германии, составляющих основание Тройственного союза, сближение это выдвигает необходимость принятия ряда следующих мер:

1) Немедленного увеличения в Австрии состава вооруженных сил по намеченной уже в 1913 году программе.

2) Немедленного перехода к скорейшему выполнению Австрией намеченной в 1913 году программы усиления состава военного флота.

3) Необходимость безотлагательной подготовки австрийским генеральным штабом соображений, обеспечивающих быстрое и правильное сосредоточение австрийских войск к румынскому театру, принимая до известной степени в рассчет некоторые принятые на себя болгарским правительством обязательства в силу последнего австро-болгарского соглашения.

4) Немедленной организации постоянного интенсивного агентурного наблюдения за политической и военной жизнью Румынии на началах совместной работы австрийского и германского генеральных штабов.

5) Необходимость общего увеличения армий держав Тройственного союза до степени равновесия, в предположении участия Румынии в противоположной группировке держав.

6) Желательность общего увеличения морских вооруженных сил держав Тройственного союза до степени равновесия в предположении участия Румынии в противоположной группировке держав.

7) Желательность направления дипломатической работы в сторону достижения неизменного нейтралитета Румынии во всех случаях политических осложнений на европейском театре.

Привлечение меня моим маститым могущественным союзником к оценке значения русско-румынского сближения, являясь для меня, с одной стороны, подтверждением союзного доверия, с другой, ставит меня в условия, однородные с австрийской дипломатией, требуя личного участия в разрешении этого вопроса».

О Румынии.

I. О постановке резведывательной работы в румынском главном генеральном штабе агентом доставлены следующие данные:

1. Относящиеся до разведки вопросы находятся в ведении иностранного отдела главного генерального штаба, причем до последнего времени работе этой не придавалось особенного значения; состав заграничной агентуры был недостаточен по количеству и неудовлетворителен по качеству; денежные отпуски были ограничены до минимума.

В общем результат разведывательной работы Румынии — малоценный. Исключение составляют лишь несколько отдельных работ, выполненных офицерами румынской армии на болгарской территории в период сосредоточения румынских войск к болгарскому театру.

2) Втечение последних трех лет румынская агентура с незначительными изменениями в численном ее составе распределялась так: в районе VII и XII австрийских корпусов — 6 агентов; в России на всю пограничную с Румынией территорию 12—15 агентов и, сверх того, по два агента в Одессе и Кишеневе; в Болгарии 6—8 агентов, в период же болгаро-румынских осложнений 1913 года число это увеличивалось до 40 человек; в Турции и Сербии работа сводилась лишь к периодическому выполнению отдельных заданий.

3) Румынские агенты, за малым исключением, не имели необходимой подготовки и смотрели на разведку, как на случайный заработок; по своему происхождению большая часть — евреи.

В положительную сторону выделялись лишь работы двух болгарских офицеров в период болгаро-румынских осложнений и проданные румынскому генеральному штабу турецкими офицерами некоторые материалы турецкого военного министерства.

4) По демобилизации отношение румынского генерального штаба к ...[1]) разведки резко изменилось, и сама работа расширилась. В последнее время иностранным отделом генерального штаба приняты следующие меры:

а) увеличено вдвое ежегодное ассигнование на разведку;

б) делаются попытки к заключению постоянных связей и приобретению деятельных агентов в Вене;

в) приобретены постоянные связи в болгарском и турецком военных министерствах;

г) начата постепенная замена агентов, находящихся на австрийской и русской территориях, лицами, получившими соответствующую подготовку;

д) предполагается организация в ближайшем будущем при иностранном отделе генерального штаба курсов для лиц, предполагающих посвятить себя разведывательной работе.

II. Все части ясского гарнизона находятся в городе и, ввиду ежедневных проливных дождей, в лагерь еще не выступили.

В составе войсковых частей имеются запасные, отбывающие учебный сбор.

Офицеры последнего выпуска из частей ясского гарнизона командированы в стрелковую школу Шипотэ.

Окружный генерал-квартирмейстер генерал-майор [подпись].

Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

Секретный рапорт генерал-квартирмейстера Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 23 июня 1914 г. № 639[2]).

Доношу, что в штабе округа получены из разных источников следующие агентурные сведения.

---

[1]) В подлиннике неразборчиво.

[2]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 22—24.

А. По данным итальянской разведывательной организации:

1) Результатом обмена мнений между австрийским и германским генеральными штабами по вопросу об оказании помощи принцу Виду было безусловное отклонение отправления в Албанию десанта вследствие несомненного энергичного протеста других держав и принятие следующих предположений:

а) допустить сформирование на австрийской территории для оказания помощи принцу Виду отряда волонтеров;

б) включить в состав отряда волонтеров преимущественно офицеров и нижних чинов егерской и горной пехоты и горной артеллерии; остальных нижних чинов допустить исключительно из числа резервистов тех же родов оружия;

в) численность отряда волонтеров определить в 5 000 человек, отряду придать 12 горных орудий и 8 пулеметов;

г) во избежание протеста контролирующих держав, волонтеры снабжаются партикулярной одеждой защитного цвета; оружием и боевыми припасами они снабжаются попечением австрийского правительства одновременно с отправлением их к месту назначения;

д) перевозка отряда к месту назначения производится за счет австрийского правительства на частновладельческих кораблях.

Б. По данным Любекского агентурного бюро:

Император Вильгельм, получив окончательные сведения о состоявшемся политическом сближении между Россией и Румынией, с нескрываемым негодованием высказал, что «новое направление румынской политики тем более невыгодно для держав Тройственного союза, что в нем отсутствует определенность; многолетняя уверенность в абсолютном нейтралитете Румынии при различных политических группировках создала привычку игнорировать Румынию, как государство, обладающее вооруженной силой, при различных военных соображениях. Продумывая программу германской политики на Босфоре, я менее всего ожидал, что благодаря неосторожности австрийских политических выскочек мне придется считаться с новой противодействующей силой в лице достаточно сильной румынской армии. В настоящее время главнейшей задачей австрийской и германской дипломатии должно быть стремление к восстановлению с Румынией прежних отношений, обеспечивающих ее нейтралитет. Я склонен отчасти предполагать, что переход Румынии от политической инертности к настоящей жизненности может быть вызван указанием заинтересованных держав на мои предположения в отношении проливов. Во всяком случае, до выяснения характера окончательно занятой Румынией политической позиции, возможное в случае греко-турецкого столкновения прекращение жизненности турецкого государственного организма следует считать преждевременным».

Слова эти взяты из дневника официальной жизни императора Вильгельма, который ведется германской императорской военной канцелярией.

В. По данным венского агента:

I. Разведывательным бюро австрийского генерального штаба получены следующие агентурные сведения о свидании государя императора с румынским королем в Констанце:

1) Настроение среди населения следует считать искусственно подогретым румынскими властями в сторону руссофильства.

2) К числу наиболее действительных мер, предпринятых с целью привлечения общества и населения к участию в торжествах в Констанце, принадлежат, между прочим:

а) широкое и заблаговременное извещение населения о предстоящих торжествах;

б) желание, высказанное королем представителям высшего румынского общества, о необходимости участия румынской аристократии в торжествах;

в) льготы и удобства по проезду в Констанцу на торжества;

г) популярные чтения, организованные в войсках, о значении для Румынии сближения с Россией.

3) Главная масса торгового и промышленного населения Бухареста и других крупных центров Румынии, не будучи захвачена искусственной волной руссофильского течения, осталась индиферентной к событию.

4) В официальных кругах Румынии настойчиво говорят, что искреннее неподдельное удовольствие по поводу сближения с Россией заметно, главным образом, у короля и его приближенных. В день свидания королем было сказано окружающим: «Следующим после сегодняшнего счастливым днем для Констанцы будет закладка береговых батарей, носящих имя нашего могущественного гостя».

II. В австрийском генеральном штабе держится упорное мнение, что ближайшей причиной сближения между Россией и Румынией является удобно выбранный русской дипломатией момент для предложения реализовать заем на военные нужды.

Румыния, стремясь к участию в европейской политике наравне с другими первоклассными державами, находит, между прочим, неотложным принятие следующих мер:

а) увеличение военно-морских сил;

б) создание в Констанце укрепленного военного порта;

в) замену временных укреплений у Черноводы долговременными с новейшими типами артиллерийского вооружения.

III. Разведывательным бюро австрийского генерального штаба составляется доклад на основании агентурных данных, полученных от Бельгийского агентурного бюро и германского генерального штаба, о предположенной реорганизации русской артиллерии:

1) Осуществление реорганизации предположено начать с ноября.

2) Главным основанием реорганизации принято открытое сформирование отдельных артиллерийских единиц из скрытых в настоящее время в составе бригад кадров.

3) Вследствие увеличения состава артиллерийской бригады принята система децентрализации хозяйственного управления путем передачи исполнительного хозяйственного делопроизводства в артиллерийские дивизионы.

4) Состав артиллерийской бригады принят равным 6 дивизионам, из коих 3 полевых пушечных, 1 гаубичный, 1 резервный и 1 парковый, что, в общем, повышает численный состав офицеров и чиновников бригады до 127 человек.

5) Состав резервного артиллерийского дивизиона принят 3-батарейный, причем 2 батареи находятся в запряжке и 1 запасная батарея

без запряжки; с объявлением мобилизации резервный дивизион развертывается во второочередную полевую бригаду.

6) Парковый артиллерийский дивизион с объявлением мобилизации развертывается в парковую артиллерийскую бригаду.

Г. По данным галицийских агентов:

1) Эмиграция среди лиц призывного возраста в Галиции в сем году наблюдается в весьма слабой степени по сравнению с предыдущими годами, что объясняется отчасти крайне осторожной выдачей заграничных документов австрийскими властями, а также установкой штрафа с имущества, оставшегося после эмигранта, и с его родственников. Войтам и жандармским чинам, в районах коих не было эмигрантов из числа призывных, выдаются особые денежные премии.

2) Из пехотных полков XI корпуса командировано по 2 нижних чина из числа пионеров в Вайтцен на формирование 2-го железнодорожного полка.

Генерал-майор [подпись].

Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

II

Секретный рапорт военного агента в Германии полк. Базарова генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 16 января 1914 г. № 34 [1]).

Из вполне достоверного источника мною получены следующие сведения.

Германский кронпринц занимается в настоящее время в 3-м отделении большого генерального штаба. Он будет последовательно знакомиться с работою в различных отделениях генерального штаба. В каждом из них он будет изучать характер деятельности и материалы втечение от двух до четырех недель под непосредственным руководством соответствующего обер-квартирмейстера и под общим наблюдением начальника генерального штаба. Последний лично посвящает кронпринца в более серьезные вопросы военно-политического характера и государственной обороны. Кроме того нескольким офицерам генерального штаба поручено ознакомить кронпринца с новейшими кампаниями.

Генерального штаба полковник Базаров.

Секретный рапорт военного агента в Германии полк. Базарова генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 28 февраля 1914 г. № 136 [2]).

Немецкая пресса, как известно, отличается, если не враждебностью, то, во всяком случае, сдержанностью по отношению к России. Если можно насчитать немало органов, помимо даже ультра-радикальной и чисто еврейской прессы, всегда с радостью готовых использовать всякий удобный случай, чтобы подчеркнуть отсталость России и ее «echt russisch Zustände», то, наоборот, едва ли удастся найти хотя бы один печатный орган, который по отношению к России шел бы дальше снисходительного доброжелательства.

В частности, за прошлый 1913 год тон немецкой печати отнюдь нельзя было назвать враждебным России, несмотря на балканские события, на происходившее усиление армии, вызванное увеличением

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 9.
[2]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 19—30.

опасности с востока, и на тяжесть увеличивавшихся вследствие этого налогов.

Приезд государя императора в Берлин, юбилейные торжества столетия освобождения Германии при помощи главным образом русских штыков,— все это налагало на немецкую прессу некоторую нравственную обязанность быть особенно осторожной и по возможности корректной по отношению к России.

Но уже в конце прошлого и начале настоящего года можно было подметить некоторый поворот в немецкой прессе в сторону большей недоброжелательности по отношению к России, не переходившей однако границ, несколько меньшей сдержанности в нападках на нашу несговорчивость по некоторым вопросам внешней политики. Поэтому помещенная в «Kölnische Zeitung» от 2 марта (нов. ст.) статья под заглавием «Russland und Deutschland» и раздавшиеся вслед за ней по всему фронту немецкой прессы ожесточенные нападки по адресу России явились до некоторой степени неожиданностью и, во всяком случае, поразили резкостью своего тона.

Представляя при сем как вышеупомянутую статью кельнской газеты, так и более характерные статьи, появившиеся в других органах печати, считаю долгом дать сперва хотя бы краткие извлечения из них и остановиться затем на тех мотивах, которые, по различным данным и предположениям, могли вызвать столь воинственный выпад немецкой прессы против России.

Статья кельнской газеты появилась под видом корреспонденции из Петербурга, помеченной 24 февраля.

Не подписавший свою корреспонденцию автор указывает вначале на то, что «Россия, повидимому, настолько окрепла после унизительных поражений, постигших ее 10 лет тому назад, что уже рассчитывает на возможность в недалеком будущем снова заговорить прежним веским тоном среди остальных европейских держав. В данное однако время Россия еще не в состоянии подкрепить политические угрозы военной мощью. Вооружения России еще не закончены. Поэтому со стороны России пока не угрожает непосредственная опасность войны.

Совершенно иной представляется однако обстановка через 3—4 года, а именно к осени 1917 года.

К этому времени Россия будет располагать двумя эскадрами в Балтийском море (приводится состав их) и будет закончена подготовка морской базы от прусской до шведской границы. Кроме того Россия предприняла ряд шагов с целью вовлечь Швецию в сферу своего политического влияния, что должно было еще больше усилить положение ее в Балтийском море. Но Швеция поняла угрожавшую ей опасность, заключающуюся, главным образом, в стремлении России к незамерзающему порту на севере, и ответила усилением своей сухопутной границы.

Та же работа замечается в армии; через три года рассчитывают создать 5 новых корпусов со всеми резервными формированиями. Уже заготовляются в небывалом размере и не ожидая окончания постройки заводов внутри страны всякого рода боевые и другие припасы, и поспешно формируется тяжелая и осадная артиллерия. Только благодаря отсутствию последней, а не из человеколюбия, Россия не вступила весной 1913 года в пределы Австрии и Германии, где восточно-прусские форты-заставы представляют неодолимую, при отсутствии

тяжелой артиллерии, преграду для дальнейшего наступления русских армий. Отсутствие этой артиллерии и необходимых путей сообщений в тылу было особенно болезненно отмечено союзниками России, и поэтому они всеми силами настаивают на скорейшем заполнении этих крупных пробелов в подготовке своего союзника. Параллельно с этим в России принимаются меры к омоложению командного состава армии.

Если Пруссия оправилась через 6 лет после Иены, то нет ничего невозможного в том, что России удастся это сделать через 12 лет после постигшего ее погрома. Русская армия работала усердно, чтобы устранить обнаружившиеся в 1904 году недостатки.

Не следует также придавать преувеличенного значения всегда угрожающей России внутренней опасности. Только военные неудачи в непопулярной войне могут обратить эту опасность в действительно серьезную угрозу. Но русская пресса достаточно заботится о том, чтобы сделать войну против никогда не пользовавшихся в России любовью немцев возможно популярной.

Революция 1905 года могла рассчитывать на успех благодаря тому, что образованные классы симпатизировали ей больше, чем правительству. Эта, по русскому выражению, «интеллигенция» видит в Германии оплот реакции и поэтому ненавистнейшего своего врага. С другой стороны, образованные классы скомпрометировали себя своим поведением во время русско-японской войны, и правительственные круги относятся к ним подозрительно; поэтому, ведя пропаганду в пользу войны, они стараются себя реабилитировать, а толкая на войну с строго монархическим государством, рассчитывают одним ударом достигнуть двух целей. Кроме того, принимая во внимание, что многие из представителей этой интеллигенции — искренние националисты, отнюдь нельзя рассчитывать на то, что в случае войны с Германией они будут способствовать возникновению внутренних беспорядков.

Против кого же будет обращено спешно выковываемое оружие? Достаточно рассмотреть делаемые подготовления с географической точки зрения, чтобы убедиться, что они направлены против Германии. Впрочем теперь уже открыто осмеливаются говорить об этом даже в русской военной прессе. Невольно хочется указать на беспримерную неблагодарность, при сравнении благожелательного нейтралитета Германии 10 лет тому назад с несомненностью того факта, что даже уже теперь Россия заставила бы Германию, по меньшей мере, оставить сильную армию на своей восточной границе, если бы Германии пришлось вступить в вооруженную борьбу со своим западным соседом.

Весьма возможно, что через 3 года, когда настанет время заключать новый торговый договор, Россия станет делать нам затруднения международного характера.

Германия не сумела использовать своего положения непосредственно после японской войны, а между тем одним из главных аргументов для натравливания общественного мнения против Германии служит в России следующий: Германия, уверенная в наших неудачах, втянула нас в войну с Японией, а затем экономически унизила нас торговым договором 1904 года. Националистическая пресса, с «Новым временем» во главе, утверждает, что Германия преследует политику оттеснения России всюду, где бы политика последней ни носила сколько-нибудь экспансивный характер».

Далее в статье говорится о столыпинской аграрной политике, причем констатируется факт, что «образование класса крестьян-собственников идет довольно медленно и что поэтому еще далеко нельзя сказать, что требования и пожелания крестьянского сословия в настоящее время удовлетворены. Между тем скупленная Крестьянским банком земля почти полностью израсходована, и в скором времени вновь возникнет вопрос об отчуждении земель из состава громадных частных имений. Таким образом, кажущееся на первый взгляд парадоксом утверждение, что в России ощущается недостаток в крестьянской земле, оказывается в действительности верным. Этим-то и объясняется экспансивная политика России, поддерживаемая крупными землевладельцами, стремящимися отдалить время постановки неминуемого вопроса об ограничении размера частного землевладения. Это экстенсивное расходование земли еще втечение долгого времени будет влиять на внешнюю политику России и заставит ее расширять свои пределы прежде всего на Ближнем востоке, а именно до той преграды, которая в Персии и Турции поставлена ей Англией. В этих странах, как в фокусе, сходятся в настоящее время лучи русской внешней политики.

Для большинства русских со времени Берлинского конгресса не подлежит сомнению, что из-за, якобы, скрещивающихся в Константинополе русско-немецких интересов война между двумя этими государствами неизбежна. Сознание того, что ключ к Черному морю находится в чужих руках, вызывает в России тем более болезненное чувство, чем более развивается культура на южных ее окраинах и увеличивается вывоз к портам Черного моря. Поэтому не представляет особого труда сеять ненависть к тому, кто является, якобы, наиболее серьезным покровителем Турции.

Заинтересована ли однако Германия настолько в закрытии Дарданелл, чтобы платить за это возможностью сделать в России войну против Германии популярной? Не думаем. Во всяком случае, заинтересована менее, чем Англия, которая поставляет Турции военные суда и личный состав, что дает последней возможность с полной уверенностью на успех бороться с устарелым русским Черноморским флотом и во всякое время надежно запереть ему выход через Дарданеллы.

Препятствием для установления хороших отношений между Германией и Россией служит зависимость последней от Франции. Это снова доказал вопрос о назначении в Турцию генерала Сандерса. Не подлежит однако сомнению, что по крайней мере официальные сношения наши с Россией приобрели бы совершенно иную окраску, если бы русские господа знали, что отныне они не могут рассчитывать на постоянную предупредительность с немецкой стороны, а должны считаться с твердой волей довести до конца раз начатое дело, не обращая внимания на русскую нервозность и обидчивость. Последние впрочем в значительной степени не что иное как блэф... Так же как 10 лет тому назад блэфировали против Японии и затем вдруг, но слишком поздно, испугались, так это в настоящее время практикуется при всяком удобном случае по отношению к Германии. Но мы поняли, в чем дело. Сейчас нас стараются просто ослеплять, чтобы выгадать время для окончания вооружений. Подобного рода поведение русской дипломатии должно бы, наконец, разрушить легенду об исторической русско-немецкой дружбе. Помимо того, что подобные сентиментальные

изречения являются бессмыслицей в области политики, не следует упускать из виду, что обстоятельства совершенно изменились. Существовали когда-то хорошие русско-прусские отношения, но при совершенно иных условиях; к тому же в те времена русский монарх один имел решающий голос. Приурочивать эти отношения к современным условиям — нет никакого основания».

Статья кельнской газеты послужила сигналом для всей немецкой прессы, которая с редким единодушием подхватила затронутую тему, причем не нашлось ни одного голоса, который бы попытался серьезно оспаривать заявления кельнского органа. Заслуживает особого внимания, что даже такая большая и сравнительно независимая газета, как еврейско-социал-демократический «Berliner Tageblatt», всегда энергично восстающий против разрешения политических, экономических и других вопросов международного характера путем вооруженного столкновения, на этот раз отнюдь не безусловно отрицательно отнеслась к мысли о возможности предупредительной войны.

Ввиду представляемого статьей «Berliner Tageblatt's» интереса, позволю себе вкратце передать руководящие ее идеи.

Под заглавием статьи «Der russische Nachbar» редакция газеты делает заметку, что статья эта получена ею из «особого источника», и высказывает затем личное свое мнение, что благодаря изменчивости международных отношений вместо предупредительной войны, казавшейся иногда единственным разумным выходом из создавшейся обстановки, впоследствии находилось другое решение.

Автор самой статьи указывает в начале на то, что «после создания Германской империи Россия проявила намерение применять по отношению к Германии покровительственно-руководительный тон, характеризовавший до этого отношения ее к Пруссии. Однако Бисмарк несмотря на дружественные его отношения к России счел необходимым дать необходимый отпор русским притязаниям. Создание Тройственного союза преследовало однако исключительно мирные цели.

Австрия также старалась не нарушать корректной по отношению к России политики и доказала это тем, что во время Крымской кампании не ввела в пределы России сосредоточенной в Галиции армии, что имело бы последствием крушение русской империи.

Мирная, исполненная дружественных намерений, политика обоих центральных монархий отвечает настроению их народов. Утверждать, что в Берлине имеется стремящаяся к войне военная партия, значит заведомо искажать истину. Немецкий генеральный штаб ясно сознает все трудности войны против России, император до мозга костей миролюбив, народ желает лишь приобретать и пользоваться благами достигнутой культуры. То же следует сказать и об Австрии, которая должна считаться с тем, что при всякой войне в рядах ее будет немало одноплеменников и единомышленников внешнего ее врага.

Какова же политика России по отношению к дружественно расположенным к ней соседям? Со времени оказанной Александром II в 1870 году Вильгельму I услуги Россия не пошевельнула пальцем в пользу Германии, а тем более Австрии. Наоборот, как Берлин, так и Вена шаг за шагом уступали притязаниям России. Эта политика привела к самым плачевным результатам на Балканском полуострове, где место Турции заняли жизнеспособные молодые государства, в

большинстве враждебные Австро-Германии. Даже на Турцию и на Румынию нельзя больше рассчитывать с тою уверенностью, как раньше».

Далее автор статьи старается доказать двуличность России по отношению к Германии и Австрии и противопоставляет официальные корректные отношения неофициальным, враждебным, якобы, действиям и приемам некоторых заграничных русских дипломатов, консулов и военных агентов. «В особенности по отношению к Австрии Россия приняла такой образ действий, который с трудом может быть переносим этим государством, если оно не желает считать себя вассалом своего северного соседа. Но и Германии следует отдать себе ясный отчет в том, что отныне необходимо сказать: до этого предела и не дальше! Мы можем надеяться, что и у англичан спадет, наконец, завеса с глаз и что они сумеют правильно оценить миролюбие Германии и экспансивные стремления России. Петр и Екатерина двинули миролюбивый по природе русский народ на путь завоеваний; интересы высших слоев и сохранения самодержавия еще долго не дадут России возможности сойти с этого пути. Берлин и Вена должны поэтому быть готовыми ко всяким случайностям.

Бисмарк сказал, что предупредительная война похожа на самоубийство из боязни смерти. Однако можно себе представить случаи, когда государство, загнанное в тупик, сочтет долгом своего самосохранения не предоставлять противнику еще и выбор времени для нанесения последнего удара.

Для кого же выигрыш времени является более выгодным? В России — неимоверно быстро растущее народонаселение, на Западе же — уменьшение рождаемости; Россия экономически крепнет, строит железные дороги, крепости, в нее вливается почти неиссякаемый поток французских денег; с другой же стороны, разложение габсбургской монархии, отрицать которое не представляется более возможным.

Правительства Центральной Европы должны бы поэтому притти к сознанию, что мера возможных уступок переполнена. Каждому дальнейшему посягательству России должно быть противопоставлено абсолютное veto с твердым намерением, в крайнем случае, защитить свои права мечом. Такая политика может быть единственным залогом мира.

Какой бы смысл имели иначе наши вооружения? Кроме того, для Австрии содержание армии в 600 000 человек является почти невыносимым бременем. Все дорожает, население эмигрирует, в стране общее недовольство, растет общая задолженность. Неудивительно поэтому, что в Вене и Будапеште приходят к убеждению, что лучше конец со всеми его ужасами, чем бесконечный ужас. Новое беспокойство вселяют там слухи о предполагающейся в России пробной мобилизации, в связи с которой ожидают нового давления со стороны России. Поэтому в Австрии все больше останавливаются на мысли покончить с невыносимым положением путем войны.

Конечно, Россия не смела бы так бряцать оружием, если бы она не была совершенно уверена во французской помощи. Французская пресса неустанно заботится о том, чтобы гроза разразилась одновременно как на берегах Рейна, так и на берегах Вислы. Здесь тяжесть главного удара обрушится, конечно, на австрийскую армию. Относительно последней известно, что она хороша, вполне подготовлена и снабжена

всем необходимым лучше чем когда-либо. Но как в Австрии, так и в Германии следует еще обратить большое внимание на внутреннюю подготовку и спайку, с тем, чтобы и народные массы были подготовлены к войне масс.

Многие утверждают, что Россия непобедима и ссылаются при этом на пример Наполеона. Однако, не говоря уже об ошибках, сделанных этим великим полководцем в области подготовки кампании против России, не следует упускать из виду, что современное военное искусство располагает другими средствами для преодоления времени и пространства.

Неправильно также утверждение, что победа над Россией не может принести плодов. Народонаселение России далеко не однородно, а отдельные народности лишь поневоле признают себя русскими подданными. Да и в самой Великоруссии накопилось немало недовольства, легко могущего превратить поражение на поле битвы в общую катастрофу. Изречение о колоссе на глиняных ногах и сейчас еще вполне применимо к России. Поэтому нам не следует долее позволять себя блэфировать, и впредь мы не должны больше отступать перед русскими притязаниями, руководствуясь стремлением сохранить мир с Россией во что бы то ни стало».

В тот же день в вечернем номере этой же газеты появилась статья более спокойного характера. В ней отдается полная справедливость автору появившейся утром статьи, как в высшей степени опытному политику, только что вернувшемуся из Австрии. Однако на этот раз газета подчеркивает, что она категорически и при каких бы то ни было обстоятельствах отвергает самую идею предупредительной войны. Далее автор этой второй статьи признает русские вооружения вполне естественным последствием предпринимаемых в этой области другими государствами шагов. «После того как Россия оттянула часть своих сил с западной границы вглубь страны, чем естественно замедлила сосредоточение своей армии, Франция не упускала случая указывать своему союзнику на возникшую вследствие этого опасность и не остановилась теперь перед снабжением России 2½ миллиардами для спешного проведения мер к увеличению боевой ее готовности. Полученные Россией в феврале настоящего года первые 665 миллионов породили ту усиленную деятельность, которая вызвала, главным образом, в Австрии вполне понятную тревогу. Последняя проявилась однако лишь по получении сведений о предстоящей в России общей пробной мобилизации. Правда, русское правительство опровергло слухи об общей мобилизации, но этим самым оно удостоверило, что пробная мобилизация, хотя и в меньших размерах, ожидается в ближайшем будущем. При этом не следует забывать, что под прикрытием пробных мобилизаций 1912 и 1913 годов развилась тайно подготовленная в Петербурге балканская война и что эти мобилизации носили явный характер давления на западных соседей».

Далее автор статьи утверждает, что, казалось бы, нет оснований сомневаться в том, что «предстоящая мобилизация преследует лишь учебные цели, так как в данное время все более или менее острые вопросы на Ближнем востоке получили в достаточной мере удовлетворительное решение; с другой стороны, неизбежная на Балканах война едва ли вспыхнет ранее 2—3 лет. За последнее время возник однако один вопрос, вызвавший крайнее раздражение среди панславистов,—

посылка немецкой военной миссии в Константинополь. Не подлежит сомнению, что при этом были сделаны ошибки, а именно посылка миссии сопровождалась слишком большим шумом, ей было придано преувеличенное значение и т. п. Да и вообще не следует Германии слишком интимно связывать свою судьбу с Турцией. Однако начавшиеся в России чрезвычайно ожесточенные нападки по адресу Германии имели бы основание только в том случае, если бы в России когда-нибудь имелось твердое намерение при первом удобном случае захватить Константинополь. Если такое желание в настоящее время действительно существует, то можно истолковать русскую мобилизацию в том смысле, что Россия считается с возможностью близкого переворота в Турции и желает использовать это событие.

Одно остается несомненным, а именно, что славянский колосс приобрел поступательное движение и всюду наступает, а также, что, в связи с французским шовинизмом и деньгами, он становится серьезной опасностью для соседей. С другой стороны, однако ясно, что заинтересованное в стольких странах света государство, как Россия, и притом проявляющее всюду столь активную деятельность, может легко быть выброшено из взятого им курса и, увидя себя лицом к лицу с новым врагом, может быть принуждено искать и новых друзей. Германия должна лишь ясно отдавать себе отчет в том, чего она может и чего не может желать в своих отношениях к России. Она не может допустить дальнейшего ослабления Австрии, так как это принудило бы Германию к новому усилению своих собственных вооруженных сил; не может допустить посягательства России на независимость скандинавских государств; не может примириться и с тем, чтобы Россия делала дальнейшие препятствия к использованию германским народом плодородных земель Малой Азии. В этом отношении в Германии господствует редкое единство взглядов. Но в то же время все немцы сходятся в желании поддерживать и в будущем мирные отношения с Россией при условии, что она не посягнет на вышеприведенные жизненные интересы Германии».

В тот же день в газете «Berliner Lokal-Anzeiger» была помещена статья, в которой русские вооружения и другие принимаемые в России мероприятия военного характера признавались отнюдь не неожиданными и русская программа работ в этой области — хорошо известной в германских руководящих сферах. Но вместе с тем указывалось, что систематическая травля Германии со стороны русской прессы не может не переполнить чашу терпения немцев, и поэтому требование более определенного и твердого образа действий по отношению к России является вполне понятным и может только устранить опасность более крупного разрыва.

Появившиеся в других органах немецкой прессы аналогичные по духу статьи вызвали прежде всего довольно ощутительную панику на бирже. Неожиданность же этих выпадов серьезно встревожила общественное мнение, тем более, что видимых поводов к принятию прессой столь вызывающего по отношению к России тона не находилось.

Поэтому уже 10 марта во многих газетах появились краткие статьи успокоительного характера, комментарии же иностранной, в особенности французской и английской, прессы встретили в германской прессе энергичные возражения.

Характерной в этом отношении может быть названа заметка, помещенная в «Berliner Lokal-Anzeiger». В ней говорится, что ком-

петентное лицо обратило внимание газеты на два факта: полную гармонию в совместных работах России и Германии в армянском вопросе и неизменную решимость императора в назначенный день (т. е. 22 марта) отправиться на о. Корфу, что указывает на отсутствие даже самого незначительного облака на политическом горизонте.

«Следует еще и еще раз повторить,— говорит газета,— что дело идет лишь о споре между прессой обеих стран, к которому совершенно непричастны оба правительства. Самым обидным в этом споре является то обстоятельство, что он вызывает нескрываемое удовлетворение во французской прессе. Не подлежит сомнению, что в Париже постараются подлить масла в огонь. Это может повести к новому спору, а именно с французской прессой, и тогда не предвидится конца взаимным обвинениям. Поэтому немецкой прессе отнюдь не следует принимать участия в игре в мячики, которая может теперь начаться между русской и французской прессами,— это значило бы доставить им только удовольствие».

Избранное газетою или указанное ей средство, а именно обратить внимание на то, что тот или иной образ действий желателен Франции, до сих пор почти всегда достигал своей цели. Так случилось и на этот раз. Нападки германской прессы на Россию так же быстро и почти внезапно прекратились, как они возникли.

Невольно напрашивается вопрос, чем был вызван этот ожесточенный, но краткий по времени поход немецкой прессы против России, носивший характер вылазки для рекогносцировки сил и намерений противника.

Дать определенный и вполне достоверный ответ пока очень трудно.

Приведу ниже ряд объяснений, собранных мною из различных источников и отчасти приведенных уже в органах иностранной прессы.

1) Желание подготовить общественное мнение к предполагаемому внесению нового военного законопроекта, имеющего целью дальнейшее усиление германской армии или требующего крупных расходов на перевооружение.

Такого рода предположение основано на следующих соображениях. В настоящее время уже почти не подлежит сомнению, что денежные поступления по единовременному налогу на имущества (Wehrbeitrag), установленному для покрытия расходов, вызываемых последним увеличением германской армии, в значительной степени превысят ожидавшиеся на основании сделанных подсчетов доходы казны. Размер ожидаемого излишка пока определить нельзя; называют цифры от 300 до 700 миллионов марок. Как известно, единовременный налог этот должен поступить в три срока: первая треть — втечение апреля месяца настоящего года, вторая—к 15 февраля 1915 года и последняя треть — к 15 февраля 1916 года. Поэтому только в мае месяце сего года можно будет с достаточной степенью точности определить ожидаемый излишек. Естественно возникает вопрос: во-первых, будет ли налог взиматься в полном объеме даже в том случае, если после поступления первой трети выяснится наличность значительного излишка? Правда, в речи своей, сказанной в рейхстаге 25 июня 1913 г. (заседание № 169) статс-секретарь Кюн заявил, что он приветствует постановление бюджетной комиссии и вполне к нему присоединяется— не взимать с населения более, чем требуется на проведение в жизнь

законопроекта об усилении армии, и не увеличивать размера налога, если бы поступления по нему оказались ниже ожидаемых. Однако прежде всего заявление это было встречено рейхстагом смехом, т. е. явным недоверием; кроме того определенного постановления в этом смысле сделано не было. Поэтому можно с уверенностью сказать, что ожидаемый излишек не будет возвращен или прощен населению и что правительство примет все меры к тому, чтобы лишние сотни миллионов пошли на усиление сухопутных или морских вооруженных сил империи. При этом я считал бы долгом теперь же указать на то обстоятельство, что, насколько Англии выгодно, чтобы миллионы эти пошли не на усиление германского флота, а на сухопутные мероприятия, и что вследствие этого нам теперь же следует иметь в виду, что со стороны Англии могут быть приняты все зависящие от нее меры к тому, чтобы заставить Германию употребить излишек денежных поступлений на сухопутные вооружения,— настолько наши и французские интересы требуют как раз обратного.

На высказанное выше предположение о причине, заставившей германскую прессу в связи с этими соображениями выдвинуть непосредственно угрожающую опасность столкновения с Россией, можно однако возразить, что начатая кампания является в данном случае несколько преждевременной.

Что же касается объекта нового законопроекта, то, помимо неумолкающих требований Wehrverein's и его органов о формировании еще одного или двух корпусов за счет остающихся еще лишних пятых бригад, о сформировании отдельных кавалерийских дивизий, об усилении технических и обозных войск, следует отметить раздающиеся в немецкой прессе все громче голоса о неизбежности принятия в недалеком будущем автоматического ружья, переход к которому будто бы ожидается со дня на день во Франции.

2) Произвести давление на Австрию с целью заставить ее поспешить с проведением мероприятий по развитию ее вооруженных сил и увеличить размер этих мероприятий. Лучшим средством для этого признается выставление славянской и, в частности, русской опасности в связи с указанием на слабые стороны двуединой монархии. Такая тактика должна, кроме того, облегчить императору предстоящие при поездке его на Корфу переговоры по этому вопросу с стоящими во главе австрийского правительства лицами и самим императором Францем-Иосифом.

3) Произвести соответствующее впечатление на некоторые государства Балканского полуострова, в частности, на Румынию и Грецию, чтобы привести их к тому убеждению, что чрезмерно сильная Россия может вполне подчинить их своему влиянию и что поэтому желание сохранить полную независимость должно связать их политические интересы с таковыми Тройственного союза.

4) Наиболее правдоподобным является однако предположение, что внезапно выдвинутая немецкой прессой русская опасность преследовала цель оказать давление на Англию. Прежде всего, насколько известно, в англо-германских переговорах, как будто бы обещавших Германии достижение очень важных для нее результатов, за последнее время произошла некоторая заминка вследствие того, что англичане почувствовали некоторый страх перед возможностью зайти слишком далеко по тому пути соглашений с Германией, на который они всту-

пили. Поэтому оказалось необходимым произвести резкий толчек, чтобы сдвинуть колесо с мертвой точки. Кроме того, следует иметь в виду, что медленная, но систематическая работа немецкой дипломатии над ослаблением спаек Тройственного соглашения подсказывала целесообразность прибегнуть к неоднократно испытанному в истории приему, а именно указать Англии на угрожающую ее азиатским владениям опасность в случае, если России удастся совершенно оправиться от поражений, нанесенных ей в 1904 году и надолго ее ослабивших. В этом отношении особенно характерны соображения кельнской газеты. Подтверждением этого предположения может, между прочим, служить тот факт, что в кулуарах рейхстага держался слух, будто бы начатая германской прессой кампания инспирирована германским посольством в Лондоне.

5) Наконец, следует упомянуть о более прямых поводах к нападкам немецкой прессы на Россию. Таковыми, по мнению многих, является желание повлиять на заключение нового торгового договора нашего с Германией; возражением и в данном случае служило мнение, что открытая столь неожиданно и в столь резкой форме кампания является, во всяком случае, несколько преждевременной.

6) Не менее близким к истине следует признать объяснение, что нападки известной части русской прессы по адресу Германии, действительно, вызвали в последней или в известных слоях немецкого общества крайнее неудовольствие, тем более, что тон русской печати нередко чувствительно отражался на бирже. Поэтому явилась потребность найти средство, чтобы, рискуя даже опасностью произвести кратковременное, но сильное сотрясение, постараться изменить тон русской прессы, выставить опасность такого рода ее действий по отношению к Германии.

Несомненно, во всяком случае, одно, что происходящая в русской армии работа серьезно беспокоит не только Австрию, но и Германию и что путем угрозы предупредительной войной они надеются ослабить энергию этой работы, затянуть ее насколько возможно и поставить ей палки в колеса, хотя бы тем, что заставят нас прежде всего отказаться от производства пробной мобилизации в широких размерах.

Поэтому на самоуверенное заявление немецкой прессы, что русская печать, по меньшей мере, преждевременно взяла вызывающий по отношению к Германии тон и что Россия блэфирует, казалось бы, следует ответить спокойным и твердым «не запугаете». Вместе с тем, принимая во внимание, что, по словам даже немецкой прессы, выгадывание времени полезно именно нам, и отдавая себе ясный отчет в том, что Германия в настоящем году заканчивает, а на 75% фактически уже закончила, усиление своих вооруженных сил по законопроектам 1912 и 1913 годов, нам следует с полной поспешностью и энергией проводить в жизнь намеченные в отношении подготовки и усиления нашей армии и обороны страны мероприятия.

Работа эта должна однако производиться в полной тиши, чтобы напрасно не увеличивать тревоги наших соседей, имея в виду, что излишне повышенный тон нашей печати может только повредить делу, не говоря даже об опасности предупредительной войны, которая, повидимому, приобретает все больше сторонников, в особенности в Австрии.

Наконец, нельзя не считаться уже теперь с возможностью поступления в германскую казну значительных денежных превышений по единовременному военному налогу, а также и с тем обстоятельством, что всякий ненужный или преждевременный вызов по адресу Германии со стороны нашей прессы или внешней политики заставит Германию употребить эти сотни миллионов на усиление своей сухопутной обороны, тогда как нам следует принять все меры к тому, чтобы деньги эти были поглощены германским флотом.

В заключение приведу еще слова фельдмаршала фон-дер-Гольца, сказанные им по поводу возникшей в немецкой прессе против России кампании: «Все это клонится к новому свиданию нашего императора с русским царем».

Приложение: Вырезки из газет.

Генерального штаба полковник Базаров.

Секретный рапорт военного агента в Германии полк. Базарова генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 10 марта 1914 г. № 155 [1]).

В дополнение к рапорту моему от 28 февраля с. г. № 136 представляю еще нижеследующие сведения относительно возникшей в немецкой прессе против России и развития ее вооруженных сил кампании.

Привожу выдержки из более интересных статей, на основании которых можно сделать некоторые существенного характера выводы.

Газета «Kreuz-Zeitung» 12 марта с. г. более подробно, чем другие газеты, останавливается на впечатлении, произведенном во Франции вспыхнувшей между немецкой и русской прессами кампанией. Она констатирует факт, что во Франции не скрывают своего полного удовольствия по этому поводу. Причина этой радости будто бы вечный страх перед сильной Германией и плохо скрываемая неуверенность в собственных силах; кроме того беспокойство за прочность Тройственного соглашения, в особенности с тех пор, как началось явное заигрывание между Германией и Англией. Газета замечает, что на голос французской печати можно бы не обращать внимания, но затеянная французской национальной прессой игра слишком опасна.

Я счел необходимым остановиться на этой статье «Kreuz-Zeitung» ввиду того, что в Берлине одно время держались слухи, будто скрытые пружины внезапных нападок немецкой прессы на Россию находятся в Париже, где в настоящее время неустанно работают над вопросом об ускорении вооружений России.

В дальнейшем, т. е. начиная с 13 марта по новому стилю, руководящие органы немецкой прессы поместили краткие комментарии к появившимся, с одной стороны, в «Биржевых ведомостях» и в «России» и, с другой стороны, в официозной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» статьям. Основной идеей этих комментарий было стремление высказать, с одной стороны, полное одобрение успокоительным заявлениям «России» и немецкого официозного органа, с другой же стороны, смягчить, насколько возможно, энергичный тон статьи, помещенной в «Биржевых ведомостях» и напечатанной, по общему мнению немецкой прессы, с ведома или даже по указаниям русского военного министра. При этом немецкие газеты утверждали, что статья «Бирже-

[1]) ЦВИА, д. № 442—552, л.л. 38—45.

вых ведомостей» явилась полной неожиданностью для русского министерства иностранных дел, тем более, что до известной степени она будто бы находится в противоречии с официозным заявлением «России».

С тою же целью успокоить общественное мнение был использован помещенный в будапештской газете «Az-Est» разговор ее корреспондента с русским министром иностранных дел.

«Kölnische Zeitung», выступившая в авангарде произведенной против России вылазки, не упустила однако случая воспользоваться статьею «Биржевых ведомостей» как доказательством того, что приведенные ею сведения о враждебных Германии вооружениях России теперь вполне открыто подтверждаются самой русской прессой, а также, что дружественные отношения подчеркиваются только в официальных сношениях и официозных сообщениях.

Высказанная кельнской газетой мысль нашла себе сторонников и в некоторых других органах немецкой печати.

В связи с этим военные сотрудники многих газет поставили себе задачу разъяснить читателям сущность вооружений России.

Так, газета «Deutsche Tageszeitung» указывает на перемещение центра тяжести экспансивных стремлений русской политики после неудач на Дальнем Востоке в сторону Малой Азии и Балканского полуострова. Это вынудило Россию проявить усиленную деятельность в области подготовки возможного столкновения с двумя западными империями. С этим совпало возникновение марокканского вопроса, причем Германия упустила удобный случай раз навсегда покончить с своим западным врагом. С этого момента Франция и Россия спешат с боевой подготовкой своих вооруженных сил. Россия формирует 4 новых корпуса, из коих один на Кавказе; усиливает численность своей кавалерии и артиллерии; улучшает офицерский состав; реорганизует службу офицеров генерального штаба; вновь формируемые части располагаются первоначально на западной границе, но затем, в видах ускорения и обеспечения правильности мобилизации, часть их переводится внутрь империи; совершенствуется инженерная подготовка западной границы. Однако все эти меры далеко не удовлетворяют французов, и возникший по этому поводу между французским и русским генеральными штабами обмен мнений приводит, наконец, к тем необычайным мерам, которые решено провести в кратчайший срок при помощи французского капитала. Последнее вызвало в Германии ту тревогу, которая нашла отзвук в последних выступлениях немецкой печати.

Более тревожного характера сведения дает своим читателям газета «Germania». Она утверждает, что несмотря на все старания успокоить общественное мнение относительно характера и цели русских вооружений даже самым убежденным оптимистам не удается отрицать тех фактов, на которые указывали кельнская и другие газеты. Газета считает возможным сообщить еще новые несомненные данные. «На румынской границе также происходит сосредоточение русских войск. На прошлой неделе доставка частных грузов, а отчасти и пассажирское движение, были временами совершенно прекращены, так как железные дороги были заняты перевозкой войск и войсковых грузов. Подобные явления замечались вначале балканской войны и объ-

яснялись русским правительством производством пробной мобилизации. Только благодаря бдительности австрийского генерального штаба и верности Германии план России — раздавить Австрию — не удался. Теперь в России ожидается новая пробная мобилизация. Цель ее может заключаться только в подготовке наступательной войны против Австрии».

Та же газета в статье от 17 марта нового стиля обращает внимание на те цели, которые, якобы, будет преследовать нарождающийся русский флот как в ерном, так и в особенности и в Балтийском море, причем приводит выдержки из журнала «Армия и флот».

Наряду с подобного рода тревожными статьями, встречающимися преимущественно в органах шовинистской прессы, в большей части немецкой печати появился, как мною сказано было выше, ряд статей успокоительного характера. К таковым следует отнести статью газеты «Germanische Tageblatt» от 14 марта, в которой прежде всего опровергаются сведения о панике, вызванной будто бы в Восточной Пруссии внезапным появлением известных статей кельнской и других газет. Автор указывает на отсутствие какого бы то ни было повода к тревоге. «В настоящее время русские могут иметь враждебные намерения только против Турции; в нас они видят своих врагов, поскольку мы стоим им поперек дороги в этом вопросе. Но вопрос этот не настолько острый, чтобы опасаться непосредственных осложнений. Несколько лет тому назад война с Англией также признавалась неизбежной, а теперь на Немецком море господствует штиль».

Социал-демократический «Berliner Tageblatt», опасающийся, повидимому, как бы правительство не воспользовалось в своих целях столь раздуваемой газетами угрозой со стороны России, поместил 20 марта нового стиля статью, в которой старается уменьшить значение русских вооружений и поселить недоверие к принимаемым в России мерам по усилению армии и обороне страны.

«Надо строго различать, — говорит газета, — между обширными проектами на бумаге и тем, что приведено или приводится в исполнение. Работы по воссозданию русской армии после разгрома, постигшего ее в Азии, двигаются крайне медленно. Россия вооружается наравне с другими государствами, и несмотря на тайну, в которую до известной степени облекаются эти вооружения, для Берлина и Вены они, несомненно, не составляют секрета. Срок службы в армии, действительно, увеличен, но было бы ошибкою последовать этому примеру и Германии, как этого требуют некоторые. Следует также отметить предполагаемую «более основательную» подготовку почти необучаемых в России ландверистов. В этом отношении мы имеем большое преимущество перед Россией, и в каждый данный момент мы можем еще приступить к подготовке наших эрзатцрезервистов. Русская армия насчитывает сейчас 37 корпусов, но корпуса эти распределены по обширной территории этого государства, и на западной своей границе она никогда не будет иметь возможности сосредоточить более 27 корпусов и казачьих частей с Дона. Сосредоточение это потребует многих недель. Резервные дивизии России — числом около 30 — состоят только из пехоты и кавалерии. Они останутся внутри империи, так как на них будут возложены полицейские обязанности. В приграничных округах имеется всего лишь 16 корпусов, из коих на немецкой границе может быть сосредоточено не более 9 корпусов.

С этими данными не следует смешивать всего того, что находится только в проекте. О новых корпусах пока только говорят, а о том, что таких корпусов будет 5, известно только из алармистских статей некоторых немецких газет, так же как и о том, что уже приступлено к формированию 19 новых кавалерийских полков.

Когда говорят о вступлении русской армии в пределы приграничных немецких провинций и в Галицию, упускают из виду, что некоторые войсковые части по политическим соображениям не могут быть принимаемы во внимание. Ведь еще недавно польские полки и большое количество офицеров были переведены вглубь страны и в Сибирь, так как их считали ненадежными. При всем этом не следует забывать, что сейчас мы заканчиваем оборудование наших крепостей на восточном фронте за счет отпущенных на это 210 миллионов. Со времени манчжурского поражения вооружение русской армии улучшено. Однако в 15,2 сант. гаубицах пришлось разочароваться. Трехлинейная русская винтовка уступает немецкому ружью. Ополчение вооружено еще берданкой. Переход к автоматическому ружью потребует в России значительно большего времени, чем в Германии. Организация железнодорожных войск не соответствует потребностям перевозок по сосредоточению армии. Обозные войска по малочисленности своей далеко не могут обеспечить потребностей военного времени. Относительно интендантской части можно почерпнуть интересные данные из недавних процессов: гнилые сапоги, перегнутые подковы, дырявые патронные сумки и т. д.

Район сосредоточения несколько более обеспечен усовершенствованием крепостей, но не следует забывать, что в этой области многое было гнило. Железнодорожная сеть развивается, но существующие линии не дают еще права рассчитывать на возможность ведения быстрой наступательной войны. Финансовая подготовка к войне может считаться обеспеченной лишь до тех пор, пока Франция будет согласна и в состоянии снабжать свою союзницу деньгами. Моральные качества русской армии в достаточной степени ярко обрисованы таким тонким знатоком ее, как барон Теттау. — В общем русская опасность может стать серьезной угрозой, но только в весьма отдаленном будущем».

Газета «Berliner Börsen-Courier» делает даже нападки на свое правительство за то, что оно не сумело или не сочло нужным своевременно принять меры к прекращению разыгравшейся в прессе кампании и к успокоению общественного мнения. «Правительству кампания эта, повидимому, была до известной степени на руку: оно как бы хотело удостовериться в том, может ли оно рассчитывать на народ в случае возникновения действительной опасности. Может быть, также ему было приятно, что этим вспахивается земля для семян новых вооружений, которые через несколько лет пожелают возложить на плечи долготерпеливого народа. Во всяком случае, следует отметить, что столь безучастное отношение правительства к вызывающему крайнюю тревогу спору представляется нам весьма опасной игрой с огнем. Мы требуем, чтобы в будущем правительство наше не созерцало бездеятельно такие вспышки, а тушило бы огонь, пока пламя общественного возбуждения не выбросило наружу».

Если в предыдущей газете уже прозвучала беспокойная нотка опасения того, что германское правительство преднамеренно не бросилось сразу же тушить разгоравшийся в прессе огонь, рассчитывая извлечь из него некоторые для себя выгоды, то в целом ряде других органов

ясно высказываются и самые причины, по которым возникшая в прессе кампания могла оказаться выгодною германскому правительству. Газеты эти довольно открыто говорят, что одною из главных причин нападок на Россию было желание подготовить почву для нового законопроекта об усилении германской армии. Статьи этого характера заслуживают особого внимания.

«Не подлежит более сомнению,—говорит «Frankfurter Zeitung»,—что известная всем агитация в пользу отпуска новых кредитов на вооружения начала новую кампанию. «Wehrverein» и его сотрудники выставляют отсталость Германии в области государственной обороны страны. Требования их настолько несоразмерны, а тон настолько вызывающ, что они могут сделаться источником опасности для мира. Как и всегда, начинают с перечисления важных пробелов в организации наших вооруженных сил. В дальнейшем они указывают на настоятельную необходимость перевооружения артиллерии и усиления кавалерии. Стоимость всех этих безусловно, якобы, необходимых мер исчисляется уже в полмиллиарда марок. При этом совершенно открыто говорится о преимуществах наступательной войны и тех выгодах, которые представляют неожиданность и возможность предупредить противника. Задача эта возлагается на немецкую дипломатию, которая должна суметь своевременно довести дело до вооруженного конфликта. Генерал Бернгарди утверждает, что с 1915 года Германия должна будет считаться с вероятностью нападения со стороны Франции и что поэтому немецкой дипломатии предстоит задача подготовить наиболее выгодную для этой войны обстановку, которая, кроме того, дала бы возможность Германии вести наступательную войну при наиболее выгодных политических условиях. Вместе с тем принимаются все меры к тому, чтобы заставить замолчать тех, которые осмеливаются возвысить свой голос против войны и стремятся к мирному разрешению спорных вопросов. Шовинисты более чем когда-либо чувствуют твердую почву под ногами».

«Германский народ снова встревожен слухами о новом военном законопроекте,—говорит «Hamburger Echo» в статье от 15 марта нового стиля.—Правда, официозная «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» поспешила опровергнуть этот слух. Но прием этот слишком хорошо всем знаком. Многие в Германии глубоко убеждены в том, что новое усиление нашей армии грозит нам в самом недалеком будущем именно потому, что официозная газета это опровергает, и мы вполне разделяем это мнение. Следует теперь же считаться с тем, что уже в ближайшую сессию рейхстага будет внесен новый обширный законопроект об усилении армии. Существует многочисленная военная литература, которая усиленно старается подготовить почву для этого; весь сложный аппарат ее уже в полном ходу. В наше время следует быть готовым ко всяким неожиданностям. Война 1870 года была такою же неожиданностью. Объявление этой войны Наполеоном, вынужденным к нападению дипломатическим искусством Бисмарка, было похоже на удар молнии из голубого неба».

«Очень приятная перспектива», — заканчивает автор свою статью.

«Neue Badische Zeitung» старается еще успокоить своих читателей, утверждая, что слухи о новом военном законопроекте не заслуживают будто бы доверия. «Вооружения России за последнее время отнюдь не перешли границ того, что ожидалось и уже было известно,

поэтому возникшее в Германии беспокойство является совершенно непонятным. Вооружения России, за последнее время нисколько не скрываемые, наводят, впрочем, на мысль, что Россия намеревается оказать некоторое давление на Германию при заключении нового торгового договора и, может быть, кроме того, желает облегчить своей союзнице достижение каких-либо особых целей. Единомышленники «Wehrverein'a» однако не дремлют и уже стараются использовать медленно и вполне естественно развивающиеся вооружения России для своих целей. Во всяком случае, если бы в ближайшем будущем военным ведомством и были предъявлены новые требования на дальнейшее развитие нашей государственной обороны, то размер этих требований будет, вероятно, незначителен. Повидимому, ограничатся проведением некоторых мер по реорганизации нашей полевой артиллерии и по заполнению известных пробелов в развитии наших вооруженных сил на море. Во всяком случае, размер этих требований будет зависеть от результатов денежных поступлений по чрезвычайному военному налогу».

Более определенно высказывается в этом отношении газета « Hamburger Nachrichten».

«Появившиеся в некоторой части нашей прессы вполне определенные слухи о предстоящем внесении правительством нового законопроекта, имеющего предметом дальнейшее развитие наших вооруженных сил, были официально опровергнуты. Однако слухи не прекращаются, тем более, что подобного рода опровержениям никто больше не верит. В данном случае заявление официозной газеты заслуживает однако некоторого доверия по следующим соображениям. Заканчиваемое сейчас необычайное усиление нашей армии и инженерной обороны восточной нашей границы потребует еще некоторого времени, чтобы вполне окрепнуть; втечение нескольких лет у нас будет замечаться еще недостаток в офицерах и унтер-офицерах. Поэтому несмотря на настойчивые требования едва ли следует ожидать в ближайшем будущем формирования новых войсковых частей на восточной нашей границе, тем более, что осуществление подобных мероприятий встретило бы серьезные затруднения и с финансовой стороны ввиду только что произведенного страною необычайного денежного напряжения.

Вопрос приобретает однако совершенно иную окраску, если денежные поступления по единовременному денежному налогу значительно превысят ожидавшуюся первоначально сумму. Превышение это исчисляется не менее как в полмиллиарда марок. Между тем нет никаких определенных постановлений рейхстага, каким образом должен быть использован этот излишек. Во всяком случае, нельзя быть в претензии на правительство, если излишек этот будет употреблен, главным образом, на военные нужды, так как весь налог взимается для военных целей. Нельзя также отрицать того, что в области артиллерии нам остается сделать еще довольно много. Введение унитарного снаряда является лишь вопросом времени. Столь же необходимым представляется увеличение числа орудий для перекидной стрельбы. Ввиду многочисленности русской кавалерии нельзя будет также отказаться от усиления нашей кавалерии на восточной границе и от дальнейшего развития воздухоплавательных частей.

Тем не менее до выяснения результатов сбора военного налога нельзя думать о внесении нового военного законопроекта, который

должен находиться в строгой зависимости от размера излишка денежных поступлений по этому налогу. При соблюдении этого условия, с национальной точки зрения не может быть сделано возражений против дальнейшего усиления обороны нашей страны. Если бы при этих условиях рейхстаг отказал в требованиях военного ведомства, то не следовало бы останавливаться даже перед крайним средством, а именно перед роспуском его».

Приведенные мною выдержки из немецких газет показывают, что:

1) Неожиданно появившиеся в немецкой прессе ожесточенные нападки на Россию и на происходящее усиление ее военной мощи вызвали в Германии сильную тревогу, основанную на опасении перед возможностью искусственного создания правительствами Германии и Австрии такой политической обстановки, которая дала бы им возможность прибегнуть теперь же к предупредительной войне в целях не дать России времени, необходимого ей для выполнения обширного плана развития ее вооруженных сил при помощи французского капитала.

2) Вследствие возникшей без видимых причин в немецкой прессе кампании против России с явным преувеличением грозящей будто бы непосредственно со стороны России опасности, в широких кругах немецкого общества возникло вполне понятное опасение, что германское правительство преследует цель подготовить общественное мнение к предъявлению новых требований на развитие вооруженных сил государства.

3) Брошенный немецкой прессой по адресу России вызов и разгоревшаяся затем в прессе кампания, несомненно, послужили на пользу германскому правительству, так как значительная часть общества и прессы не только уже считаются с возможностью внесения правительством в ближайшем будущем нового военного законопроекта, но признают возможным и даже необходимым осуществить это мероприятие при условии, что потребные на осуществление его суммы не превзойдут размера того излишка, который получится от денежных поступлений по единовременному военному налогу.

Таким образом, нам следует считаться с тем почти уже несомненным фактом, что, как только определится хотя бы приблизительно размер излишка денежных поступлений по единовременному военному налогу, германские военное и морское ведомства приступят к спешной разработке новых законопроектов по усилению сухопутных и морских вооруженных сил государства. Ввиду же того, что о размерах этого излишка можно будет судить уже после поступления первой трети военного налога, — следовательно, в конце весны настоящего года,— есть полное основание предполагать, что новые законопроекты будут внесены уже в ближайшую сессию рейхстага, т. е. осенью 1914 года, с тем,чтобы проведение их в жизнь могло начаться уже в 1915 году.

Приложения: 33 вырезки из газет, мартовский номер журнала «Der Greif» и Frobenius, «Des Deutschen Reiches Schicksalsstunde».

Генерального штаба полковник Базаров.

Секретное отношение директора департамента полиции Брюн де Сент Ипполита на имя начальника генерального штаба ген. Янушкевича от 26 мая 1914 г. [1])

Милостивый государь,
Николай Николаевич.

По сведениям, полученным Плоцким губернским жандармским управлением, в настоящее время в Германии, как вообще, так и в особенности в приграничных с Россией местностях, господствует среди населения убеждение, что германское правительство, опасаясь быстро возрастающего военного могущества Российской империи, намерено в ближайшем будущем воспользоваться каким-либо незначительным предлогом для объявления России войны, так как в этом конфликте достижим успех Германии лишь в настоящее время, впоследствии же таковой станет уже, по мнению германских общественных кругов, невозможным.

По тем же сведениям, вопрос этот совершенно изъят из обсуждения германской прессы.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Брюн де Сент Ипполит.

Рапорт военного агента в Сербии полк. Артамонова в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба от 3 июня 1914 г. № 97. [2])

Как известно, на-днях греческое правительство предъявило турецкому правительству нечто вроде ультиматума, без определения однако срока, по истечении коего греки считали бы себя вынужденными начать военные действия.

Предъявив туркам ультиматум, греческое правительство через сербского посланника в Афинах сообщило сербскому правительству о своих действиях, предписав одновременно греческому посланнику в Белграде немедленно повидать председателя совета министров Н. Пашича и осведомиться о взглядах сербского правительства.

Н. Пашич, предварительно переговоривший с нашим посланником, сообщил греческому представителю следующее:

1) Греческое правительство, к сожалению, не сочло нужным предварительно предъявления ультиматума осведомиться о взглядах своих бывших союзников и заручиться их поддержкою.

2) После 3-х кампаний Сербия утомлена, истощена материально и в финансовом отношении, поэтому всякого рода осложнения, а тем более военные действия для нее крайне нежелательны, а в данном случае тем более, что вопрос о преследовании турками греков в Малой Азии является чисто греческим вопросом, не имеющим для союзных балканских государств важности; вопрос этот не находится в связи с постановлениями Бухарестского договора, сохранение коих в силе составляет прямой интерес Сербии и Румынии.

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 58.
[2]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 7—8. Рапорт опубликован в III т. «Международные отношения в эпоху империализма», стр. 335.

3) Наконец, ставя ультиматум, Греция далеко не исчерпала всех средств воздействия на Турцию; например, не обратилась к посредничеству великих сил, которые могли бы оказать известное давление на Турцию и воспрепятствовать дальнейшему преследованию греков.

Столь же неблагоприятно отнесся к греческому выступлению престолонаследник Александр. Неудовольствие его проявилось в колкой фразе, сказанной им представлявшемуся ему впервые по прибытии греческому военному агенту полковнику Влахопуло: «Ну, на этот раз вам придется драться серьезно»...

В военном министерстве мне сказали, что каких-либо мер в связи с греко-турецким конфликтом здесь не принимали; лишь генеральному штабу еще ранее указано иметь в виду возможность столкновения и разработать соответствующие мероприятия.

Как мне сообщил начальник общего военного отделения министерства полковник К. Смилянич, военная конвенция с Грецией налагает на договаривающиеся стороны обязанность принять участие в войне, если союзник будет атакован силами более чем одного государства. Таким образом, единоборство Турции с Грецией не вызывает вмешательства Сербии. Разумеется, часть сил в этом случае была бы мобилизована и расположена на юго-восточной границе в качестве обсервационного корпуса, в предупреждение всяких случайностей.

Но если бы одновременно с Турцией мобилизовала бы свои силы и Болгария, то Сербия, конечно, была бы вынуждена также произвести полную мобилизацию.

Генерального штаба полковник Артамонов.

Рапорт военного агента в Турции ген.-майора Леонтьева генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 14 июня 1914 г. № 196 [1]).

Как отдельными лицами, так и в печати неоднократно высказывалось мнение, что младотурецкий комитет принимает участие в албанской смуте.

События последнего времени подтверждают это предположение. Планомерное и настойчивое развитие действий инсургентов, и все с той же идейной целью — установить в Албании чисто мусульманский государственный режим, — могло иметь место только при поддержке извне.

Становится очень вероятным, что эта поддержка могла исходить прежде всего из Турции, где младотурецкий комитет поставил себе главной и ближайшей задачей подъем мусульманского самосознания и мусульманской солидарности как внутри страны, так и за ее пределами. Если работа в этом направлении идет в Индии, в Египте, а судя по некоторым данным и у нас в России, то трудно допустить, чтобы оставлена была вовсе без внимания только что отторгнутая от империи и на две трети мусульманская Албания.

Отдельный факт захвата турецкого офицера, пытавшегося поднять восстание в Албании, наделавший столько шума в свое время, может быть, не мог еще служить окончательным показателем действительного участия турецких правительственных кругов, но с тех пор

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л. л. 11—12.

факты умножились, и турецкий флаг сделался символом всего албанского движения.

В соответствии с успехом восстания изменился и тон турецкой прессы, и прежняя наружная незаинтересованность в отношении к албанским делам сменилась яркими проявлениями симпатии и сочувствия.

Если обратный захват Адрианополя сыграл в прошлом году громадную роль в мусульманском мире в смысле подъема религиозно-национальной гордости, в значительной степени изгладив из народного представления только что пережитые поражения, то как же должны будут отразиться на сознании мусульманских масс как в Турции, так и вне ее громкий и скандальный провал христианского государя, ставленника Европы, и замена его мусульманским князем или даже турецким принцем, посаженным на албанский престол волею мусульманского народа перед лицом международной эскадры, представительницы христианской Европы?

Не будет ли понят этот факт как неоспоримое и блистательное торжество мусульманства над зарвавшимися гяурами, посягнувшими на мусульманское достояние?

Кажется мне, что при таких условиях вопрос о том, удержится ли принц Вид у власти или нет, уже перестает быть вопросом только местным албанским и, как принято думать, затрагивающим более всего австро-итальянские интересы.

В более широкой постановке этот вопрос может получить громадное принципиальное значение и обратиться своим острием против всех тех государств, чьи интересы так или иначе сталкиваются с мусульманством, и прежде всего — России, как непосредственно граничащей с рядом мусульманских владений и насчитывающей в своих собственных пределах многие миллионы далеко еще не определившихся подданных мусульман.

Генерал-майор Леонтьев.

Из записной книжки архивиста

Николай Романов в первые дни мировой войны

Дипломатическая переписка, предшествовавшая объявлению войны и началу военных действий в 1914 г., заканчивается, как известно, личными телеграммами двух монархов: германского — Вильгельма II и русского — Николая II. В сущности эти телеграммы уже выходили за пределы дипломатических сношений. Они как бы и свидетельствовали о том, что обычные дипломатические средства исчерпаны и все зависит теперь только от самодержавной воли двух, наиболее могущественных, монархов Европы.

Смысл и характер дипломатической переписки, предшествовавшей военным действиям, в достаточной мере разоблачен. Каждая из воюющих сторон старалась переложить ответственность за войну на своего противника. Там, где требовалось участие в боевых действиях миллионных масс народа, в особенности в странах, где социал-демократические оппортунистические партии требовали от правительств непременного декорума для оправдания своей измены Интернационалу, — вопрос о том, кто виновен в войне, кто является «нападающей стороной», представлял огромную важность. Дипломатия каждой страны и создавала у себя такую внешнюю обстановку, при которой можно было бы внушить массам населения, не искушенным во внешней политике, что именно данная страна подверглась нападению и вынуждена обороняться против «коварного врага». Выступление монархов было завершительным средством такой маскировки.

Германский и русский монархи играли ту же игру, что и их министры. Лихорадочный обмен телеграммами, происходивший между Берлином и Царским Селом как раз в те дни, когда войска обеих сторон уже стягивались к границам, преследовал все ту же цель — обмана трудящихся масс, и еще, пожалуй, цель дополнительную и уже прямо военную: Николай стремился выиграть несколько дней для развертывания мобилизации русской армии, Вильгельм стремился эту мобилизацию затормозить.

Дневник Николая Романова за июль 1914 г. разоблачает лишний раз игру царского правительства перед войной. Царские министры и генералы, конечно, хорошо знали, что война предрешена. Все же генерал Янушкевич опасался, как бы в последний момент Николай Романов не струсил и не поколебался под нажимом Вильгельма и английского правительства и не согласился задержать мобилизацию. Известно, что были приняты меры для того, чтобы этого не последовало. Но такой опасности, как мы видим теперь из дневника, и не было. Николай Романов готовил войну с такой же решимостью, с такой же спокойной уверенностью, как и генералы Сухомлинов и Янушкевич. Он нисколько не колебался. Телеграфная переписка с Вильгельмом была необходимой ложью.

Эта переписка с внешней стороны проникнута величайшей тревогой. Николай Романов апеллирует к дружеским чувствам Вильгельма, просит его взять на себя посредничество для предотвращения величайшего «бедствия». Вильгельм соглашается взять на себя роль посредника между Россией и Австро-Венгрией, но требует, чтобы Николай приостановил мобилизацию. «По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления», — отвечает Николай, но «пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Я торжественно даю тебе в этом мое слово» [1]).

Николай Романов так же превосходно знал, что мобилизация означает начало войны, как Вильгельм знал, что всякая задержка мобилизации этой армии усиливает возможность сосредоточения глав-

---

[1]) «Международные отношения в эпоху империализма», т. V, стр. 289.

ных сил германской армии на французской границе. Мобилизация армий и была началом военных действий.

Вильгельм отвечал 30 (17) июля на телеграмму русского царя: «...Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предупредительные меры защиты. В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до крайних пределов. Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его..., если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии» [1]).

На эту телеграмму Николай Романов ответил не сразу в тот же день, а выждав несколько. В два часа 1 августа (19 июля) он телеграфировал: «Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т. е. что эти мероприятия не означают войны, и что мы будем продолжать переговоры на благо наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас». И далее Николай Романов выражает надежду, что «наша долгая испытанная дружба сумеет, с божьей помощью, предотвратить кровопролитие» [2]).

Вильгельм отвечал: «Немедленный, утвердительный ясный и недвусмысленный ответ твоего правительства — единственный путь, которым можно избегнуть неисчислимых бедствий. Пока я не получу этого ответа, я, увы, не могу обсуждать твоей телеграммы по существу. Во всяком случае я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам безусловно воздерживаться от малейшего нарушения наших границ» [3]).

Ответа на эту телеграмму не последовало. В тот же день Германия объявила войну России.

Читателю этой телеграфной переписки может показаться, что оба актера в исторической сцене последних предвоенных дней переживали величайшее волнение, жили в непрерывной тревоге, терзались мыслью об «ужасном бедствии», о «пролитии крови», что они только о том и думали, как бы предотвратить войну и сохранить мир. Переписка шла в величайшей спешке, телеграммы посылались и ночью. Корреспонденты старались напустить возможно больше пафоса в своих сочинениях. Действительно, телеграммы Вильгельма облегчили германской социал-демократии ее предательскую задачу. Выходило, что вся ответственность за войну падает на Николая Романова, а Вильгельм до последней минуты старался отвратить «ужасное бедствие». С другой стороны, телеграммы Николая Романова немедленно использовал Милюков, чтобы показать русской буржуазии, что единственный виновник войны это Вильгельм, а русский царь до последней минуты тщетно боролся с воинственными замыслами Германии.

Дневник Николая Романова теперь очень хорошо и выразительно дополняет картину телеграфной переписки описанием быта и нравов Царского Села в исторические дни. Дневник показывает нам, чем жил и чем на самом деле «волновался» Николай Романов в те самые дни, когда за его подписью посылались в Берлин телеграммы, проникнутые величайшей тревогой и патетическим стремлением к миру.

С внешней стороны записи в июле 1914 г. ничем не отличаются от обычных записей в другие месяцы и годы. Может показаться, что это дневник идиота — человека, ограниченность которого имеет патологические размеры. По стилю своему это скорее всего неофициальный гоффурьерский журнал, аккуратная запись того, как проводил день русский царь, кого принимал — без малейшей попытки дать представление об умственной деятельности, о настроениях.

И все же не это умственное убожество является наиболее примечательной чертой записи за июльские дни 1914 года. Нельзя сказать, что Николай Романов не понимал того, что происходит, что он был просто механическим орудием в руках более умных и более искусных поджигателей мировой войны. Если бы Николай Романов был просто идиотом, то полные тревоги телеграммы, которые он подписывал, все же нашли бы отражение в его настроениях, в его дневнике.

Дневник, напротив, поражает своим спокойствием, своей выдержкой. Он находится в прямой противоположности с официальными заявлениями русского царя в эти дни. Николай Романов превосходно понимал, что делает. Он уверенно и хладнокровно играл свою роль коронованного провокатора. Он немногословен в своем дневнике не потому, что не мог бы по убожеству своему написать что-либо путное в эти дни. Скрытность вообще была основной чертой натуры Николая Романова, — ее отмечают все писавшие о нем, знавшие его близко люди. Он был, конечно, ничтожеством, — не большим однако, чем другие вершители судеб царской России. В дневнике своем он разговаривал не больше, чем на прие-

[1]) «Международные отношения в эпоху империализма», т. V, стр. 300—301.
[2]) Там же, стр. 319.
[3]) Там же, стр. 340.

мах со своими министрами. У него однако было свое мнение по важнейшим вопросам внешней политики. Войну он готовил сознательно, в полной уверенности, что война нужна не только для царской России, но и ему лично—в интересах борьбы с революцией.

Вплоть до 25 (12) июля в дневнике совсем нет записей, говорящих о близости войны и ее подготовке. Николай Романов развлекается плаванием в шхерах, купаньем и игрой в теннис. Все это аккуратно отмечено в дневнике. Жизнь идет спокойно и размеренно, никаких тревог и отступлений от принятого придворного ритуала. А в это время после убийства в Сараеве весь мир уже был охвачен величайшей тревогой. О неизбежной войне кричат все газеты,—в том числе и русские буржуазные, — значит ли это, что Николай Романов действительно в эти дни беспечен, не замечает туч на горизонте? Нет, как раз в эти дни бывший царь читает массу бумаг, принимает президента французской республики,— того самого, которого история отметила кличкой «Пуанкаре-война». Теперь известно, о чем шли беседы во время визита главы французского правительства. Вопрос о войне был решен — уточнялись детали. К войне уверенно шли державы Тройственного союза—Австро-Венгрия и Германия; так же уверенно к ней шли Россия и Франция. Неясно еще было, когда и в какой форме выступит Англия. В дневнике обо всем этом нет ничего. Дело шло в налаженном порядке. Русский царь мог спокойно отдаваться игре в теннис.

Только с 25 (12) июля меняется несколько характер дневника. Начинают попадаться очень краткие политические сведения. Играл ли в этот день Николай Романов в теннис? Неизвестно. Зато известно, что у него «от 11 до 2 часов было совещание с 6 министрами по тому же вопросу о мерах предосторожности, которые нам следует принять». Это значит, что в ответ на сообщение об австрийской мобилизации было принято решение о мобилизации русских войск на австрийской границе. Это был исторический и в подлинном смысле слова роковой шаг, и он был предпринят Николаем Романовым в полной уверенности, в совершенном спокойствии. Ничто ни в этот день, ни в последующие не нарушило обычного хода жизни в Царском Селе. Николай Романов сделал решительный шаг к мировой войне точно так же, как если бы принимал шар партнера в теннисе.

В понедельник 27 (14) июля Николай Романов записал: «Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [видно, что] австрийцы, повидимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить». Это значит — брошенный мяч принят. Игра начата. Все идет, как было предусмотрено.

Следующий день во всем мире — это день исторической тревоги. Дипломаты еще не сказали своего последнего слова. Идет бешеная пляска нот, беготня послов во всех странах. Накапливаются материалы для будущих «белых», «оранжевых», «красных» книг, в которых дипломатия всех стран в ближайшее время будет оправдывать себя и взваливать всю вину на противника. Николай Романов, один из главнейших виновников мировой тревоги, в этот день как ни в чем не бывало... «поиграл в теннис». Он знал цену дипломатической возне. В этот день у него были генералы Сухомлинов и Янушкевич, которые об одном могли доложить с полной уверенностью: подготовительные военные меры уже предприняты и проходят успешно. Военную игру сорвать не удастся.

Тревога во всем мире принимает на следующий день 29 (16) июля характер паники. Так называемое «общественное мнение» отражает волну беспокойства, негодования широчайших масс, захваченных врасплох чудовищным заговором. Делаются последние отчаянные попытки сохранить мир. Со своей стороны, правительства усиливают обработку масс шовинистической ложью. Пытаясь показаться в роли миротворца, Вильгельм втягивает в эту игру и Николая Романова, у которого нет, впрочем, ни особой нужды, ни особой охоты заниматься комедиями мира перед холопствующей русской буржуазией. Он вынужден посылать телеграммы Вильгельму и отвечать на телеграммы. Это нарушает обычный порядок жизни, и Николай Романов отмечает с неудовольствием: «...День был необычайно беспокойный. Меня беспрерывно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом».

Много тревожились в эти дни Сазонов, Сухомлинов и Янушкевич. Они потом рассказывали, что помимо всего прочего их беспокоило и то, как бы Николай Романов не принял за чистую монету телеграмм Вильгельма: Янушкевич в последний момент снял у себя трубку с телефонного аппарата для того, чтобы не последовал вдруг приказ отменить мобилизацию.

Царю только то и было неприятно, что вызывали его к телефону, — он не любил говорить по телефону. А тревоги он никакой не испытывал. «Днем поиграл в теннис», — не забыл он отметить. Игра продолжалась, и все слова о «пролитии

крови» в телеграммах Вильгельму были чистейшим лицемерием. Монархи перебрасывались своими телеграммами, как игроки теннисными мячами. Война развертывалась последовательно и неукоснительно по заранее продуманным мобилизационным планам.

Следующие дни были спокойнее. А 31 (18) июля Николай Романов отмечает: «День простоял серый, такое же было и внутреннее настроение». Откуда была такая серость? В этот день Николай Романов давал Вильгельму «честное слово», что русские войска «не предпримут никаких вызывающих действий». Уже не по этой ли причине Николай Романов находился в этаком, совершенно для него необычном, элегическом настроении? Не показалось ли ему, что игра может быть сорвана? При всей уверенности русских генералов в том, что мобилизация означает непременно и войну, нельзя было исключать с абсолютной убежденностью и возможность приостановки военных действий. К тому же, все еще топталось на одном месте английское правительство, которому приходилось разыгрывать—в силу целого ряда причин — наиболее тонкую дипломатическую игру.

Серое настроение рассеялось в следующий день (1 авг.— 19 июля). Игры в теннис, повидимому, не было,— упомянуть о таких важных событиях Николай Романов не забывал. Но было другое важное событие. «После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию». А уж после этого узнал о том, что «Германия объявила нам войну». Казалось бы, после известного нам обмена горячими «миролюбивыми» телеграммами это должно вызвать крайнее огорчение, боль, тревогу,— ведь уж никак нельзя было избежать «пролития крови». Но именно этот день прошел замечательно безмятежно. Объявление войны Германией было принято Николаем, как мяч, брошенный противником по всем правилам игры. Русский царь волновался не больше, чем на теннисной площадке. Монархи швырялись жизнью миллионов, не испытывая от этого никакого волнения.

Впрочем, на другой день Николай Романов испытал некоторое волнение. В этот день он подписал манифест о войне с Германией. «Хороший день, в особенности в смысле подъема духа!». Игру в теннис пришлось, правда, отложить. Но несравненно занятнее была другая игра в этот день в Петербурге. Во дворце знатные дамы целовали руку Николаю Романову. Он выходил на балкон Зимнего дворца — впервые после 9 января 1905 г. Он видел перед собой на площади громадную толпу без панического страха перед ней. Это была толпа уличного сброда с Невского проспекта, толпа ошалевших от «патриотического» хмеля лавочников, чиновников, дворников и черносотенной студенческой молодежи. Для царя, который с 1905 г. сидел взаперти в своем царскосельском или петергофском дворце и панически боялся всякого «скопления», такой прием на площади был триумфом игрока.

В этот момент Николаю Романову казалось, вероятно, что он уже выиграл свою партию. Прежнее спокойствие возвращается в дневнике. Он не отмечает уже своих настроений. Они неизменно тверды и благодушны. На полях Бельгии, Австрии, Франции уже бушует война, уже льется кровь, одураченные массы уже бросились друг на друга... Николай Романов записывает в своем дневнике: «Погуляли вместе и нашли много грибов».

Война больше не мешает теннису.

Д. Заславский.

[1914 год] [1]).

1 июля. Вторник.

Встали рано. Пришлось читать и писать до самого отъезда. В 10 часов пошли в Кронштадт. Погода была душная и дождливая. Съехали в гавань и присутствовали на освящении нового огромного дока имени Алексея[2]). Когда была напущена вода, в док вошел крейсер «Рюрик». В час с ¼ прибыли на «Штандарт». После завтрака ушли в море. Погода поправилась. В 8¼ вечера стали на бочку на «рейде Штандарт». С нами пришли: «Полярная звезда» и пять миноносцев — «Войсковой», «Доброволец», «Москвитянин», «Эмир Бухарский» и «Финн». Воздух сделался чудесный, и запах гаря пропал. Вечером играл в кости.

2 июля. Среда.

Спал отлично и проснулся с таким радостным чувством быть на яхте в этом хорошем месте.

Около 10 часов поехал в байдарке с Граббе [3]) и Кирой Нарышкиным [4]) вокруг

---

[1]) Особый отдел Центр. истор. архива.— Текст дневника подготовил к печати А. А. Сергеев.

[2]) Алексей Николаевич (1904—1918), вел. кн., наследник, сын Николая Романова.

[3]) Граббе А. Н., ген.-майор свиты е. в., командир собств. е. в. конвоя.

[4]) Нарышкин Кирилл Ан. (1868—1924), ген.-майор свиты е. в., пом. начальника военно-походной канцелярии е. в.

Тухольма. Читал. Завтракали ген. Самсонов[1]) и все командиры судов. В 2 часа Фредерикс[2]) на миноносце «Финн» ушел в Петергоф. Съехал с детьми на берег и проиграл в теннис. Потом выкупался с офицерами на старом месте. Вечером поиграл в домино.

3 июля. Четверг.

Чудный, не особенно жаркий день с S бризом. Утром покатался с Ольгой[3]) и Татьяной[4]) в двойке. К завтракам начался обычный наряд шести офицеров от плавающих с нами судов.

Ночью прибыл на яхту на миноносце «Финн» художник Ткаченко[5]). В 2½ ч. съехал с другими на Падио и сделал хорошую прогулку. Затем переехал к месту Алексея и выкупался отлично.

После чая читал и подписывал присланные ночью бумаги. Вечером—кости, Зеленецкий[6]), Злебов[7]) и Неверовский[8]).

4 июля. Пятница.

Ночью дуло и утром перепадал дождь. До завтрака сидел на яхте.

В 12 часов принял генерал-губернатора Зейна[9]). Съехал в 2½ ч. с гуляющими у телеграфной станции и пошел по дороге к деревне и затем назад к месту Алексея. Отлично купались. После чая с разных сторон пошли грозы, продолжавшиеся до полночи с перерывами. Молнии были замечательные. Поиграл в домино.

5 июля. Суббота.

Простоял отличный день. Сделал большую прогулку втроем в байдарках. После завтрака простились с Бутаковым, который переведен старшим офицером на «Царевну». Съехали и гуляли на Тухольме. Купался. В 6 ч. 45 м. на юте была всенощная. Приехал фельдъегерь и привез массу бумаг.

После обеда читал и затем не выдержал и поиграл в домино.

6 июля. Воскресение.

Погода с утра стала ясная и прохладнее последних дней. В 10 часов снялись с бочки и пошли в Кронштадт.

В пути была отслужена обедница. После завтрака дочитывал вчерашние бумаги. На Большом рейде прошли вдоль бригады крейсеров, здоровался с командами. В 3½ часа съехали со «Штандарта» на «Александрию» и пошли в Петергоф. Во время чая видели яхту, идущую в Петербург. Читал, гулял и купался в море. Обедали: тетя Ольга[1]) и Татьяна Константиновна[2]). Потом приехали Ольга[3]) и Петя[4]).

7 июля. Понедельник.

Утром без конца принимал. После доклада Григоровича[5]) поехал в 12 часов на пристань и осмотрел новую радиотелеграфную станцию. Пошел на «Александрии» в Кронштадт и завтракал в пути. Перед уходом был ливень с грозой; затем погода поправилась. Ровно в два часа на Малый рейд вошла французская эскадра в составе броненосца «France», «Jean Bart» и двух миноносцев.

Григорович привез президента Пуанкаре на яхту; после взаимного представления свит пошли в Петергоф. Салюты не прекращались. На пристани все великие князья, свита и дивный почетный караул от Гвардейского экипажа. С конвоем привез его во дворец, где стоял отличный почетный караул от Енисейского полка. Через ¼ часа приехала Аликс[6]) с Ольгой и Татьяной. Она приняла Пуанкаре и затем вернулись вместе домой в 4 часа. Погулял с Татьяной; посетили Дмит-

---

[1]) Вероятно, Самсонов, А. В. (1859 — 1914), ген.-от-кав., туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа, войсковой наказный атаман Семиреченского казачьего войска; в начале мировой войны командовал 1 армией и погиб при разгроме ее под Сольдау.

[2]) Фредерикс, В. Б., граф (1838—1919), министр имп. двора и уделов.

[3]) Ольга Николаевна (1895—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[4]) Татьяна Николаевна (1897—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[5]) Ткаченко, М. С., художник-маринист.

[6]) Зеленецкий, Р. Д., кап. 1 р., командир имп. яхты «Штандарт».

[7]) Злебов, С. В., кап. 1 р., инженер-механик имп. яхты «Штандарт».

[8]) Вероятно, офицер имп. яхты «Штандарт».

[9]) Зейн, Ф. А. (1862—1918), ген.-лейт. финляндский генерал-губернатор.

[1]) Ольга Константиновна (1851—1926), вдова греческого короля Георга I.

[2]) Татьяна Константиновна, дочь вел. кн. Константина Константиновича, жена кн. К. А. Багратион-Мухранского.

[3]) Ольга Александровна, сестра Николая Романова, жена принца Петра Ал. Ольденбургского; в 1916 г. развелась с ним и вышла замуж за его адъютанта Н. А. Куликовского.

[4]) Петр Александрович, принц Ольденбургский, ген.-майор свиты е. в.

[5]) Григорович, Н. К., ген.-адм., морской министр.

[6]) Александра Федоровна (1872—1918), имп., жена Николая Романова.

рия[1]). Пили чай с Н. П. Саблиным[2]) (деж.). Читал. В 7½ ч. состоялся парадный обед с речами. После разговоров простились с добрым президентом и приехали к себе к 10 часам.

8 июля. Вторник.

Утром занимался до 10¼ ч. и поехал во дворец к Пуанкаре. Побеседовал до 11¼ ч.; он отправился на целый день в Петербург, а я к Английскому дворцу. Перед ним на лужайке были выстроены: рота и офицеры постоянного и переменного состава Стрелковой школы. 1 июля они праздновали 50-летие со времени командования анпапа[3]) стрелковою ротою Учебного пехотного баталиона. Принял парад и офицеров, снялся группою на лестнице и затем осмотрел во дворце модель памятника анпапа, сделанную Каноника. Вернулся домой в 12 ч. 45 м. с Дмитрием (деж.). Принял на ¼ часа Сухомлинова[4]). После завтрака поиграли в теннис. Читал. В 7½ ч. выкупался с Дмитрием. Он и Ольга обедали. Покатались в моторе. День простоял чудный. Только в 12½ ночи бедный Пуанкаре вернулся из города.

9 июля. Среда.

В 11 часов принял депутацию от моего румынского 5 Рошиорского полка. Она привезла всю форму полка и несколько альбомов от короля. В 11½ ч. Пуанкаре привез сам подарки для Аликс и детей. Поехал с ним во дворец; завтракали французские офицеры и румыны.

В 3 часа отправились поездом в Красное село. На станции почетный караул от Уланского ее величества и у дворца на шоссе от 12 гренадерского Астраханского полков. В 4 часа начался объезд лагеря при чудной погоде. Аликс ехала с Пуанкаре, Мари[5]) и Анастасией[6]). Войска выглядели замечательно бодрыми. После зори вернулся с президентом. В 7¼ ч. был большой обед у Николаши[1]), и Сганы[2]) в шатре. В 9½ ч. поехал с Пуанкаре, Ольгой и Татьяной в театр. Был хороший, не длинный спектакль. Закусывал с Аликс и дочерьми — в халатах.

10 июля. Четверг.

Поехал с Пуанкаре на смотр войскам, который начался с объезда в 10 часов. Он ехал с Аликс и Мари и Анастасией. Прохождение кончилось в 12¼ ч. Остался очень доволен. Завтрак был в Красносельской палатке. Днем сделалось очень жарко. Вернулись по железной дороге в 3 часа. Погулял, сильно потел и выкупался с наслаждением. С запада полезла большая туча; прошла гроза с ливнем как раз перед нашим уходом с Пуанкаре в Кронштадт.

В 7½ ч. переехали на новый броненосец «France», на юте которого был обед на 104 человека. Все прошло очень хорошо, и в 10 часов мы простились с президентом и пошли в Петергоф, куда прибыли в 11 часов штилем и с темнотою. Читал.

11 июля. Пятница.

Жара дошла до 24° в тени. Утром был занят до часа. Завтракал Багратион[2]) (дежурный). Погулял до 3¼ ч.; затем поехал с Ольгой и Татьяной в Красное. Принял кавалерийскую и воздухоплавательную офицерские школы перед большой столовой. Опоздал на скачки на полчаса. Обедал у кавалергардов и был в театре.

12 июля. Суббота.

В четверг вечером Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемы для независимого государства. Срок его истек сегодня в 6 часов дня. Очевидно, разговоры у нас везде только об этом. Утром поехал в Красное Село, и в 10 часов состоялся отличный смотр Астраханскому полку. От 11 часов до 12 часов у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, которые нам следует принять. Завтракал с офицерами Астраханского гренадерского полка. В 2½ поехал в лазарет тети Ми-

---

[1]) Дмитрий Павлович, вел. кн. штабс-ротмистр, флигель-адъютант; двоюродный брат Николая Романова; участник убийства Григ. Распутина 17 (30) декабря 1916 г.

[2]) Саблин, Н. П., кап. 1 р., флигель-адъютант, принадлежал к интимному кругу семьи Николая Романова.

[3]) Александр II (1818—1881), имп., дед Николая Романова.

[4]) Сухомлинов, В. А. (1848 — 1926), военный министр.

[5]) Мария Николаевна (1899—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[6]) Анастасия Николаевна (1901—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[1]) Николай Николаевич, вел. кн., ген.-ад., главнокомандующий войсками гвардии и Петерб. военного округа; с начала мировой войны до августа 1915 г. верховный главнокомандующий.

[2]) Анастасия Николаевна, жена вел. кн. Николая Николаевича, урожд. княжна Черногорская.

[3]) Багратион-Мухранский, К. А., кн., флигель-адъютант; зять вел. кн. Константина Константиновича.

хен [1]). Оттуда в военный госпиталь. Передал приз за лучшую стрельбу в кавалерии лейб-гвардии Гусарскому полку. Произвел смотр 9-му драгунскому и 12-му гусарскому Ахтырскому полкам. Все шефы присутствовали. В 6 час. было производство юнкеров перед столовой палаткой.

В 7 час. был обед офицерам обоих полков. После разговоров поехал с тремя старшими дочерьми в театр. Был длинный юбилейный спектакль по случаю его 50-летия. Вернулся в Петергоф в час с четвертью, а лег после 3-х час. из-за массы бумаг.

13 июля. Воскресенье.

Встал в 9 часов с проливным дождем. После обедни принял на ферме шталмейстера Мекленбург-Стрелицкого двора, приехавшего с извещением о кончине великого герцога. Он завтракал. Около 2 часов дождь окончился, и к вечеру погода прояснилась. Погулял с детьми и покатался в байдарке. Читал. Купался в море. Ольга Александровна обедала. Вечером сидели вместе.

14 июля. Понедельник.

Чудная погода продолжается. Утром погулял полчаса; затем принял Григоровича и в 12 час. Танеева [2]).

Завтракали одни. От 3 час. поиграли в теннис. В 6 час. принял Маклакова [3]). Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [4]) [видно, что] австрийцы, повидимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить. Весь вечер читал.

15 июля. Вторник.

Принял доклад Сухомлинова и Янушкевича [5]). Завтракали: Елена [6]) и Вера Черногорская [7]). В 2½ ч. принял в Большом дворце представителей съезда военного морского духовенства с отцом Шавельским [1]) во главе. Поиграл в теннис. В 5 час. поехали с дочерьми в Стрельну к тете Ольге и пили чай с ней и Митей [2]). В 8½ ч. принял Сазонова, который сообщил, что сегодня в полдень Австрия объявила войну Сербии. Обедали: Ольга и Арсеньев [3]) (дежурный). Читал и писал весь вечер.

16 июля. Среда.

Утром принял Горемыкина [4]). В 12¼ ч. произвел во дворце около ста корабельных гардемарин в мичманы. Днем поиграл в теннис; погода была чудная.

Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом.

Вечером читал и еще принял Татищева [5]), которого посылаю завтра в Берлин.

17 июля. Четверг.

Утром было поспокойнее в смысле занятий; принял Мамонтова [6]), Боткина [7]) из Лиссабона и командира Каспийского полка Искрицкого. После завтрака у меня были Сазонов и Татищев. Погулял один. Погода была теплая. В 6 час. принял гр. Фредерикса с Воейковым [8]), затем Нилова [9]). Выкупался с наслаждением в море. Обедала Ольга и с нею провели вечер.

18 июля. Пятница.

День простоял серый, такое же было и внутреннее настроение. В 11 час. на ферме состоялось заседание Совета министров. Вернулся домой к часу. После

---

[1]) Мария Павловна (старшая) (1854—1923), вдова вел. кн. Владимира Александровича, президент Академии художеств.

[2]) Танеев, А. С., главноуправляющий собств. е. и. в. канцелярией; отец А. А. Вырубовой, поклонницы Григ. Распутина.

[3]) Маклаков, Н. А. (1871—1918), министр внутренних дел.

[4]) Сазонов, С. Д., министр иностранных дел.

[5]) Янушкевич, Н. Н. (1868—1918), ген.-от-инф., начальник генер. штаба, с 20 июля 1914 г. до 25 августа 1915 г. начальник штаба верх. главнокомандующего.

[6]) Елена Петровна, урожд. принцесса сербская, жена кн. Иоанна Константиновича.

[7]) Вера, королевна черногорская.

[1]) Шавельский, Г. И., протопресвитер военного и морского духовенства.

[2]) Дмитрий Константинович (1860—1918), вел. князь, ген.-адъютант.

[3]) Арсеньев, Е. К., ком. кирасирского имп. Марии Федоровны полка, флигель-адъютант.

[4]) Горемыкин, И. Л. (1839 — 1917), председатель Совета министров.

[5]) Татищев, И. Л., гр., ген.-ад., в чине генерал-майора и звании свиты е. в. состоял при имп. Вильгельме II (1905 — 1914).

[6]) Мамонтов, В. И., главноуправляющий канцелярией е. и. в. по принятию прошений.

[7]) Боткин, П. С., посланник в Лиссабоне.

[8]) Воейков, В. Н., ген.-майор свиты е. в., дворцовый комендант.

[9]) Нилов, К. Д., ген.-ад., адмирал, флаг-капитан е. в.

завтрака принял германского посла [1]). Погулял с дочерьми. До обеда и вечером занимался.

19 июля. Суббота.

Утром были обычные доклады.

После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию. Поехал с Аликс в Дивеевскую обитель.

Погулял с детьми. В 6½ ч. поехали ко всенощной. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну. Обедали: Ольга Александровна, Дмитрий и Иоанн [2]) (дежурный) Вечером приехал английский посол Buchanan с телеграммой от Georgie [3]).

Долго составлял с ним вместе ответ. Потом видел еще Николашу и Фредерикса. Пил чай в 12¼ ч.

20 июля. Воскресенье.

Хороший день, в особенности в смысле подъема духа. В 11 ч. поехал с Мари и Анастасией к обедне. Завтракали одни. В 2¼ ч. отправились на «Александрии» в Петербург и на катере прямо в Зимний дворец. Подписал манифест об объявлении войны. Из Малахитовой прошли выходом в Николаевскую залу, посреди которой был прочитан манифест и затем отслужен молебен. Вся зала пела «Спаси, господи» и «Многая лета».

Сказал несколько слов. При возвращении дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа. Около 6 час. вышли на набережную и прошли к катеру чрез большую толпу и офицеров и публики. Вернулись в Петергоф в 7¼ ч. Вечер провели спокойно.

21 июля. Понедельник.

В 10 час. поехали вчетвером с Ольгой и Татьяной в Уланский полк. У собора был отслужен молебен. Офицеры и уланы прикладывались ко кресту и штандарту и затем целовали руку Аликс.

Пропустив полк, напутствовал его несколькими словами. Вернулись к себе в 11½ час. Принял Григоровича и Фредерикса. Завтракал и обедал Саблин (дежурный). Погулял с детьми. Погода стояла серая и ветренная. После чая принял Тимашева [1]) и затем занимался. Вечер был свободный.

22 июля. Вторник.

Вчера мама [2]) приехала в Копенгаген из Англии через Берлин. С 9½ до часа непрерывно принимал. Первым приехал Алек [3]), который с большими затруднениями возвратился из Гамбурга и едва доехал до границы.— Германия объявила войну Франции и направляет главный натиск на нее.

У меня были доклады: Горемыкина, Сухомлинова и Сазонова. Кирилл [4]) был дежурным.

23 июля. Среда.

Утром узнал добрую весть: Англия объявила войну Германии за то, что последняя напала на Францию и самым бесцеремонным образом нарушила нейтралитет Люксембурга и Бельгии.

Лучшим образом с внешней стороны для нас кампания не могла начаться. Принимал все утро и после завтрака до 4 час. Последним у меня был французский посол Палеолог, приехавший официально объявить о разрыве между Францией и Германией. Погулял с детьми. Мордвинов [5]) (дежурный) завтракал и обедал. Вечер был свободный.

24 июля. Четверг.

Сегодня Австрия, наконец, объявила нам войну. Теперь положение совершенно определилось. С 11½ ч. на ферме у меня происходило заседание Совета министров. Аликс утром ходила в город и вернулась с Викторией [6]) и Эллой [7]). Кроме них завтракали: Костя [8]) и Мавра [9]), только что вернув-

---

[1]) Пурталес, фон, Фридрих, граф, германский посол в России в 1907—1914 гг.

[2]) Иоанн Константинович, кн., сын вел. кн. Константина Константиновича, флигель-адъютант.

[3]) Георг V, английский король.

[1]) Тимашев, С. И. (1858—1920), министр торговли и промышленности.

[2]) Мария Федоровна, вдова им. Александра III.

[3]) Александр Петрович, принц Ольденбургский, ген.-ад., во время мировой войны верховный начальник санитарной и эвакуационной части.

[4]) Кирилл Владимирович, контр- адмирал свиты е. в.; нынешний бутафорский «император всероссийский» в эмиграции.

[5]) Мордвинов, А. А., полк., флигель-адъютант.

[6]) Виктория Федоровна, жена вел. кн. Кирилла Владимировича.

[7]) Елизавета Федоровна (1864—1918), вдова вел. кн. Сергея Александровича, убитого в 1905 г. в Москве с.-р. Иваном Каляевым.

[8]) Константин Константинович (1858—1915), вел. кн., ген.-ад., президент Академии наук, ген.-инспектор военно-учебных заведений.

[9]) Елизавета Маврикиевна, жена вел. кн. Константина Константиновича.

шиеся из Германии и тоже, как Алек, с трудом проехавшие через границу. Целый день шел теплый дождь. Погулял. Виктория и Элла обедали и затем уехали в город.

25 июля. Пятница.

Утром Аликс отправилась в город. День стоял чудный. Ольга Александровна завтракала со мною и младшими детьми. Погуляли вместе и нашли много грибов. Покатался до чая в Гатчине. Читал. Аликс вернулась в 7½ ч. У Аликс болела голова.

26 июля. Суббота.

В 9½ ч. пошел на «Дозорном» в город. Поехал в Зимний с Николашей. Принял членов Государственного совета и Думы. Затем у себя — Ильина[1]) по «Красному кресту» и Сухомлинова. Около 12 час. ушел с Эллой в Петергоф. Дул порядочный SW, но было тепло. Завтракал дома. Принял кн. Щербатова[2]). Погулял с детьми. После чая Элла простилась и уехала в Москву. Читал. Обедала Ольга. Все офицеры яхты провели у нас вечер.

27 июля. Воскресенье.

В 10½ ч. была обедня вследствие приезда доротой мамы в 12 ч. 36 м. сюда в Петергоф. Встречало все семейство, министры и свита. Был выставлен дивный почетный караул от Гвардейского экипажа. Мама приехала с Ксенией[3]), совершив 9-дневное путешествие из Англии на Берлин, откуда ее не пропустили к нашей границе, затем Копенгаген, чрез всю Швецию на Торнео и на С.-Петербург. Она совсем не устала и в таком же приподнятом настроении, как мы все. Завтракали и обедали в котэдже. Погулял с дочерьми. В 6 час. принял Николашу. Погода была отличная.

28 июля. Понедельник.

Посидел полчаса утром с мама. Принял: Григоровича и Кривошеина[4]). Завтракал Мордвинов (дежурный). Гулял с детьми и искал грибы.

Погода была очень теплая.

Мария Павловна[1]) пила у нас чай. Как всегда, Николаша был в 6 час. с кратким ежедневным докладом. Приехал Сандро[2]) из Крыма. Читал. Обедал и провел вечер с мама.

29 июля. Вторник.

27 июля наши 10-я и 11-я кавалерийские дивизии, перейдя границу, имели удачные дела с австрийскими войсками. Утром принял ген. Радко Дмитриева, покинувшего болгарскую службу и только что назначенного командиром 8-го армейского корпуса. Затем были Алек и Сухомлинов. Последним принял Сазонова. Завтракал Андрей[3]) (дежурный). Погулял с Татьяной и Анастасией. Было очень жарко. В 6 час. принял Николашу и после — Фредерикса. Читал. Обедал у мама; Аликс осталась дома из-за головной боли. Ночью прошла гроза.

30 июля. Среда.

Сегодня дорогому Алексею минуло десять лет. Утром принял Янушкевича и простился с ним. Опоздал к обедне с Аликс. Мама завтракала у нас. Долго гулял с детьми. Погода была отличная с свежим SW. После чая Николаша привез пулемет, взятый у немцев на границе у Эйдкунена. В 6 час. принял Щегловитова[4]). Обедал с мама, со всеми и Дмитрием Шереметевым[5]) (деж.). Читал и отвечал на телеграммы.

31 июля. Четверг.

Утром простился с Николашей, Петюшей[6]) и Кириллом, уезжающими ночью в армию. Съездил до 11 ч. к мама и затем принял Маклакова и Мамонтова. После завтрака — Горемыкина. Продолжал дуть SW, налетали шквалы с дождем. Погулял с детьми. Занимался спокойно до обеда. Вечер провел дома.

Два дня тому назад 7-я кавалерийская дивизия имела удачное дело за австрийской границей.

---

[1]) Ильин, А. А., председатель главного управления росс. отделения Красного креста.

[2]) Щербатов, Н. Б., главноуправляющий госуд. коннозаводством.

[3]) Ксения Александровна, сестра Николая Романова, жена вел. кн. Александра Михайловича.

[4]) Кривошеин, А. В. 1858—1923), главноуправляющий землеустройством и земледелием.

[1]) Мария Павловна (младшая), дочь вел. кн. Павла Александровича, была в замужестве за герцогом Зюдерманландским, с которым разошлась в марте 1914 г.

[2]) Александр Михайлович (1866—1933), вел кн., ген.-ад., адмирал, во время войны заведывал авиац. частью в действ. армии.

[3]) Андрей Владимирович, вел. кн., ген.-майор свиты е. в.

[4]) Щегловитов, И. Г. (1881—1918), министр юстиции.

[5]) Шереметев, Д. С., полк. Кавалергардского полка, флигель-адъютант.

[6]) Петр Николаевич, вел. кн., ген.-адъютант.

Борьба за рабочую печать накануне мировой войны

С напряженным вниманием царская жандармерия и охранка следили за быстро возраставшей, вопреки всем преградам, мощью пролетарской печати в годы подъема революционного движения, накануне империалистической войны. Это отношение жандармов к рабочей печати ярко иллюстрируется печатаемой ниже запиской петербургского охранного отделения в департамент полиции от 22 апреля 1914 г. в связи с двухлетним юбилеем первой рабочей большевистской газеты в Петербурге «Правды». Документ содержит описание ряда беспощадных репрессивных мер, предпринятых в этот момент жандармерией и охранкой, чтобы подавить и заглушить все более крепнувший голос пролетарской трибуны. Известно, как неотступно и напряженно изо дня в день за всеми переживаниями «Правды», «Пролетарской правды» и «Пути правды» следил вождь пролетариата Ленин, непосредственно руководивший их работой. Здесь публикуется выдержка из письма к В. И. Ленину (В. Ульянову) из Петербурга, сообщающая о росте пролетарской печати в цифрах ежедневного тиража газеты за период январь—февраль 1914 г. несмотря на затруднения, вызывавшиеся непрерывными штрафами и конфискациями газеты.

Рабочие массы центров и самых отдаленных углов царской России всеми доступными им средствами отстаивали свою пролетарскую печать и любимую свою газету «Правда». Эту готовность оказать всемерную поддержку в трудной борьбе с самодержавием выражают многочисленные письма рабочих ко дню юбилея «Правды». Несколько этих писем из числа перлюстрированных департаментом полиции и помещаются здесь.

Публикуемые перлюстрации хранятся в Архиве революции в Москве, в фонде департамента полиции за 1914 г., под №№ 492*, 106*, 294*, 301,* 63, 706*, 711*, 96, 460, 122 и 991*. Большая часть печатаемых здесь писем была написана в целях конспирации химическим составом.

В. Далаго.

Записка Петербургского охранного отделения на имя директора департамента полиции от 22 апреля 1914 г. № 8877 [1]).

22 сего апреля, в день 2-летнего юбилея со времени выхода в свет в Петербурге первой рабочей газеты «Правда», большевистского направления с.-д. партии, по директивам обоих партийных центров — большевиков и меньшевиков, должен был состояться «День рабочей печати», посвященный разъяснению рабочим значения этой печати и устройству среди рабочих денежных сборов в фонд обеспечения ныне существующих рабочих газет — большевистского направления «Путь правды» и меньшевистского направления — «Северная рабочая газета».

По этому поводу обе названные газеты вышли сегодня в увеличенном формате и с помещением портретов социалистических деятелей Маркса и Энгельса, а в «Северной рабочей газете» — Адлера, Геда, Каутского, Плеханова, Аксельрода и Чернышевского. Содержание газет посвящено развитию рабочего движения и истории рабочих газет.

В газете «Путь правды» помещены многочисленные приветствия с юбилейным днем рабочей печати, присланные от рабочих организаций из провинции и из-за границы, а также помещен длинный перечень мелких пожертвований, поступивших уже в контору газеты на образование означенного фонда от отдельных групп рабочих почти исключительно столичных фабрично-заводских и иных предприятий. Таких пожертвований 19 апреля поступило на 1059 руб., а за 20 апреля — 203 руб.

Призыв к рабочим о производстве пожертвований на рабочую печать был помещен в названной газете в течение ряда последних дней, и ныне, за производство сбора пожертвований на цели, противные государственному порядку и общественному спокойствию путем объявленного в газете «Путь правды» воззвания, редактор названной газеты крест. Константин Николаев Морозов приказом с.-петербургского градоначальника от сего 22 апреля, на основании обязательного постановления, подвергнут штрафу в размере 300 рублей с заменою арестом на 2 месяца. В сегодняшнем юбилейном № 67 той же газеты снова помещено воззвание следующего содержания: «Товарищи, сегодня, в день рабочей печати, отчисляйте свой однодневный заработок в «железный фонд» газеты «Путь правды».

Что же касается вышедшего сего числа № 60 «Северной рабочей газеты», то за его преступное содержание, постановлением С.-Петербургского комитета по делам печати, на этот номер наложен арест.

В целях пропаганды идеи пожертвований на поддержку рабочей печати на фабриках и заводах распространялись юбилейные №№ названных газет, открыт-

[1]) Архив революции, фонд деп. полиции, 4 дел., 1914 г., дело № 61, ч. 8.

ки с фотографическим снимком первой страницы «Путь правды» № 61, брошюра Максима Горького «Вездесущее».

Из числа лиц, занимавшихся доставкою означенных произведений рабочей печати на заводы и продажею их там рабочим, задержаны трое при нижеследующих обстоятельствах.

Крест. Костромской губ., Галичского уезда, Пречистенской вол., Иван Федоров Захаров, 25 лет, работающий в пушечной мастерской Путиловского завода, задержан в 7½ часов утра одним из сторожей во дворе около названной мастерской за то, что нес в мастерскую пачку газет и журналов, в которой оказалось: 68 экз. газеты «Путь правды» № 67, 50 экз. журнала «Металлист» № 6 от сего числа и 30 открытых писем с изображениями разных иностранных социалистических деятелей.

Мещанин гор. Кронштадта Михаил Михайлов Алексеев и крест. С.-Петербургской губ., Ямбургского уезда, Ястробинской волости, Федор Николаев Ефимов, 18 лет, задержаны в 12 час. дня постовым городовым I уч. Выборгской части Барминым, знак № 1960, на углу Симбирской и Тихвинской улиц за то, что несли предназначенные на разные заводы шесть пачек, в которых оказались: 314 экз. газеты «Путь правды» № 67, 166 экз. рассказа Максима Горького «Вездесущее», 104 экз. брошюры «К истории рабочей печати» и 267 открыток с фотографическим снимком первой страницы «Путь правды» № 61.

Михаил Алексеев и Иван Захаров оказались известными уже по делам отделения. Из них Алексеев был арестован 3 декабря 1905 года на собрании 1-го съезда [1]) рабочих депутатов, причем при задержании отказался себя назвать; возбужденное о нем при губернском жандармском управлении дознание было прекращено. Захарову за вредное в политическом отношении направление в 1912 году было воспрещено пребывание в С.-Петербурге, на основании п. 4, ст. 16 положения о мерах государственной охраны; ограничение это в 1913 году было отменено. Что же касается Федора Ефимова, то о нем ранее сего неблагоприятных сведений не поступало, и, по его показанию, он был нанят Алексеевым за 20 коп. для переноса означенных пачек в места по указанию Алексеева.

Ныне о названных трех лицах при отделении возбуждено расследование.

По поводу того же юбилейного дня рабочей печати сего числа в 10 небольших фабрично-заводских предприятиях в Нарвском и Выборгском районах с утра прекратили работы около 1800 чел. Сведения о каких-либо митингах и рабочих выступлениях на заводах сего числа не поступали, но на одном из заводов был найден экземпляр печатной прокламации от имени Петербургского комитета партии социалистов-революционеров с призывом ознаменовать день 1-го мая забастовками и выступлениями.

Того же числа апреля день рабочей печати в высших учебных заведениях был ознаменован сборами денег на рабочие газеты всех направлений: «Путь правды», «Северную рабочую газету» и «Мысль труда».

Полковник Попов.

Из перлюстрированных писем о распространении „Правды“:

С. Петербург. 10 марта 1914 г. В Краков, улица Любомирского, 51, В. Ульянову [1]).

[Тираж газеты «Путь правды» за январь—февраль 1914 г.].

Январь	22-го		№ 1 —	21 000
„	23-го	Конфискован.	№ 2 —	22 000
„	24-го		№ 3 —	22 400
„	25-го		№ 4 —	24 300
„	26-го		№ 5 —	24 700
„	28-го	Конфискован.	№ 6 —	20 009
„	29-го		№ 7 —	23 300
„	30-го	Конфискован.	№ 8 —	24 200
„	31-го		№ 9 —	22 600
Февраль	1-го	Конфискован.	№ 10 —	20 000
„	2-го		№ 11 —	26 000
„	4-го		№ 12 —	24 700
„	5-го		№ 13 —	24 800
„	6-го		№ 14 —	25 400
„	18-го		№ 15 —	24 700
„	19-го		№ 16 —	24 650
„	20-го		№ 17 —	25 600
„	21-го		№ 18 —	27 500
„	22-го		№ 19 —	26 700
„	23-го		№ 20 —	29 000
„	25-го		№ 21 —	26 500
„	26-го		№ 22 —	26 700
„	27-го		№ 23 —	26 250
„	28-го		№ 24 —	25 400
Март	1-го		№ 25 —	27 200
„	2-го		№ 26 —	29 700
„	4-го		№ 27 —	27 700
„	5-го		№ 28 —	26 900
„	6-го		№ 29 —	28 000
„	7-го	Конфискован.	№ 30 —	27 300
„	8 го		№ 31 —	26 500
			Всего	781 600

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Заголовки перлюстраций здесь и далее воспроизводятся по подлиннику.

Песочная. Брянск, 21 января 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию газеты «Пролетарская правда».

Мы, группа рабочих-марксистов Людиновского завода, горячо приветствуем нашу славную и дорогую защитницу газету «Пролетарская правда». Мы желаем ей быть маяком, освещающим и облегчающим наш тернистый путь к лучшему будущему. Мы видим, что путь ее есть путь наш. Мы видим, что наша рабочая газета может существовать только при поддержке самих же рабочих. И вот мы, собравшись в числе 11 человек, решили ежемесячно поддерживать материально нашу защитницу «Пролетарскую правду». Шлем в ее фонд 1 р. 43 к. Просим товарищей следовать нашему примеру.

Болград, Бессарабской губ., 12 февраля 1914 г., Николай Степанов Буланов (он же Баянов). В С.-Петербург, в контору газеты «Путь правды».

Приветствие газете «Путь правды» от группы рабочих г. Болграда Измаильского уезда.

И до нашего глухого городка, находящегося на окраине России, доходит слово русского сознательного рабочего, доходит рабочая газета, руководительница всех рабочих России. И нас, едва лишь теперь просыпающихся от долгой спячки, учит она, кто наш враг и кто друг, учит мужеству и стойкости, которой так много проявил русский рабочий. Большое спасибо за то посылаем нашей газете и желаем ей и впредь так же мужественно и стойко учить и руководить рабочим классом России. Посылаем в фонд газеты «Путь правды» шесть рублей 60 коп.

Оренбург. 15 февраля 1914 г. В С.-Петербург, в контору газеты «Путь правды».

Оренбург, железнодорожные мастерские.

В трудной повседневной борьбе горячо приветствуем родную нашу газету «Путь правды». Шлем в фонд ее от никелировщиков (3 чел.)—1 р. 19 к., слесарей вагонно-колесного цеха (10 чел.) — 1 р. 07 к., токарного цеха (15 чел.)—3 р. 24 к., кузнечного (3 чел.) — 2 р. 50 к. Итого — 8 руб.

Товарищи, у нас хотят отнять нашу газету, наше кровное детище. Одной ногой уже наступили на горло и душат. Неужели, мы товарищи, позволим погибнуть ей? Где тогда мы услышим могучее смелое пролетарское слово? Где будем набираться бодрости и энергии? Кто укажет нам правильный путь борьбы? Кто во-время разоблачит и предостережет нас от скрытых и явных врагов?... Кто отменным словом заклеймит предательство «друзей» пролетариата? Это сделает только рабочая, строго выдержанная марксистская газета «Путь правды». Ни одно пролетарское требование она не растеряла, не урезала и не разбавила водой. Под старым боевым знаменем она ведет настоящие батальоны сознательных пролетариев по пути к победе. Тяжелыми трудами и жертвами создали мы нашу жемчужину-газету. Поддерживать ее сборами, коллективной подпиской — наша прямая обязанность. «Освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих». Крепко запомните это, товарищи. Иного выхода нам нет. Только при этом условии бешеные атаки реакции будут бессильными задушить пролетарскую газету.

Архангельск. 30 марта 1914 г., П. В. Сергеев и А. С. Григорьев. В С.-Петербург, к члену Госуд. думы Чхеидзе.

В Архангельском уезде, где расположены лесопильные заводы числом 26 с рабочими населениями до 20 000 рабочих, исправником объявлено, чтобы ни один газетчик не появлялся с газетами, журналами, книгами, исключая буржуазной «Северное утро» и черносотенных изданий.

С действиями исправника солидарны губернские власти. Но рабочим нужны «Северная рабочая газета», «Путь правды» и другие с.-д. издания. Покупать же буржуйные и черносотенные издания не может быть и речи (среди 20 000 рабочих не продать и 10 экз.).

Газетчики, появившиеся с рабочими изданиями, рискуют быть формально арестованными. Были случаи.

Нашею конторой, единственным газетным предприятием в городе, имеющей собственную артель газетчиков, получено до 20 000 писем с заводов посылать им газетчиков.

Были случаи, что рабочих, читающих «Северную рабочую газету», «Путь правды», арестовывали.

Среди рабочих — волнения. На заводах — усиленная полиция. Ожидаются крупные столкновения.

Товарищи, встает север.

Но защищайте рабочую прессу, этот могучий рычаг просвещения. Немедленно нужно потребовать от правительства ответа на незаконное притеснение печати.

Киев. 19 апреля 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию журнала «Металлист».

Мы, группа рабочих по обработке металла г. Киева, выслушав доклад нашего

товарища о рабочей печати и терниях, лежащих на пути нашей печати, вынесли следующую резолюцию.

Резолюция:

«Мы, группа организованных рабочих по обработке металла, протестуем против гонений на рабочую печать и приветствуем ее, а также всех товарищей тружеников в созидании и распространении нашей печати, бывших и теперешних, а тем, кто пострадал за нее, мы шлем свое горячее спасибо и говорим, что никогда, до тех пор пока тлится огонь в нашей груди, мы не забудем их. Рабочей же печати в день юбилея рабочей газеты «Правда» мы шлем горячий привет, со своей стороны будем всячески поддерживать нашу печать на ее тернистом пути и ко дню ее юбилея решили отчислить свой дневной заработок в пользу всей рабочей печати, а также произвести повсеместные сборы в «железный фонд» ее.

Обращаемся ко всем товарищам пролетариям. Призываем вас, товарищи, поддерживать рабочую печать морально и материально, ибо мы должны помнить, что только выдержанная марксистская печать может нам помочь и осветить все наше бедственное положение на нашем тернистом пути вперед. А вы то, металлисты, не должны забывать, что у нас есть свой профессиональный орган «Металлист», который освещает все живое наших товарищей рабочих по металлу, читайте же его и распространяйте и поддерживайте наш журнал».

Резолюция принята тремя группами. Копии общие посланы в «Путь правды», «Северную рабочую газету» и в «Цайт».

Николаев, Херсонской губ., 20 апреля 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию газеты «Путь правды».

Мы, группа сознательных рабочих Русского судостроительного общества в Николаеве, горячо приветствуем с днем юбилея нашу дорогую просветительную газету «Путь правды». От всей души желаем ей дальнейшего и счастливого процветания на ее трудном и тернистом пути. Ввиду тернистого ее пути и частых различных репрессий, которые градом сыпятся на наш дорогой «Светоч» — Маяк»[1]). Видя все это, мы не можем остаться равнодушными, а вполне присоединяемся к товарищам прочих городов и шлем свою посильную лепту в фонд дорогой «Путь правды» — 2 р. 85 к. В сборе участвовало 5 товарищей: Добрый, Бывалый, Сергей, Полевой и Цветочников.

[1]) Так в подлиннике перлюстрации.

Рига, 22 апреля 1914 г., «Группа из 22 человек». В редакцию газеты «Путь правды».

Мы, группа административно осужденных и заключенных тов. работниц г. Риги, шлем горячий привет своей любимой газете и выразительнице наших идей «Пути правды» в день ее юбилея. И к нам, вырванным из ваших рядов, проникает живое слово и связывает нас тысячами нитей с той жизнью, которой живет весь наш пролетарский класс, и вселяет в нас в минуты душевного упадка новые силы и веру в победу наших идей.

Прилагаем при сем продовольственные деньги для «железного фонда»—3 рубля.

Москва, 24 апреля 1914 г., мастеровые Казенного № 1 винного склада. В С.-Петербург, в Российскую соц.-дем. рабочую фракцию [Госуд. думы].

Мы, сознательные мастеровые, шлем горячее приветствие вашей многоуважаемой газете «Путь правды». Желаем больше выносливости от произвола и конфискации и дальнейшего существования в пользу угнетенного рабочего люда.

Позвольте принести вам нашу маленькую лепту в размере 4 рублей. В сборе участвовало 33 человека.

Пенза, 20 апреля 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию «Путь правды».

Мы, группа рабочих г. Пензы, шлем привет выразительнице рабочих нужд всего пролетариата. Тесным кружком должны сплотиться мы для общей пользы. Шлем свою посильную лепту и посылаем в «железный фонд» 44 р. 65 к.

От дерево-обделочников	— 12 р. 25 к.
Слесарей З. и К.	— 11 р. 84 к.
Кровельщиков	— 3 р. 30 к.
Кузнецов	— 3 р. 5 к.
Токарей через Л.	— 4 р. 70 к.
От Фомина	— 8 р. 20 к.
Расход В. В.	— 1 р. 60 к.

Пенза, мастера С. В. и В. Ф.

Архангельск, 18 мая 1914 г. «П. Сергеев». В Петербург, Таврический дворец, члену Государственной думы Петровскому, с.-д., для Российской социал-демократической рабочей фракции.

(На письме имеется штемпель «Редактор газеты «Северное эхо»).

Уважаемые товарищи.

Ваше письмо мы получили. Как радостно было получить привет из сердца партии!

Товарищи, это подняло наши чуть было не упавшие силы.

Вы, вероятно, знаете, что было перед первым мая в Архангельске.

Да, все, все обрушилось на нас.

Как мы уже вам писали, газету предположено было выпустить 18—20 апреля; как вдруг в ночь с 18 на 19-е апреля в редакцию—фараоны, но мы господ ожидали,— само собой, приготовились (прежде чем посетить нас, редакцию, был произведен обыск у одного товарища).

Искали, искали и, конечно, остались с носом. Но неизвестно почему все помещение редакции запечатали.

Три раза еще посетили помещение конторы (оставшееся свободным).

Перед первым мая были произведены обыски у товарищей: Тужикова, Починкова, Будакова, Комарова и меня, Сергеева, при чем нас последних троих при первых обысках арестовали и продержали по 2 недели в тюрьме; за недостатком улик 5 мая освободили.

Искали, как полагаем, листочков «Первое мая».

Наконец, 11 мая, помещение редакции распечатали.

Собравшись, принялись снова за дело.

Что же, первый удар укрепил силы!

Вперед!..

23 мая выходит первый номер газеты.

Вам ведь известно, как жмут провинциальную печать.

Но что бы то ни было — вперед!..

Редакция наша ежедневно получает десятки писем с заводов — описать страдания, защитить.

Товарищи! С выходом газеты каждый номер будем посылать по 2 экз., а пока остаемся с товарищеским приветом.

Буда Кошелевская, Могилевской губ. 10 июня 1914 г. «Николай» в Калиш, к Е. Шаухету, для З. М. М—ской[1]).

Температура настроений поднимается чуть ли не с каждым днем и скоро дойдет до максимума, и тогда должно произойти разряжение. Показателем приподнятого настроения может служить то сочувствие, которое выражают рабочие и крестьяне своим газетам. Так, по поводу двухгодичного существования своих газет, «Путь правды» собрал тысяч 25, «Рабочая газета» — тысяч 10 и «Смелая мысль» тоже тысяч 10. Надо не забывать, что эти тысячи собирались с самой бедноты, которая не могла давать рублями, — значит, в сборе приняли участие сотни тысяч народа. И когда начались репрессии против социалистической печати, десятки тысяч рабочих и почти все высшие учебные заведения Петербурга заявили свой протест, объявив однодневную забастовку.

1 мая редакции газет, названных выше, были уверены в конфискации первомайских номеров; рабочие ночью явились в редакции, где печатаются эти газеты, и вынесли несколько десятков тысяч экземпляров, которые потом и разошлись по всей России. Вообще, как видишь, настроение растет и не только в городах, а даже здесь у нас в деревнях. Незаметно, без шуму, развивается наша, действительно, необъятная Русь.

Неизданное письмо В. М. Гаршина

Публикуемое ниже письмо В. М. Гаршина к гр. М. Т. Лорис-Меликову от 25 февраля 1880 г. непосредственно примыкает к напечатанному Ю. Г. Оксманом в третьем томе «Полного собрания сочинений В. М. Гаршина» (М. 1934, изд. «Academia», т. III, стр. 207) письму к Лорис-Меликову же от 21 февраля 1880 г., написанному в связи с покушением на него И. Млодецкого и предстоящей казнью последнего. В своей статье «Всев. Гаршин в дни «диктатуры сердца» («Кат. и Сс.» 1925, II (15), стр. 126—135), Ю. Г. Оксман, пользуясь воспоминаниями близких Гаршину лиц, впервые восстановил ту обстановку, при которой происходило написание письма от 1 февраля, но, не имея точных документальных данных, оставил открытым вопрос о том — действительно ли Гаршин лично виделся с Лорис-Меликовым, желая убедить его не подвергать смертной казни И. Млодецкого. Публикуемое письмо Гаршина от 25 февраля, устанавливая факты посещения Лорис-Меликова и «буйства», устроенного Гаршиным в его доме, является как бы ответом на вопросы, которые предложил или мог предложить ему Лорис-Меликов при свидании. Заступничество за Млодецкого и туманная фраза письма от 21 февраля о том, что «быть может, в недалеком будущем она («идея», «пролившая столько крови и слез виновных и невиновных»), прольет их еще больше» (Гаршин подразумевает террористическую работу народовольцев), естественно могли вызвать у Лорис-Меликова вопрос о принадлежности самого Гаршина к «социально-революционной партии».

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 57, л. Б.

С другой стороны, фразы того же письма от 21 февраля об «убийцах и взрывателях невинной молодежи», о «растерзанных трупах» солдат Финляндского полка, погибших 5 февраля 1880 г. при взрыве Зимнего дворца Халтуриным, а также о том, что, простив Млодецкого, Лорис-Меликов «убьет нравственную силу людей, вложивших в его руку револьвер», может быть, даже понятые своеобразно Лорис-Меликовым, естественно могли дать ему повод высказать Гаршину подозрение в измене той же «социально-революционной партии». Помета «sic», сделанная самим Гаршиным при названии «соц.-рев. партия», показывает желание Гаршина подчеркнуть, что и названия-то партии он не знал и узнал его лишь от самого Лорис-Меликова. Публикуемое письмо не только не противоречит содержанию письма от 21 февраля, но еще более подчеркивает жалкую позицию не пристававшей ни к правому, ни к левому берегу либеральной буржуазии, представителем которой является в данный момент Гаршин. Обращает на себя внимание и последний абзац письма: «В минуту, когда я к о н ч а ю это письмо, п р и х о д и т городовой с повесткой из III отделения». Это совпадение вызова в III отделение и написания письма едва ли может быть случайным. Невольно является мысль о том, что письмо от 25 февраля было начато не д о п р и х о д а городового с повесткой, а п о с л е получения таковой. В своем письме Гаршин как бы заранее, сам дает ответы на те вопросы, которые, по его предположению, могли бы ему предложить в III отделении, т. е. прежде всего вопрос о принадлежности к народовольческой партии. О визите своем в III отделение Гаршин не упоминает в своих письмах; ни слова не говорит об этом факте в своих воспоминаниях жена Гаршина — Надежда Михайловна Золотилова, бывшая тогда его невестою (Сочинения, т. III, стр. 526). Что произошло с Гаршиным в III отделении, неизвестно. Можно только сделать предположение о связи этого невольного визита с быстрым отъездом Гаршина из Петербурга (1 марта он был уже в Москве), после чего с ним случился сильнейший нервный припадок, доведший его почти до сумасшествия.

Публикуемое письмо Гаршина обнаружено при разборе россыпи фонда бывш. министерства внутр. дел, среди которой оказались некоторые бумаги Лорис-Меликова, относящиеся в большинстве своем к службе его на Кавказе. Написано оно на обыкновенной почтовой бумаге малого формата, на трех страницах, крупным размашистым почерком. При подготовке письма к печати пунктуация исправлена; слова, написанные сокращенно, дописаны. Письмо подготовлено к печати под редакцией А. А. Шилова научным сотрудником ЛОЦИА Г. Ф. Лаппо.

Ваше сиятельство!

Я искренно благодарен вам за заботы обо мне, но, во избежание чересчур больших хлопот, считаю необходимым уведомить вас:

1) О том, что я н и к о г д а [1]) к «социально-революционной партии» (sic) [2]) не принадлежал.

2) Что, следовательно, я не являюсь изменником ни перед кем, даже перед этой «партией».

3) Что о моем пребывании в вашем доме в ночь на 22 число знают, кроме меня, т о л ь к о ч е т в е р о из них ближайших друзей, в том числе моя невеста [3]). За их молчание я ручаюсь собою и прошу только вас принять меры, чтобы слух о моем буйстве в вашем доме не вышел из него, если моя просьба не опоздала уже.

В минуту, когда я кончаю это письмо, приходит городовой с повесткой из III отделения собственной его императорского величества канцелярии. Письмо вам я все-таки считаю долгом послать, не зная, буду ли иметь случай видеть ваше сиятельство. Вы имеете способность привлекать сердца, и на этот раз привлекли и бедное, больное сердце

Вашего слуги
В с. Г а р ш и н а.

СПБ
$18\frac{25}{II}80$

[1]) Подчеркнуто в подлиннике В. М. Гаршиным.

[2]) Помета самого В. М. Гаршина.

[3]) Из приводимых Ю. Г. Оксманом в примечаниях (т. III, стр. 475) воспоминаний Н. С. Русанова видно, что этими четырьмя ближайшими друзьями были — Над. Мих. Золотилова, сам Н. С. Русанов и художник Мих. Ег. Малышев — сожители Гаршина по квартире — и публицист-народоволец С. Н. Кривенко, которому Гаршин рассказывал о своем визите к Лорис-Меликову 21 февраля.

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.